

Приключение в Осень



КАТАРИНА
БЛОХОВА

Катарина Ёлохова

Приключение в Осень

«Литнет»

2023

Ёлохова К.

Приключение в Осень / К. Ёлохова — «Литнет», 2023

Я и представить не могла, что расставание с бывшим приведёт к тому, что он проклянёт меня. Более того, я даже не придавала значения его словам. За что, похоже, и поплатилась, попав в другой мир. Теперь, чтобы вернуться домой, мне необходимо пройти странный драконий обряд. И ещё — мне ни в коем случае нельзя влюбляться в тех, кто мне буквально не оставляет и шанса на простые дружеские чувства. В тексте есть: — боевая попаданка в иной мир; — откровенные постельные сцены; — приключения; — всевозможные испытания; — и драконы. ⚠ Предупреждение ⚠ Местами жестоко и кроваво. Неидеальные герои со своей тёмной, иногда очень неприятной стороной. К книге есть дополнительный визуал, который вы найдёте в моём тгк-канале: [kateyolbook](#) Создатель обложки и артов персонажей: Виктория Марс. Создатель артов с драконами: SCORPION | Обложки для книг.

© Ёлохова К., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

ГЛАВА 1: НИНА	6
ГЛАВА 2: НИНА	9
БОНУС: НИНА	12
ГЛАВА 3: НИНА	13
ГЛАВА 4: НИНА	15
ГЛАВА 5: ДАРИОС	17
БОНУС: ДАРИОС	21
БОНУС: ДЕЙТА	22
БОНУС: КАРТА ПЛАНЕТЫ	23
ГЛАВА 6: ТРИНАДЦАТЫЙ	24
БОНУС: ТРИНАДЦАТЫЙ	26
БОНУС: ШЕСТНАДЦАТАЯ	27
ГЛАВА 7: ФИЛАКТЭЙ	28
БОНУС: ФИЛАКТЭЙ	32
БОНУС: ФИЯ	33
ГЛАВА 8: НИНА	34
ГЛАВА 9: НИКАСИС	37
БОНУС: НИКАСИС	39
БОНУС: НИМЕЙЯ	40
ГЛАВА 10: НИНА	41
ГЛАВА 11: НИНА	43
ГЛАВА 12: НИНА	45
ГЛАВА 13: АНДОС	48
БОНУС: АНДОС	50
БОНУС: АРИДА	51
ГЛАВА 14: НИНА	52
ГЛАВА 15: НИНА	54
ГЛАВА 16: ПИЛАРГУС	56
БОНУС: ПИЛАРГУС	58
БОНУС: ПАТАНАРИЯ	59
ГЛАВА 17: БИОНЕЙ	60
БОНУС: БИОНЕЙ	62
БОНУС: БИРМА	63
ГЛАВА 18: НИНА	64
ГЛАВА 19: НИНА	66
ГЛАВА 20: ТРИНАДЦАТЫЙ	68
БОНУС: ТРИНАДЦАТЫЙ	72
ГЛАВА 21: НИНА	73
ГЛАВА 22: НИНА	76
ГЛАВА 23: АНДОС	79
ГЛАВА 24: НИНА	81
БОНУС: РУБИНОВЫЙ ДРАКОНЧИК	85
ГЛАВА 25: ПИЛАРГУС	86
ГЛАВА 26: НИНА	88
БОНУС: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ К ГЛАВЕ	91
ГЛАВА 27: НИНА	92

ГЛАВА 28: НИНА	95
ГЛАВА 29: НИНА	99
ГЛАВА 30: НИНА	102
ГЛАВА 31: НИКАСИС	104
ГЛАВА 32: НИКАСИС	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

ГЛАВА 1: НИНА

Скучаяще постукиваю указательным пальцем по тёмно-коричневому лакированному столу. И делаю вид, что слушаю очередную увлекательную историю об архивных работах моего будущего бывшего.

Взглядом скольжу по его худощавому вытянутому лицу, выдающие в нём немецкие корни: светлая кожа, «грустные» бледно-пшеничные брови, серо-голубые глаза, римский нос с едва заметной горбинкой, тонкие извилистые губы, резко очерченная нижняя челюсть и подбородок.

Так странно, а ведь ещё в самом начале отношений у меня загорались глаза и рот открывался от восхищения при виде Кости. Он казался мне эталоном мужской красоты, сочетающую в себе строгую мужественность и благородный аристократизм. Теперь же он меня больше не волнует. Не привлекает ни его хорошо сложенное тело, ни мягкие короткие волосы, ни забавные уши торчком, ни тонкие длинные пальцы рук с ухоженными ногтями.

За последний месяц Костя надоел мне так сильно, что потеряла интерес не только к нему, но и к нашим разговорам. Точнее, к выслушиванию его невообразимо занимательных историй, которые с ним приключаются на работе, на остановке, в фитнес-зале, в очереди в магазине, в подъезде, в городском парке, в парикмахерской и автомойке. В общем, везде, где он только бывает.

Поначалу мне это даже нравилось: было приятно слушать некогда возлюбленного. Особенно его низкий бархатистый голос. К тому же я могла расслабиться после утомительного рабочего дня в салоне, во время которого мой рот практически не закрывался. Однако со временем, когда мне приходилось выслушивать нытьё и сплетни не только от клиентов, но и, казалось бы, серьёзного и рассудительного мужчины. Моя симпатия ко всему, что с ним связано, сошла на нет.

— Готовы сделать заказ? — у нашего столика возникает услужливый официант в чёрно-белом костюме, держа наготове ручку и блокнот.

— Будьте добры, нам, пожалуйста... — Костя начинает перечислять блюда и напитки, а я утыкаюсь взглядом в панорамное окно.

Обычно я более энергичная и эмоциональная. Но сегодня, к несчастью остальных, не выпалась. Ещё в салоне трубу прорвало, из-за чего пришлось сдвинуть клиентов, а некоторых вообще отменить.

В число тех, кого вежливо попросила перенести визит на массаж, попала одна вредная и донельзя тошная клиентка. Потребовалось проявить всю свою выдержку, с моим то взрывным характером, чтобы уговорить её выбрать другой день. Разумеется, она долго и упорно настаивала, чтобы я отменила клиенток, которые записались до неё. Но я человек принципов: кто успел, того и тапки. А заносчивых моржих, считающих себя пупом земли, ожидает очередь в конце коридора.

Безусловно, я могу отказаться от этой клиентки. Но на то, чтобы продолжить с ней работать, имеются две веские причины. Во-первых, я пообещала решить её проблему. А я своё слово держу, несмотря ни на что. Даже если мне приходится жертвовать сном или сутки не есть. Во-вторых, она платит мне в два раза больше, чем остальные. Поэтому я терплю её хамское поведение, базарный характер и нескончаемые капризы. Правда, внутри зудит предчувствие, что скоро моё самообладание иссякнет, и я натолкаю ей красного словца без всякой разработки и вазелина.

Что поделать, природа не наделила меня особым терпением. Да и не от кого перенимать эту черту: отец сразу же взрывается, когда что-то идёт не так, как он задумал, а мама, точно как я, сперва накапливает недовольство в себе, а когда «бочка» переполняется, устраивает такую

словобойню, что на окнах цветы трусливо вянут. Папа даже в шутку придумал нам прозвища. Маму он называет Предвестницей Бури, а меня — Штормовой Грозой. Однако в последний год он обращается ко мне исключительно по имени и в отчуждённо формальном тоне.

Всё дело в том, что он хотел видеть меня наследницей своей небольшой адвокатской фирмы. А у меня же были и остаются иные представления о своей специализации. Помню, в начальных классах я горела идеей стать автогонщицей, в средних, когда отец начал обучать меня самообороне, — боксёршей. Ну а к старшим классам, когда мой парень-баскетболист во время матча потянул плечо и отправился на скамью запасных, поняла, что хочу быть массажисткой. Наблюдая, как рушится чужая мечта, до меня вдруг дошло, что помогать людям — всё, что мне нужно. Пусть даже и в такой форме.

Озвучив свои намерения отцу, я сразу же получила ультиматум: либо юридический и финансовая поддержка от него, либо, если продолжу стоять на своём, не видать мне ни копейки.

Я не из тех, кто бросается во все тяжкие и, горделиво задрав нос, отказывается от благ, к которым успела привыкнуть. Поэтому, с горем пополам окончив институт, я получила обещанные отцом деньги и... открыла массажный салон. Стыдно ли мне? Вообще нет! Я показала родителю, что не собираюсь быть площадкой для реализации чужих мечт. Если ему так нужен наследник, я прямо так отцу и сказала в нашу грандиозную ссору, то пусть начинают другого ребёнка. А я своё решение не изменю.

С тех пор у нас натянутые отношения. Папа ждёт, что я раскаюсь в своём проступке и прибегу работать в его фирму. А я — что он возьмёт в расчёт мои желания.

— Нин, ты тут? — будущий бывший некультурно щёлкает пальцами у моего лица, отчего во мне вспыхивает кровожадное желание немедленно их сломать. Но вместо потакания своей жестокости, которая, как говорит отец, досталась мне от далёких аптечных предков, я устремляю в Костю уничижительный взгляд. Он тут же тушует, неосознанно вдавив голову в плечи, и нервно проговаривает: — Ты как? Всё в порядке? Ты сегодня такая молчалива... Что-то случилось?

Досадливо морщусь и выгибаю бровь, всем своим видом говоря: «Ты это сейчас серьёзно или неудачно пошутил? Я и так практически всегда молчу». Но будущий бывший не слишком сообразительный, поэтому расценивает этот жест таким образом, словно он сморозил какую-то ужасную глупость. Он постоянно так делает, поскольку приbedняться и выставить себя жертвой любых обстоятельств — это его одно из самых излюбленных занятий. Что, в принципе, звучит смешно. Ведь по своей природе Костя — нарцисс. Нарцисс, склонный к самоуничижению. Н-да.

— Не выпалась, — отмахиваюсь от его наигранного переживания за моё самочувствие и, подперев основанием ладони подбородок, возвращаю свой взгляд в окно.

Пусть я не слишком жалею осень, предпочитая лето и зиму. Однако на фоне несмолкаемых монологов будущего бывшего она теперь не кажется мне такой унылой.

В слабом отражении стекла разглядываю свой томящийся от скуки образ: тёмно-каштановые волосы ниже плеч, потерявшие форму двухчасовой укладки, безучастные к происходящему васильковые глаза, подведённые стрелками, и слегка поджатые полные губы, на которых почти что стёрлась помада от недавно выпитого фруктового чая. И чего, спрашивается, тяну внутреннюю тигрицу за усы? Нужно уже порвать с этим радиовещателем, сидящим напротив, и ехать домой отсыпать. Тем более на завтра запланировано столько дел, что наверняка приесть некогда будет. С утра и в обед мне нужно встретить курьеров. Один из них привезёт мне новую мебель в салон, а второй — импортные средства для массажа, которые я ждала три месяца. После них подъедет электрик: он установит зеркало с подсветкой в туалете. Ну а вторая половина дня у меня полностью посвящена клиентам.

Кроме того, нужно что-то приготовить поесть на работу, поскольку обедать в ресторане весьма накладно: при плотном графике я не всегда успеваю до него дойти. А ещё я очень бережно отношусь к деньгам. Особенно учитывая, что у меня нет финансовой поддержки. И практически всё заработанное уходит на салон и дополнительные обучающие курсы.

За окном, видимо, вообразив себя зайцем, прямо луже прыгает лучезарный мальчик лет пяти. А приземистый дедушка, идущий сзади него, с улыбкой наблюдает за происходящим.

Меня тоже не оставляет равнодушной невинное детское баловство, вызывая приступ умиления. Но лишь на короткий миг. Худенький мальчик в ярко-жёлтом плаще и резиновых сапогах с утятами резко поворачивается в мою сторону. Смотрит прямо в глаза немигающим, пробирающим до самых костей взглядом исподлобья. Протягивает правую руку вперёд и, растянув губы в жуткой кривой улыбке, выставляет мизинец вверх.

Я замираю, не понимая, что происходит. Вдоль позвоночника пробегают холодные мурашки, а дыхание спирает. На какое-то мгновение чудится, что передо мной стоит вовсе не ребёнок, а низкорослый демон, обманом поселившийся в этом хрупком теле. Хотя я вообще не верю в потустороннее, предпочитая опираться на логику и рационализм. Но когда этот курчавый зеленоглазый мальчишка безошибочно угадывает, где я сижу, игнорируя зеркальную поверхность с уличной стороны. Я готова поверить во что угодно, лишь бы дать себе хоть какое-то вразумительное объяснение происходящему. Потому что вариант, что я слетела с катушек от хронического недосыпа и переутомления, меня совершенно не устраивает.

— Ты в порядке? — неожиданно спрашивает Костя и дотрагивается до моего плеча, из-за чего я подпрыгиваю на мягком кресле и с трудом подавляю испуганный вскрик. — Ты какая-то бледная, — всматривается в моё лицо с наигранно-обеспокоенным выражением.

Растерянно поворачиваюсь к окну, но... Посреди серого асфальта, заваленного жёлто-оранжевыми и грязно-коричневыми листьями, нет ни мальчика, ни того дедушки в поеденном молью пальто.

Похоже, я действительно не выпалась, отчего начало мерещится всякое. Пожалуй, нужно закругляться со всем этим фарсом под названием «Костя и мои отношения с ним». А о том, что эта жуткая сцена с мальчиком произошла наяву, даже думать не хочу. Поэтому лучше отторжусь от неё самообманом и притворюсь, что совершенно не напугана.

ГЛАВА 2: НИНА

— Я завершаю наши отношения, — произношу без всяких прелюдий и устремляю прямой взгляд в своего уже бывшего. Сожалею ли я о том, что всё закончилось именно так? Пожалуй, нет. Почему-то ещё в самом начале, когда мы встретились в кафе, я предчувствовала, что это ненадолго. Кажется, мама называет это женской интуицией, когда заранее знаешь, что человек тебе не подходит. А папа — неразумной инвестицией в заведомо проигрышную кампанию.

На заострённом лице напротив отражается целая гамма эмоций: удивление, растерянность, неверие и огорчение. Костя утыкается взглядом в свои ладони, неподвижно лежащие на столе, и сквашивает такую страдальческую гримасу, что не сдерживаюсь и закатываю глаза. Терпеть не могу, когда он начинает строить из себя побитую суровой жизнью сиротку. А ведь ещё в самом начале как-то умудрялся отыгрывать зрелого и разумного мужчину. По итогу оказалось, что в шкуре взрослого человека застрял обиженный на весь мир несмышлёныш.

Даю бывшему несколько минут на ответ. Но, так и не дождавшись ничего, кроме недовольного пыхтения, накидываю на плечи шерстяное пальто и покидаю ресторан. По пути к выходу успеваю расплатиться со своим заказом, которое так и осталось нетронутым, и вызвать такси.

Вдыхаю прохладный, горьковато-сладкий запах осени. И спускаюсь по узкой лестнице, раз и навсегда отпуская ту часть прошлого, что меня связывала с Константином Шварцем.

Забавно, а ведь мама считала, что он — тот самый, с кем я построю крепкую и дружную семью. Может, это говорило её материнское сердце, переживающее за свою дочь после череды неудачных отношений. А вот папино скептическое хмыканье красноречиво описало всю ситуацию. Он мне как-то предложил завести несколько любовников и перестать тратить время на поиски «того самого».

«Недостатки одного компенсируешь другим, — говорил отец. — Пока милуешься с одним, обиды и раздражения на другого временно забываются. И знай себе устраивай временные любовные курорты. А внуков мы примем от любого, ведь это в первую очередь твои дети».

Я так и не поняла: он предложил это всерьёз или просто пошутил с невозмутимым выражением лица. А может, мы действительно странная семья, как про нас перешёптываются соседи.

— Поймай! — окликает меня Костя, выскакивая в одной водолазке на улицу. — Мы не можем так просто взять и расстаться, — нагоняет и перехватывает меня за запястье. — Назови хотя бы причину! Всё же было так идеально! А ты берёшь ни с того, ни с чего и предлагаешь расстаться!

Раздражённо поджимаю губы, краем глаза улавливая любопытные взгляды прохожих в нашу сторону.

— Я не люблю тебя, — говорю чётко и коротко. Не собираюсь тратить ни минуты на бессмысленные выяснения отношений. Раньше нужно было шевелиться, когда давала шанс высказаться.

— Прощу, не уходи, — вымученно шепчет и силой сжимает моё запястье, ненароком причиняя боль. — Мне неважно, любишь ты меня или нет, — ошарашивает своим откровением. — Моей любви хватит на нас обоих. Умоляю, Нина, останься. Ты самое лучшее, что случилось в моей жизни.

Признаться, я не ожидала, что услышу нечто подобное от Кости. За всё то время, что мы провели вместе, он говорил только о себе. И ни слова о том, что он ко мне чувствует. Поэтому я нехило так зависаю, уронив челюсть на сырой от дождя асфальт. В своих мыслях, разумеется.

На ускоренной перемотке прогоняю наши завершённые отношения и понимаю, что они больше походили на взаимовыгодное сотрудничество, чем на «нежные» чувства. Мне нужен был постоянный партнёр для секса, а Косте — та, что спасёт его от одиночества. В связи с этим слова бывшего звучат как несуразная блажь. Любовь? Серьёзно? Лучше бы правду сказал, чем так откровенно лгал.

— Имей ты хоть каплю достоинства! — сердито встряхиваю рукой, освобождаясь от навязчивого прикосновения. И отступаю на шаг, заметив, что такси уже прибыло и ожидает на парковке.

— Пожалуйста... — настойчиво протягивает ко мне руку, но я ловко уворачиваюсь. Настораживает это его упрямое желание вцепиться в меня своей клешней. Ну ничего, я умею за себя постоять. В случае чего, устрою ему публичное унижение в виде парочки «лещей» по страдальческой физиономии. Потом и думать забудет, чтобы ко мне приближаться. Я-то знаю, как хрупко мужское эго.

— Нет, — отвечаю твёрдо. — Если тебя устраивает играть в любовь, то меня нет. Более не намерена это обсуждать. Считаю, я делаю тебе одолжение, уступив место для той, кто действительно тебя полюбит, — мои слова звучат высокомерно и хлётко, но мне нужно обрубить остаточные нити, которые связывают нас. Пусть мне и приходится отыгрывать роль законченной дряни.

Отступаю ещё на шаг, наблюдая, как лицо бывшего приобретает зловещее очертание: в серо-голубых глазах отражается неприкрытая ненависть, ноздри трепещут от бешенства, а уголки губ ползут вниз. В голове промелькивает мысль, что, находясь в таком состоянии, он запросто может меня ударить. И хоть я подкована во многих видах единоборств, опасаясь, травм не удастся избежать. А мне, между прочим, завтра на работу. Не прельщает перспектива прийти на неё разукрашенной и помятой.

— Будь ты проклята, сука! — метает слюни, точно обезумевшая альпака. — Пусть судьба преподаст тебе жёсткий урок! Желаю, чтобы ты страдала от невозможности быть с тем, кого искренне полюбишь!

Костя гневно сжимает кулаки, играя желваками. Смотрит на меня ненавидящим взглядом и резко разворачивается, отчего внутренне напрягаюсь, приготовившись дать отпор. Но мои худшие опасения не оправдываются: вместо того, чтобы пасть в моих глазах ещё ниже, бывший широким шагом устремляется к ресторану.

Достаю из кармана платок и вытираю щеку, на которую как раз прилетела слюна бывшего. Я впервые видела его таким, поэтому эта сцена с проклятием оставляет поганое послевкусие. Хорошо, что я порвала с этим человеком именно сейчас. А я не стала дожидаться, когда он покажет свою настоящую суть.

Торопливо сажусь в такси, где меня ждёт недовольный водитель, и достаю из сумки телефон, разрывающийся от громкой трели звонка. На экране высвечивается «папуля».

— Слушаю, — прикладываю телефон к уху, затылком ощущая неприятное и пугающее предчувствие.

— Ты где? — прилетает требовательный вопрос, навевающий воспоминания о студенческих годах, когда у меня ещё не было своей квартиры и приходилось отчитываться за каждый шаг перед родителем. Кто же знал, что этот контроль будет преследовать меня и в двадцать девять лет.

— Домой еду, — отвечаю с лёгкой досадой, провожая взглядом мрачные здания города.

— Домой не заходи, а сразу поднимайся к нам, — тоном, не терпящим возражения, произносит отец. — Поняла? — проговаривает ещё с большим нажимом, отчего мой внутренний вулкан начинает пробуждаться. Мало того, что бывший подпортил настроение, так ещё папа решил добить мой день.

Вопреки тому, что соглашаюсь со странным и настораживающим приказом родителя, я всё равно делаю так, как диктует мне мой мятежный характер.

Захожу к себе в квартиру, вспомнив, что с утра не покормила кота. И только после того, как, наполнив миску и посюсюкавшись со своим угольно-чёрным пушистиком, иду к родителям.

Не успеваю выйти из кухни, как мои ноги подкашиваются, и я заваливаюсь набок.

Падаю на бедро, хватаясь руками за горло, которое передавило с такой силой, будто кто-то невидимый затянул на моей шее удавку.

Ползу к сумке, оставленную у входной двери, и из последних сил отгоняю крадущуюся ко мне панику. Со мной такое впервые, поэтому единственная здравая мысль, которая посещает мою голову — это позвонить родителям. И сейчас я как никогда рада, что они живут этажом выше.

С дверным проёмом начинает происходить что-то из ряда вон выходящее: пространство в нём искрится, словно ток в разорванных проводах. Затем эти мерцающие вспышки стремительно расширяются, образуя полупрозрачное радужное полотно.

Входная дверь резко распаивается, и в квартиру входят родители. Ужас застывает на их лицах. Однако вместо того, чтобы стоять подобно истуканам, наблюдая за непонятным светящимся явлением, они бросаются мне на помощь. Только вот ни мама, ни папа не успевают добежать до меня: чья-то рука, появившаяся из ниоткуда, рывком затаскивает меня прямо в радужную «аномалию».

Испуганный крик застревает в горле вместе с воздухом.

А денёк у меня определённо выдался на славу.

БОНУС: НИНА

ГЛАВА 3: НИНА

Мир перед глазами закручивается в смазанный цветастый водоворот.

К горлу подкатывает сильная тошнота, грозящая презентовать утренний перекус.

В носу нещадно щиплет от горячего сухого воздуха, отчего возникает острое ощущение, что хрупкие капилляры попросту не выдержат и лопнут. Сколько себя помню, у меня всегда были слабые кровеносные сосуды. Особенно от резких перепадов температур и несильных тычков.

Поэтому единственное, что не даёт желудку устроить *тошнорвотное* представление, а крови хлынуть из носа — это запах свежего бергамота, смешанный с ароматом горько грейпфрута, чёрного перца, граната, лаванды, сладкой груши, розы, пачули и ладана. Головокружительная плотная смесь заполняет собой не только невидимое пространство, но и каждую частицу моего тела: она делает его чувствительным и податливым, заставляет гореть и изнывать от мучительного возбуждения.

Но, к счастью или сожалению, сама не разобралась, этот одуряющий эффект быстро рассеивается и выталкивает меня в реальность. В ту, где мой желудок выворачивает наизнанку, а глаза невыносимо жжёт от ослепительно-белого света, пробравшегося под закрытые веки. И ещё кажется, что кровь у меня пошла не только из носа, но изо рта и ушей.

На меня бетонной стеной обрушивается оглушительная боль. Она выкручивает во мне каждую косточку. Доводит каждую мышцу до одной нестерпимой судороги, от которой сводит выгнутую поясницу. Надавливает на череп с такой силой, что появляется стойкое предчувствие: ещё одно лёгкое нажатие — и его раздавит надвое, как печеньку с предсказанием.

Настолько скверно-пакостно я себя не чувствовала даже тогда, когда перебрала на выпускном с алкоголем и шоколадными печеньками с травкой. А потом извергала свой прелестный внутренний мир в мусорный контейнер, из которого воняло так, что меня выворачивало с утроенным старанием моего очаровательного желудка. Однако, по сравнению с тем, с чем пришлось столкнуться утром, моё незапланированное свидание с мусоркой и мимо пробегающими крысами показались мне ой какими снисходительными цветочками.

После этого я больше не пила. И не плакала. А сейчас, когда меня выбрасывает то в лютый холод, то в чудовищную жару, по вине которых перестала чувствовать онемевшие конечности и трясусь, как от тифозной лихорадки. Я не то чтобы плачу — реву косулей, застрывшей в охотничьем капкане.

В какой-то момент во мне поднимается нетерпеливое желание прекратить эту агонию, потерявшись в спасительном сне. И стоит мне только подумать об этом, как симптомы начинают ослабевать. Но не потому, что потеряла сознание. А из-за холодных прикосновений, которые ощущаю на себе.

Сперва кто-то почти бережно подхватывает меня на руки. Прикладывает прохладные пальцы ко лбу, забирая мою боль, страх и беспомощную растерянность. Это происходит так, словно умелый хирург вскрыл все мои чувства и извлекает те, что посеяли в них хаос. Ловко и без ощутимого дискомфорта.

Медленно распахиваю веки, натыкаясь взглядом в раскосые тёмно-синие глаза, обрамлённые длинными, слегка подкрученными ресницами. Краем зрения выхватываю грязно-серый каменный потолок. Круглое окно под ним, из которого падает тускло-красный свет. Яркие мозаичные фонарики, выполненные на турецкий мотив. Резную перегородку из тёмного дерева слева, которая, судя по всему, отделяет одну часть мрачной залы от другой. Но единственное, что завладевает всем моим вниманием — это пристальный взгляд, напитанный глубокой мудростью и какой-то непостижимой тайной. И если бы он не был покрыт ледяной

коркой безразличия, я бы беспечно подумала, что в нём проскальзывает заинтересованность мною.

Похоже, сегодня явно не мой день. Потому что темноволосый мужчина, на чьих коленях сейчас лежит моя голова, единственный, кто понравился мне за долгое время, а точнее за год. Но он, к огорчению моей слабохарактерной влюбчивости, не испытывает ко мне взаимного влечения.

Опускаю взгляд на прямой длинный нос. И плавно «соскальзываю» на полные упругие губы, на которых зависаю чуть дольше, чем хотелось бы. У меня есть незыблемое правило: если не нравлюсь мужчине, то моментально пресекаю собственные поползновения наглухо очароваться им. Но, несмотря на это, всё равно ничего не могу с собой поделать, когда вдыхаю запах незнакомца. От него пахнет океаном: завлекающим и таящим в себе множество вопросов и опасности. А ещё — едва уловимыми нотами кокоса, ладана и смесью пряных цветов.

Я не сильна в разборе запахов. Поэтому слабо различаю лишь те, с какими довелось столкнуться и неоднократно взаимодействовать по воле своей профессии.

— Доброго пробуждения, обычная, — моих ушей касается тихий бархатистый голос. И если бы не это странное, задевающее самолюбие прилагательное в конце, я бы наверняка с блаженством разбилась о его голос, как волна о приветливые скалы.

— Доброго, — стоит мне раскрыть рот, как горло тут же обжигает. Как будто не слово сказала, а проглотила килограмм ядрёного перца вприкуску с мелкими гвоздями.

— Досадное упущение, — с тенью сочувствия комментирует незнакомец и прикладывает к моему горлу длинные узловатые пальцы.

Вспыхивает яркий жемчужно-синий свет, порождающий в голове рой вопросов.

— Это что за цыганские фокусы? — на этот раз слова даются мне намного легче, словно ничего и не было. И меня это начинает сильно настораживать.

— Тсыгганские? — ломано повторяет.

И тут меня прошибает осознанием: незнакомец говорит на совершенно незнакомом мне языке. Мало того, что он говорит, и я его прекрасно понимаю. Так ещё я на нём разговариваю!

ГЛАВА 4: НИНА

Первым порывом мне хочется подскочить и наброситься на незнакомца с обвинением в духе: «Какого ху... лешего ты меня похитил?!». Но у меня на подобные резкие выпады нет ни сил, ни доказательств.

Последнее, что помню перед тем, как очнуться на любезно предоставленных мне коленях, от жара которых у меня вспотела шея. И теперь она, между прочим, чешется. Так это руку, затащившую меня в радужную «аномалию». И, в отличие от моего озадаченного незнакомца, похожего на популярного корейского актёра из какой-нибудь дорамы про эпоху Чосон, эта чья-то наглая ручонка была обёрнута в чёрный рукав. А у моего загадочного азиатика, который скоро протрёт во мне дырку своим пристальным взглядом, серо-синий... эээ... кажется, парадный мундир.

Я далека от моды. И совершенно не разбираюсь в тканях и названиях одежды. Для меня что худи, что джемпер — это одно и то же. И название они носят одинаковое — кофта.

Несмотря на то, что мама с особой родительской «заботой» пытается (вот уже второй десяток) привить мне любовь к «дамскому туалету». Переводя её старомодные словечки, которые она подхватила из своих боготворимых исторических любовных романов: к укомплектованному гардеробу, который должен быть у каждой истинной женщины. Все её попытки проходят мимо моих ушей стройным маршем равнодушных оловянных солдатиков.

Тем не менее, я всё равно одеваюсь стильно и со вкусом. Так, как принято моим внутренним дизайнером. Не вижу никакого смысла тратить по нескольку часов на бутики и примерку огромного количества, как выражается мой папа, тряпок. Мне достаточно одного взгляда и прикосновения к вещам, чтобы определиться: нравится они мне или нет. И если они попадают под вкусовые предпочтения моего внутреннего эстета, я покупаю их. И, честно, мне всё равно, из какой ткани они сшиты и соответствуют ли капризам нынешней моды. Главное, чтобы мне было максимально комфортно в них.

Кроме того, я не стремлюсь подражать Елизавете Петровне[1], которая за всю свою жизнь сменила столько нарядов, что остальные её государственные заслуги меркнут на этом фоне.

Мама же не принимает мою бесстрастную позицию. Всё потому, что она сама каждые две недели выделяет по одному дню, чтобы обойти все фирменные магазины в поисках очередной пары «красивеньких» туфель. И «роскошного» платья в комплекте с сияющими ярче Полярной звезды украшениями, способными вызвать откровенную удушающую зависть у дамочек из их общего клуба под фееричным названием «Жёны бизнесменов».

Иногда мне кажется, что папа печатает деньги. Он хоть и ворчит, что маме пора открывать собственный магазин из тех тряпок, что она накупила. Но всё равно поощряет её шопоголизм.

— Что происходит? — наконец отмираю, подобрав более-менее приемлемую фразу, в которую вкладываю смысл всех терзающих меня вопросов: «Где я?», «Как я здесь оказалась?», «Почему я не только понимаю совершенно незнакомый мне язык, но и говорю на нём?».

Незнакомец словно считывает мои мысли, из-за чего мерещится, будто кто-то копошится в моей голове. Снисходительно улыбается своими магнетическими губами, отчего его тёмно-синие глаза слегка «оттаивают». И выдаёт обтекаемую фразу:

— Скоро ты обо всём узнаешь. Прояви терпение. — Он на секунду прикрывает нависшие веки, и как по команде, по мрачному залу прокатывается хлопок от закрывшейся двери и чьи-то тяжёлые шаги. Кажется, с десяток людей.

По позвоночнику пробегает стая противных холодных мурашек.

Стискаю челюсть от напряжения: терпеть не могу, когда на меня наваливается ощущение собственного бессилия. Сразу начинаю чувствовать себя слабой и никчёмной. И мозг,

как назло, подкидывает зловещие картинки того, как меня приносят в жертву своим богам чокнутые сектанты. Ещё среди кровавых брызг и кишок, которые невольно вываливаются из воображаемого вспоротого живота, протискивается картина того, как меня продают в сексуальное рабство.

Даже не знаю, что хуже: стать несчастным подношением или куклой для извращений.

И прежде чем я додумываю план отчаянного побега, черноволосый незнакомец прикладывает указательный и средний палец к моему лбу, отчего возникает уже знакомое жемчужно-синее свечение. И на меня мгновенно, как под манипуляциями талантливого гипнолога, мягко накатывает умиротворённое спокойствие.

Вот и всё. Пришёл мой час. И самое поганое в этой ситуации — я даже не смогу дать отпор негодяям.

[1]Имеется в виду императрица и самодержица Всероссийская из династии Романовых, которая славилась своим богатым гардеробом.

Дорогие читатели, я вернулась в строй. Постараюсь выкладывать проды 3-4 раза в неделю. Благодарю за терпение ###==≡ΣΣ(## ³##)

ГЛАВА 5: ДАРИОС

За два дня до встречи

Заложив руки за голову, с плотоядной улыбкой наблюдаю, как Дейта натягивает платье на своё аппетитное, взмокшее после страстного секса тело. Её твёрдые тёмно-коричневые соски цепляются за белую ткань лёгкого платья, как бы намекая, что они не прочь побыть неприкрытыми ещё некоторое время. Тем более, когда у них есть такой увлечённый зритель, как я.

Успеваю скользнуть пожирающим взглядом по плавным изгибам талии своей любовницы. Выхватить треугольник рыжего пушка с выющимися волосками. И обвить её соблазнительные бёдра, на которых остались следы от моих пальцев. Прежде, чем ткань успела прикрыть всю эту завлекающую прелесть.

Если бы я был диким змеем, то окончательно и бесповоротно прилип бы к этому сочному мягкому телу с большой упругой попой, над которой так люблю отыгрываться, когда беру её хозяйку сзади.

— Глаза оставишь, — наигранно фыркает Дейта, принявшись за многочисленные шёлковые завязки спереди её платья. — И вообще, когда ты начнёшь собираться на Собрание Равновесия[1]? Знаешь же, что Первый не любит, когда на него опаздывают, — проговаривает так, будто подражает моей матушке своей нравоучительной интонацией. Камень поперёк горла встаёт, когда наречённая невеста начинает озвучивать свои скучные нотации. И «настроение» как рукой снимает.

Но не в сегодняшнем случае. Мы долго не виделись с ней, поэтому я пропускаю её слова мимо ушей.

— Ты с кем-то спала во время моего плавания в Панáфи[2]? — разглядываю её поглощённое взбиванием золотисто-рыжих локонов отражение в напольном зеркале с резной рамой из тёмного дерева. На самом деле меня интересует этот вопрос, хоть и произношу его как бы между прочим. Словно мы ведём непринуждённую светскую беседу, а не выясняем кто с кем предаётся любовным утехам.

Кстати об утехам. Надеюсь, её сестричка не проболтается, как мы недавно «заболтались» в апельсиновой роще. Причём интенсивно так, что в самый разгар «беседы» опрокинули одно из деревьев и вдобавок извоились в липком соке от безнадёжно раздавленных апельсинов.

Несмотря на то, что нам, самцам, не запрещается спать с другими самками. Мне не улыбается потерять из-за этой мимолётной интрижки расположение отца сестричек. Мы с ним условились, что после брачного ритуала он отдаст мне Южную Каменоломню и прилегающий к нему Рудник Самоцветов. Для меня обладать ими крайне... необходимо, поскольку эти изобильные своими ресурсами места когда-то принадлежали нашему роду. Угасшему роду Каменного Когтя.

Я же решил вернуть своей семье былое величие и те богатства, которые ещё три тысячи лет назад принадлежали нам. Но были бессовестно пропиты моим недалёковидным прадедом.

— Почему ты спрашиваешь? — будущая невеста безымянным пальцем вбивает в свои пухлые губы ярко-красную помаду, подчёркивающую её страстную, жадную до секса натуру. И в голове невольно всплывает образ, как она какие-то полчаса назад со сладостным упоением в «тыквенных» глазах обхватывала ими меня. Облизывала, причмокивала, проводила от самого основания и до конца.

От этой ожившей картины я вновь пришёл в полную «боевую» готовность. Что, собственно, не стал скрывать, усевшись на край широкой кровати и продемонстрировав свой вздыбленный член.

Такова природа всех разумных драконов. Только вот каменные не скрывают, что пропускают всё сперва через вуаль похоти, а уже потом думают основной головой. Другие же предпочитают строить из себя благородных господ и господж. Ещё высказывают своё презрение в нашу сторону, что мы пробуем друг друга до брачного ритуала. Хотя в числе моих любовниц были некоторые из тех, кто громче всех кричал о нравственности. Замечу, что не только с трибун совета, но и в моей постели. Правда, они просто кричали от наслаждения, позабыв о личной «чистоте». Лицемеры, одним словом.

— В этот раз ты была не столь... «голодна», — я наклоняюсь назад и упираюсь руками в сырые от пота и наших соков простыни. — Присядешь? — подаюсь бёдрами вперёд в пригласительном жесте.

Будущая невеста заворожённо прикусывает кончик указательного пальца. Облизывает его своими порочными, лишаящими всякого здравомыслия губами. И медленно разворачивается.

— Разве я могу отказать своему ненасытному господину? — проговаривает с придыханием, отчего её большая тяжёлая грудь призывно выступает вперёд.

Дейта приподнимает струящийся подол, демонстрируя красивые округлые колени.

По игривой улыбке и лукавым искрам в прищуренных глазах считываю: невестушка что-то задумала.

— Но... — протягивает она и резко отпускает подол. — Сбор уже начался, — снова завела свою песнь про старую, как этот мир, традицию. И кинула в меня рубашкой, поднятой с пола. — Одевайся и пошли.

Я перехватываю одежду одной рукой и нагло делаю вид, что занимаюсь сборами. Но вместо этого, пользуясь тем, что Дейта потеряла бдительность, я перехватываю её за талию, вжимаю в себя и прикусываю кончик её стремительно краснеющего уха.

— Ты так и не ответила на мой вопрос, — облизываю хрящик горячим языком и упираюсь твёрдым членом ей в поясницу. Вопреки тому, что я всю ночь брал свою невесту в самых разных позах. А до этого хорошо провёл время с её сестрой, я по-прежнему чувствую себя не насытившимся.

К моему огорчению, этот «недуг» был со мною всегда. Сколько бы любовниц у меня ни было (некоторые из них были умелее другой), никому из них так и не удалось утолить мой первобытный голод. Древние легенды гласят, что это под силу сделать только истинной паре. Но в нашем мире истинность — это невероятная редкость. Причём такая, что истинных пар можно сосчитать по пальцам одной руки. И все они находятся среди старших драконов, а не молодняка. Пророчу, что через пару тысячелетий знания о них тоже превратятся в старую добрую легенду.

— Отец раздумывает о союзе с Долоносом Каменным Кулаком из рода Каменного Шипа, — проговаривает Дейта ослабшим голосом и протяжно вдыхает воздух, прикрыв накрашенные веки.

— Этого земляного червя? — с раздражением выплёвываю. При упоминании этого гадёныша, который портит мне всю торговлю, моё возбуждение разом испаряется. — А меня в известность решили не ставить? — подхватываю одежду с пола и уже действительно начинаю одеваться.

— Ты чего, милый? — Дейта невинно хлопает густыми ресницами. — Ещё же ничего не решено. Отец и мать только-только получили предложение.

— Но ты всё равно решила с ним переспать, — моё вырвавшееся утробное рычание звучит так, словно я ревную свою невестушку. Эта черта свойственна всем разумным драконам. Несмотря на принятое по вынужденным обстоятельствам многомужество, все самцы — жуткие собственники. Поэтому, чтобы ненароком не задрать друг друга. Особенно во время брачных игр. В Священной Книге Триады[3] чётко прописано правило, согласно которому один

супруг может находиться подле своей супруги всего лишь сотню лет. И пока не иссякнет время других, он не смеет приближаться к ней.

Если до брачного ритуала мы придерживаемся довольно свободных нравов, то после него накладывается запрет на любовные похождения. По крайней мере, мужские. А сидеть вдали и покорно ждать брачного сезона — это то ещё невыносимое испытание. Особенно если у самки от четырёх и более избранных. Например, как у моей матери: моему отцу больше не посчастливится увидеться с ней, поскольку ему осталось от силы двести лет. А его повторный брачный сезон наступит только через триста. Кроме того, знаю такие случаи, когда самцы и вовсе умирали в одиночестве и без потомства, так и не дождавшись отведённого им времени.

— Ты же спал с моей сестрой, — кладёт свою узкую ладонь на мою грудь, обладавая приторно-сладким ароматом своего возбуждения: её определённо заводит моя случайная «ревность».

До того, как узнал, что моя будущая невеста переспала с моим главным конкурентом, её запах казался мне вполне сносным. Но сейчас мне хочется оттолкнуть её, чтобы не вдыхать эту погань.

Ещё одна причина, по которой самцы не могут ужиться на одной территории: мы не выносим запах друг друга. Тем более на своей самке. И неважно, выбрана она природой или семьёй.

И хоть Дейта до нашей встречи смыла с себя всю вонь этого земляного червя и давно пропахла мной, мне всё равно становится невыносимо рядом с ней. Больше из-за того, что моя гордость задета.

— Но я ведь тебе и слово не сказала, — продолжает спокойным тоном и помогает застегнуть рубашку.

— Всё-таки проболталась? — приподнимаю бровь, намекая на её сестру, не умеющую держать язык за зубами. В каких-то случаях это действительно приемлемо.

— Нет, — похлопывает меня по груди в своеобразном жесте о хорошо проделанной работе. — Видела, как она прыгала на тебе в апельсиновой роще.

— Расстроилась? — заглядываю в её посмурневшее лицо и обхватываю его ладонями.

— Хотела оторвать ей голову на месте, — признаётся Дейта, обиженно поджав губы и пряча глаза.

Нас не связывает большая и чистая любовь. Лишь обязательства брачного договора, подписанного нашими семьями. Это стандартная практика для всех. Ввиду того, что количество самок в пять раз меньше, чем самцов. Тринниада[4], дабы не допустить превращение конкуренции в настоящую войну, приняла закон, по которому родители вправе заключать брачные договоры без согласия его прямых участников. Именно поэтому большинство подобных союзов образуются ещё в младенчестве.

По сути, мы с детства обречены быть с Дейтой вместе. И с этим остаётся только смириться. Если только Звезда Лилии[5], выбирающая каждые сто пятьдесят лет мужей для невесты из другого мира, не отметит меня. Тогда это будет веской причиной разорвать договор. Но лишь в том случае, если та самая невеста, призванная в наш мир восстановить численное равновесие, окажется каменной драконницей. В ином же случае всё останется как есть. И это, кстати, устраивает меня.

Учитывая, что в последние две тысячи лет мир призывал кого попало, думаю, переживать не о чем. Не пылаю желанием потерять из-за чужеземки всё, что я с таким усердием нажил.

[1] *Собрание Равновесия* — собрание, на котором с помощью Звезды Лилии выбирают потенциальных мужей для будущей попаданки-невесты.

[2] *Пана́фи* — континент, расположенный на далёком севере Осен'и.

[3] Священная Книга — свод законов, которому подчиняются все обитатели планеты. Триада — три Великих Богини, от которых произошли существа Осен'и. За исключением космических драконов, воздушных, световых и драконов пустоты.

[4] Тринниада — высший законодательный орган, в который входят тринадцать представителей от каждого вида драконов.

[5] Звезда Лилии — священный артефакт, восстанавливающий численное равновесие между мужчинами и женщинами за счёт того, что выбирает для будущей попаданки её предполагаемых мужей. Лилиа — Великая Богиня-Матерь Созидания.

С наступающим Новым годом, мои дорогие читатели!

БОНУС: ДАРИОС

Дариос Каменный Пик из рода Каменного Когтя:

БОНУС: ДЕЙТА

Дейта Каменное Крыло из рода Озёрного Камня. Бывшая невеста Дариоса:

БОНУС: КАРТА ПЛАНЕТЫ

Расстояние континентов и островов друг от друга в два раза больше. Но, чтобы уместить всё на странице, сделала для вас такой вариант:)

ГЛАВА 6: ТРИНАДЦАТЫЙ

— Тринадцатый! — раздаётся за спиной приветственный возглас. Он будящим кличем разносится по главному залу совета, побуждая присутствующих отмереть от разглядывания массивных неказистых колонн, Звезды Лилии и томящихся в ожидании лиц друг друга.

Я даже не утруждаю себя тем, чтобы обернуться и выяснить, кому принадлежит это столь вызывающее поведение: согласно древним законам, в святыне богов воспрещается нарушать порядок тишины. Разумеется, сюда входят все мероприятия, проводимые в святынях. В том числе и Собрание Равновесия, на котором каждые сто пятьдесят лет выявляются недовольные решением Великой Матери Созидания[1]. Однако даже в порывах собственного гнева и злобы, те самые «счастливчики», коим одна из богинь Великой Триады угодовала судьбу отвергнутого местным обществом, обладают должным воспитанием и проявляют уважение к древнему закону.

Но я не осуждаю своего давнего... сослуживца в порывах идти наперекор старым устоям. В отличие от многих разумных, что с неодобрением и укором смотрят на рыжеволосого нарушителя тишины из когда-то славившегося рода Каменного Когтя. Я один из тех, кто в Совете Единства[2] поддерживает идею о том, что старое необходимо преобразовать. А не уподобляться ему. Иначе мы обречены замереть в нём. И о прогрессе можно забыть.

— Сын Космоса! — каменный дракон встаёт справа от меня и поднимает мизинец вверх в знак приветствия. Добродушная улыбка обманчивой линией растягивается на его губах, прикрывая собой личину чрезвычайно расчётливого и прагматичного до мозга костей разумного.

Помню ещё со студенческих лет, как он искусно создал себе репутацию пропавшего простачка со скудным умишкой и слепой привязанностью к выпивке, самкам и материальным благам. Отчасти это, конечно, так и есть. Но лишь отчасти. На самом же деле он куда умнее. Поскольку благодаря только этой умелой игре каменный дракон вернул десятки когда-то утраченных, насколько мне известно, его прадедом шахт обратно во владения своего рода. А чтобы это проверить, нужно обладать не только внешними данными. Но и мозговыми извилинами с прилегающими к нему навыками истинного купца и хитрого дипломата в одном лице.

Между нами не водилась дружба. Я в принципе не способен выстраивать с кем-то близкие отношения. Даже с собственным младшим братом. Потому что принадлежу к ветви космических драконов. А мы, дети самой Великой Пустоты, ведём достаточно закрытый образ жизни. И не пускаем в свои владения чужаков. Под чужаками я подразумеваю не только разумных, которые не принадлежат к нашему редкому и малочисленному подвиду. Но и всевозможных родичей.

Каждый знает, что космические, ровно как и драконы пустоты, коих практически истребили из-за их сомнительных пристрастий, — сами по себе. Многие считают, что сокращение численности среди наших и низкая рождаемость должна сплотить нас. Но эта проблема только разобщила нас. Подтолкнула к тому, чтобы заняться обустройством собственной жизни. Поэтому во всём мире нет более эгоистичных, гребущих всё под себя драконов, чем космических.

Кроме того, политика и место в Тринниаде, которое я подготавливаю для себя вот уже на протяжении девяноста лет, для меня важнее каких-то сомнительных связей.

— Дариос Каменный Пик, — отразил его приветственный жест выставленным мизинцем. — Столько времени прошло, не ожидал тебя здесь встретить. — Язык чешется впрыснуть в нашу «приятельскую» беседу какую-нибудь приторную лесть. Но эта стезя принадлежит скорее каменному дракону, чем мне. Да и зацепиться не за что: он остался таким же, как я его запомнил в нашу последнюю встречу на выпускном. Тем, кого недооценивать — большая и крайне глупая ошибка. Тем, с кем нужно держать ухо востро, а кошель при себе. Иначе есть

риск стать, как полнятся некоторые слухи, нищим и «счастливым» обладателем бесполезной каменной крошки, валяющейся под ногами.

Помнится, от кого-то я слышал, что Дариос продал одному взяточнику пустую шахту. Тот вложил в неё всё до последнего аллисса[3]. И, разумеется, прогорел. А каменный вышел чистым из сделки: он оформил всё настолько красиво, что эктеон[4] даже не сумел подкопаться к договору. В доверок взяточнику пришлось выплатить солидный штраф за ложное донесение.

— Не уж то думал, что я вознёсся к Праматери[5]? — ухмыляется рыжеволосый нарушитель и не думающий говорить полущёпотом, как принято. Из-за чего получает раздражённое шиканье и осуждающее цоканье от особо праведных.

«Я вообще о тебе не думал», — подмывает ответить, но вместо этого предпочитаю соблудности все нормы приличия, как подобает настоящему политику:

— Думал, что ты давно прошёл брачный ритуал.

Лицемерно? Воистину. Однако, если бы я не обладал этим важным качеством, ни при каких обстоятельствах не достиг бы того, чем обладаю сейчас.

Наше общество не проявляет уважения и сострадания к тем разумным, которые не обладают землями, статусом и властью. Они для него сродни обычным. Так называют тех, кто потерял свою высшую форму[6]. А в связи с тем, что около пятисот лет назад к нам начали попадать крайне слабые существа, лишённые всякой магии, мы стали причислять к обычным и их.

— Как видишь, — мой собеседник широко разводит руки в стороны, — не успел.

На этой ноте наша нарочитая вежливость друг к другу истлевает. И мы одновременно поворачиваем головы в сторону мерцающей слабым бело-фиолетовым свечением Звезды Лилии.

Где-то в чертогах разума крутится тревожная мысль, что и я поступил недальновидно, не пройдя брачный ритуал с моей названной невестой. И несмотря на то, что древний артефакт за всю историю своего существования не отмечал космических драконов в качестве предполагаемого супруга для будущей «гостьи», меня всё равно пробирает на опасения.

И, как выяснится позже, не зря.

[1] Имеется в виду Лили́а, Великая Богиня-Матерь Созидания, состоящая в Великой Триаде.

[2] Совет Единства — исполнительный орган, на котором выдвигаются все важные законопроекты и передаются на рассмотрение Тринниады. В отличие от Тринниады, куда входят самые выдающиеся драконы из Совета Единства, прослужившие на благо мира четыреста пятьдесят лет. В Совет Единства входят отличившиеся своими заслугами драконы из Ордена Объединений.
 Орден Объединений — представительный орган местного самоуправления, в который входят избранные народом представители из выдающихся и славившихся древних родов.

[3] Аллисс — местная валюта.

[4] Эктеон — местная полиция.

[5] Праматерь — Вселенная, от которой произошло всё.

[6] В этом мире существует несколько видов форм:

Разумная — существа в «человеческом» обличи.

Промежуточная — частичное обращение.

Примитивная — все существа, не обладающие «человеческим» обличем.

Высшая — драконья форма.

БОНУС: ТРИНАДЦАТЫЙ

Тринадцатый Сын Космоса из рода Северной Звезды:

БОНУС: ШЕСТНАДЦАТАЯ

Шестнадцатая (Лада Песнь Звезды) из рода Млеющего Созвездия. Бывшая невеста Тринадцатого:

ГЛАВА 7: ФИЛАКТЭЙ

Наваливаюсь плечом на каменную колонну и наблюдаю за развернувшимся представлением в главном зале совета. Дариос Каменный Пик, как всегда в своём репертуаре: привлекает к своей неоднозначной персоне слишком много внимания и выставляет себя посмешищем.

Слышал, что этот навык помогает ему пустить пыль в глаза другим крупным дельцам и заключать сделки на наиболее выгодных для себя условиях. И правда, что взять от своенравного чудака, позволяющего себе выказывать подобную дерзость в святыне богов? Только лишнюю головную боль, с которой хочется побыстрее разделаться.

Впрочем, меня совершенно не интересуют мотивы поступков бывшего сослуживца. Моё «лестное» мнение о каменном, как об одном сплошном недоразумении, не поменялось за сто пятьдесят лет. И вряд ли поменяется: не терплю тех, кто проявляет неуважение к богам и их святыням. Для меня вера и память прошлого крайне ценны. Именно поэтому я стал наставником при Академии.

По обсидиановому залу разносится шелест шепотков, знаменующие начало Собрания Равновесия.

С левой стороны от Звезды Лилии встаёт величественная фигура Первого, неформального главы всех истоков[1]. Хотя наши предки десять тысячелетий назад отказались от единовластия, отдав предпочтение коллегиальности. Разумные всё равно остаются верны своим традициям, негласно отдав перстень власти одному из сильнейших драконов нашего мира. Однако каждый в Тринниаде, да и в Совете Единства знает, что решающее слово всегда остаётся за Второй, поистине мудрой и уважаемой, а в некоторых случаях и воспеваемой разумной. За всю свою короткую, но полную наблюдений и анализа жизнь, мне ещё ни разу не повстречалась самка, которая, точно как и Вторая, умела бы сочетать в себе живую энергию богинь и стальную твёрдость характера богов. Пожалуй, Вторая — это ещё одна самка после моей матери, которой я восхищаюсь.

С правой стороны от древнего артефакта располагаются молчаливые и безликие жрицы в длинных грязно-чёрных балахонах, которые со стороны выглядят так, словно их подпалили.

Именно поэтому я не стал прямым прислужником богов, а всего лишь наставником. Не из-за потрёпанных балахонов, разумеется. А потому, что перед тем как стать служителем в святыне, каждый проходит обряд очищения, в процессе которого священным клинком отрезают язык, уши и детородный орган. Вдобавок опаляют лицо, делая из него нечто с маленькими глазами, слипшимся ртом и дырками вместо носа. Объясняют это тем, что только так можно добиться единения с богами.

Внешнее уродство меня совсем не пугает: внутреннее у многих будет пострашнее. Но даже с моей преданностью к Великим Богам я не готов пожертвовать возможностью исследовать этот мир от одного края континента до другого. И перспективой хотя бы в конце своей жизни ответить на многие вопросы, касающиеся мироздания и тех, кто его населяет.

— Так и вижу, как у тебя поджилки трясутся, — пускает своеобразную шутку Никасис Искромётный Луч из рода Золотого Света. Этот, на первый взгляд общительный и жизнерадостный световой дракон тоже проходил со мной службу в Академии.

Помню, как в самом начале, по глупости своего возраста, пытался с ним соревноваться в знаниях, похвале от наставников и наградах от пройденных заданий. А спустя какое-то время на одном из награждений Вторая спросила меня, ради чего я так лезу из собственной чешуи. И когда, поразмыслив, понял, что ради чужого одобрения, а не своих принципов, сразу успокоился.

— Слышал, что ты в прошлом месяце собирался пройти брачный ритуал, — продолжает световой, делая шаг вперёд вместе со мной, когда один из разумных, приложив руку к белофиолетовой сердцевине, не получает метки Великой Матери Созидания.

Вообще, если так подумать, то получение метки выглядит как случайный розыгрыш. Ведь согласно древним традициям, женихи выбираются до того, как мир призовет избранную Триадой.

И, учитывая, неудачный опыт прошлого, в котором божественное вмешательство пытается восполнить разницу в самках, где-то на одном из этапов произошло аномальное искривление. Ибо не может дракон одного вида или подвида зачинать потомство с другим. Что уж говорить о «случайных гостях», попавших в наш мир.

В своё время я изучал этот феномен и даже написал исследовательскую работу, в которой описал существование других миров и населяющих их видов. В ходе исследования я имел честь побеседовать с эльфийкой, орчихой, русалкой и крайне странной человечкой. Однако, несмотря на то, что они имеют принадлежность к разным видам, мы их всё равно называем обычными. Всё из-за того, что они не обладают магией и не отличаются долголетием. И крайне-крайне редко могут понести потомство от других обычных, самцов, что потеряли свою высшую форму. Правда, многие детёныши от этих союзов рождаются безбожно уродливыми, а через несколько дней возносятся к Праматери.

Насмешка ли это от богинь или наказание за то, что драконы пустоты пытались сотворить со своими детьми. А может, что впоследствии с ними сотворили другие разумные, практически истребив, а выживших отправив в Тоннели Страха и Печали. Но мы находимся в безвыходном положении: каждый поворот Олимии[2] в мире рождается всё меньше и меньше самок. Взрослые самки стали всё чаще болеть и умирать при родах, не оставив после себя потомства.

Как бы учёные умы ни старались уберечь самок с помощью различных артефактов, татуировок и целебных настоек, смертность и не намерена сокращаться. Поэтому единственная наша надежда — это призыв и вера в то, что однажды Великие Боги смилостивятся и отправят к нам нужных самок.

— А ты, как всегда, крайне разговорчив, — напоминает о себе Никасис, кисло улыбаясь.

— Не пристало в святые богов перешёптываться, — проговариваю нехотя, напоминая световому про древний закон.

Тот лишь закатывает ярко-золотистые глаза и проходит вперёд, обронив фразу, которая, по всей видимости, должна меня как-то задеть:

— Твоя набожность удушает. Похоже, не только меня. Но и твою будущую невесту.

Я не состою в ордене балаболов, чтобы трепаться о себе и своих планах с каждым встречным. И вообще не жалую тех, кто пытается выведать что-то из моей биографии. Ещё и напрямую у меня. Некоторые события жизни научили, что информация обо мне может стать опасным оружием в руках недругов. Так что с тех пор, когда меня предали близкие приятели, разболтав мои секреты и намерения, после чего я стал изгоем в школе, а в Академии попал под подозрения Верховного Суда Хромсы[3]. Я зарёкся рассказывать что-то о себе. Даже собственной семье. В том числе и деду, воспитавшему меня.

Что же касается брачного ритуала: то была моя инициатива отложить его, поскольку мы с моей названной невестой не смогли прийти к некоторым договорённостям.

— Прокляни меня Великий Абсолют! — со стороны Звезды донеслось ругательство, в мгновение рассеяв все мои глубокомысленные размышления.

Взглядом выхватываю профиль Дариоса, который со смесью недоумения и раздражения смотрит на метку Лилии в виде светящихся под кожей оранжевым переплетающихся витиеватых линий. Метка огибает правое запястье каменного и дикими змеями устремляется вверх по жилистой руке.

Он первый из пятидесяти, прошедших отбор, кто получил метку. Поэтому следующие разумные с большой настороженностью и нервозностью прикладывают руку к древнему артефакту.

Отчасти я понимаю каждого из них: если мир призовет опять кого-то из обычных, то избранные женихи потеряют всё, чем обладают. По крайней мере, до расторжения брачного союза. А этот процесс довольно затяжной: сперва необходимо по всем правилам пройти брачный обряд. А затем, в присутствии свидетелей, которые подтвердят, что союз недопустим для наших видов, разорвать его. Но лишь в том случае, если Великая Триада не воспротивится намерению своих детей. А в последнее тысячелетие это произошло лишь раз: четыреста пятьдесят лет назад.

— Нет! — до моих ушей доносится громкий шёпот... Первого. Его немолодое лицо разглаживает глубокое потрясение, а глаза, в которых застывает непонятная эмоция, устремляются в Тринадцатого.

Насколько мне известно, он наставник Сына Космоса. И готовит его в преемники. Но, по всей видимости, этому не дано осуществиться. Если только призванная не будет космической драконницей. Однако в этом случае каменный будет обречён: в древнем законе прописано, что если в подобном союзе есть хотя бы один совместимый с самкой разумный, то развод невозможен. Поскольку он может поспособствовать тому, что энергетические нити, объединяющие отмеченных, могут повредиться, и тогда самка не сможет понести даже от подходящего ей самца.

Тринадцатый, в отличие от Первого, не реагирует столь открыто на решение Великой Матери Созидания. И с невозмутимым достоинством покидает главный зал совета. Это его умение держать себя на публике всегда вызывало во мне уважение. А сейчас и подавно: когда космический уверенной походкой проходит мимо меня, я замечаю, как на дне его светло-фиолетовых глаз плещется убийственная ярость. Однако Сын Космоса всё равно находит в себе силы, чтобы обуздать её.

Что ж, оценив поразительное самообладание Тринадцатого, скажу, что он достойный кандидат на перстень власти. Даже несмотря на тягу к притворству и интригам.

Наконец, подошла и моя очередь прикоснуться к Звезде.

Без лишней суеты и сомнений кладу ладонь на обжигающий артефакт, убеждённый опытом прошлого, что я точно не пройду отбор. Но когда правую руку прошибает мощным электрическим разрядом, а под бледной кожей расползаются витиеватые синие линии, впадаю в полный ступор.

Такого просто не может быть.

Это полнейший абсурд.

Ошибка артефакта, не иначе.

За всю историю существования Собрания Равновесия такого, чтобы Звезда отметила трёх драконов, принадлежащих к разным видам, не случалось. Из двух разных — было дело. Но не из трёх!

Присутствующих тут же охватывает беспокойное перешёптывание, которое вскоре перетекает в нервный галдёж. И как окажется позже, совершенно оправдано. Даже я, «набожный», это признаю. Ведь древний артефакт отметит ещё и светового, земного, лавового и ледяного дракона.

Кем же должна быть избранная Тριάдой, раз Звезда Лилии выбрала для неё (без тени чванства) столь сильных и занимающих не последнее место в обществе драконов?

[1] Исток — имеется в виду территория.

[2] Поворот Оли́мии — имеется в виду месяц. Оли́миа — Великая Мать Разрушения, состоящая в Великой Триаде.

[3] Верховный Суд Хро́мсы — суд, названный в честь богини справедливости. На нём рассматриваются уголовные дела.

БОНУС: ФИЛАКТЭЙ

Филактэй Туман Океана из рода Восточного Океана:

БОНУС: ФИЯ

Фия Капля Росы из рода Жемчужных Водопадов. Бывшая невеста Филактэя:

ГЛАВА 8: НИНА

— Что ты со мной сделал? — спрашиваю заторможенно, словно механическая игрушка, у которой внезапно заржавел движитель. И мысли становятся такими вялыми, текучими, будто моё тело и сознание убаюкивают прохладные морские волны. А я, вместо того, чтобы плыть к берегу, позволяю этим тёмно-синим «волнам» уносить меня всё дальше и дальше в волнующую неизвестность.

— Ты шумная, — проговаривает странный ответ незнакомец. И, подхватив меня под лопатки, усаживает на каменную лавку. Он делает это так аккуратно и бережно, словно опасается причинить мне дискомфорт. И от этого я чувствую себя как минимум хрустальной. И... сбитой с толку, потому что его действия не состыкуются с высокомерными словами, которые он произносит.

Практически лишённая сил, наваливаюсь спиной на холодную стену и непонимающе смотрю на моего таинственного и немногословного «господина без вопросов и люблю тишину».

— Ты много и громко думаешь, — опережает назревающий на моём языке вопрос очередной своей странной формулировкой, от которой у меня округляются глаза, а вдоль позвоночника пробегает стая колючих мурашек. — Я даже не успеваю отследить логику твоих мыслей, — продолжает, снисходительно усмехнувшись. — Но образы очень яркие и... шумные. Поэтому не могла бы ты успокоиться? Я не хочу тратить остаточные крупницы своей магии на такое пустяковое дело, как умирять нестабильные эмоциональные реакции *чужеземлянке*.

Хлопаю ресницами, широко разинув рот. И смотрю на длинноволосого незнакомца, как на ожившее фантастическое существо из детских сказок.

— И не могла бы ты прикрыть рот? — сухо подмечает, пристально разглядывая мои обветренные губы. Если не брать во внимание его подчёркнуто-безразличный тон и надменность в тёмно-синем взгляде, можно по простоте своей сердечной предположить, что «господин без вопросов и люблю тишину» исподтишка любит меня. — В нашем обществе этот жест считается неприличным.

Порываюсь сказать какую-нибудь колкость, но не успеваю: к нам в закуток, прикрытый резной деревянной перегородкой и частью выступающей стены, заходят «посетители». От повисшей в воздухе недосказанности у меня противно сводит зубы, из-за чего на вошедших я смотрю таким злющим взглядом, что впору гвозди заколачивать. Например, в гроб одного заносчивого типа.

— Филактэй Туман Океана, — из толпы собравшихся мужчин отделяется один и проходит вперёд, останавливаясь как раз напротив моего неудавшегося собеседника. — Наша гостья только пришла в себя, а ты уже успел попасть к ней в немилость, — он заходится обволакивающим и заразительным смехом, от которого я немного оттаиваю и расплываюсь в лёгкой улыбке.

А этот высокий и подтянутый незнакомец номер два с длинными, слегка выющимися ржаво-коричневыми волосами, определённо умеет расположить к себе. Не то что некоторые!

— Не имею ни малейшего представления, чем я так успел досадить гостье, — произносит невозмутимо, словно «господина без вопросов и люблю тишину» это совершенно не касается.

Бросаю косой, полный притворной презрительности взгляд на него. И начинаю подозревать, что для этого... Филактэя грубая каменная кладка на полу гораздо интереснее, чем происходящее вокруг. А ведь сперва он показался мне мудрым, сопереживающим и рассудительным. На деле же оказалось, что мне действительно показалось. И моя необычайная проницательность подвела меня. Между прочим, впервые в жизни: раньше таких осечек не случалось, и я запросто считывала людей.

— Благосклонного дня, госпожа, — приятный незнакомец номер два поднимает мизинец вверх, отчего в голове пугающим скримером выскакивает воспоминание, в котором один мальчик в ярко-жёлтом плаще и резиновых сапогах с утятами сделал такой же жест. Это же... просто совпадение, правда? — С вашего позволения представлюсь, — продолжает источать вежливость этот мужчина в тёмно-оранжевой парадном мундире, в мгновение ока ставшим для меня подозрительным. Если вышел прокол с одним, значит, и с остальными присутствующими не всё так просто и предсказуемо. — Я Дариос Каменный Пик из рода Каменного Когтя.

Где-то с минуту разглядываю этого Дариоса, взирающего на меня сверху вниз с озорными смешинками в прищуренных глазах цвета жжёного апельсина (вот это я понимаю — реалистичные линзы, а не то, что мне однажды привезли из Китая!). Вопреки своему нехорошему предчувствию, выкрадываю пару секунд на любование его загорелым, изящно очерченным лицом, на котором появляется обворожительная улыбка, отгоняющая от меня всякие здравые мысли. А затем, схватившись за раскалывающуюся от лихорадочной тряски голову, начинаю громко хохотать.

Будь рядом мама, она бы точно шлёпнула меня по коленке. А после отчитала за то, что веду себя не как благовоспитанная девушка из уважаемой семьи. А как деревенщина, которая между сильными приступами смеха некультурно похрюкивает. Да ещё и в присутствии притягивающих взгляд мужчин, которые выглядят так, как в той фразе Пушкина: «Все красавцы удалые. Великаны молодые. Все равны, как на подбор. С ними дядька Черномор». И я ведь нисколько не лукавлю про их стать и привлекательность. Среди них даже есть тот самый Черномор: высокий, атлетического сложения, в чёрно-фиолетовом парадном мундире (у них что, дефицит на одежду?), с чёрными короткими волосами и строгим тяжёлым взглядом светло-фиолетовых глаз. Правда, он совсем не тянет на бородатого дядьку с сединой, а скорее на молодого мужчину лет тридцати пяти. Мужчину, от которого меня знобит, а смех стремительно тает на губах.

— Ага, — вытираю проступившие слёзы с уголков глаз. — А я Энниная Сестра Грозы, — с сарказмом озвучиваю своё прозвище, которое мне дал отец в глубоком детстве, когда мы в моём летнем домике играли в принцессу и рыцаря из сказочной страны... эээ... уже и не помню какой. Драконов, кажется.

— Отрадно слышать похожесть в именах. Но позволь полюбопытствовать, из какого ты рода? — похоже, блондинчик, в отличие от Черномора, уставившегося на меня взглядом людоеда, не понял, что я сказала это не в серьёз. И вообще, как быть в такой ситуации серьёзной? Они вырядились, как косплееры на офицеров из эпохи Николая Второго (хоть что-то запомнила с пар по истории). Приволокли меня чёрт-те куда, в нечто похожее на смесь европейского, турецкого и индийского замка из средневековья. Я даже не знаю, где это в нашей стране такие располагаются. И разбавили свои образы ноткой фантастики в виде разноцветных глаз, париков и необычных имён, чем-то напоминающие древнегреческие. — Ох, прошу прощения за мою бестактность, — «опомнился» любопытный, прогоняя от меня возмущения. — Я Никасис Искромётный Луч из рода Золотого Света, — выставляет мизинец вверх в непонятном для меня жесте. Это что, приколы такой?!

Что ж, этому Никасису совершенно точно подходит и его прозвище, и название рода. Ведь он сам как солнечный луч: высокий, подтянутый, а светлая кожа прекрасно гармонирует с золотистыми волосами и сверкающими глазами лимонного цвета. Прямо как у кота в темноте. И как ему удалось сделать такой реалистичный эффект?

— Это мои настоящие глаза, — неожиданно отвечает на мой мысленный вопрос Никасис. Я аж икать начинаю от испуга. Сегодня что, день дурацких совпадений? Сначала мальчик, потом «господин без вопросов и люблю тишину», а теперь и этот Луч попадает точно в цель, словно мои мысли лежат у него на ладони.

Бр-р-р. Ну и денёк. Хочу горячий шоколад и крепко уснуть, чтобы забыть весь сегодняшний фарс.

— Кто-нибудь объяснит мне, что здесь вообще происходит? — не выдерживаю. И, насупив брови, требовательно смотрю на мужчин.

Если это отец, насмотревшись «Холопа»[1] решил устроить мне похожую встряску, чтобы я примкнула к семейному делу, я на протяжении года с ним не буду разговаривать. Нет, двух лет!

[1] Фильм, где отец решил устроить «взбучку» своему сыну-мажору за то, что тот прозябает свою жизнь. И специально оформляет деревню под времена крепостного права, чтобы исправить его несносное поведение.

ГЛАВА 9: НИКАСИС

Неотрывно смотрю, как на порталной арке, выполненной из гладкого вулканического стекла, один за одним загорается высеченный сакральный символ. И вместе с тем, как вспыхивает один из символов в виде красного меча, оранжевого кристалла, жёлтой молнии, зелёного ростка, голубых ледяных шипов, трёх синих волн, фиолетовой кометы или чёрных кругов, пересекающихся друг с другом, стремительно, один за другим, затухают мои планы на будущее.

Я пожертвовал многим, чтобы стать одним из членов Совета Единства, к которому не просто прислушиваются, а поддерживают предложенные мной законопроекты. Ради этого мне пришлось надорваться и окончить Академию с орденом Нитáмоса[1]. Разорвать все связи с дядей, замешанного в сговоре с драконами пустоты. А он, к слову, был мне ближе и роднее отца. И заключить помолвку с той, чьё присутствие я, мягко говоря, могу вынести от силы минут пять. Всё из-за её прескверного характера, длинного языка и бесконечных капризов, длина которых настолько внушительна, что запросто обогнёт всю нашу массивную планету. Да не один раз.

И теперь, когда ритуальная чаша, в которую безликие жрицы собрали мою кровь, прядь волос, пластину чешуи, ноготь и слюну, загорается золотистым светом, удручённо понимаю, что все мои жертвы могут быть напрасны. Особенно, если призванной окажется световая драконница. Пусть Нимéйа Яркая Вспышка и ведёт себя так, будто ей весь мир задолжал. И я в том числе. Но союз с ней обеспечивает мне половину голосов среди воздушных драконов. Именно столько, сколько мне нужно для того, чтобы получить независимость для моего народа.

Слишком долго световые томились в тени небесных и громовых. И я тот, кто положит этому конец. По крайней мере, в случае, если избранная Тριάдой не окажется одного вида со мной. В иных случаях я могу этого добиться лишь через один поворот вокруг Солóноса[2]. После того, как мы пройдем брачный обряд. А после, если Великие Богини не воспротивятся, разведёмся. Но если призванная окажется всё-таки световой, то всё, что я смогу достичь в союзе с ней — лишь жалкой роли áклода[3].

И паршивее всего в этой ситуации то, что не в моих силах избежать союза с иномирянкой. Не из-за того, что наше общество этого не примет и выжжет на моём имени позорное клеймо. Хотя их мнение довольно... двойственно, поскольку, имея связь с чужачкой, по законам не только мира, но и народа воспрещается идти в политику. А потому что метка в случае отречения от избранной меня убьёт.

— Когда я загадывал желание на падающий метеорит, — нарушает гнетущую атмосферу Дариос, — под переменах в своей жизни я имел в виду совершенно другое.

Несмотря на то, что слова каменного звучат как неудачная попытка пошутить, они всё равно приносят эффект, слегка ослабив давящее на мозг напряжение. И, судя по кривым улыбкам, не только у меня.

— А когда я просил отсрочку у Великих Богов от брачного ритуала, — решаю поддержать моего временного побратима, — я тоже совсем не это имел в виду, — киваю в сторону арки, пространство внутри которой покрывается рябью и, словно ожившие морские волны, окрашенные разноцветными красками, начинает взволнованно колыхаться. А вскоре за ним, как в мутном зеркале, появляется девушка, сидящая на полу и держащаяся обеими руками за горло.

«И это ради неё боги обрекли меня на столь незавидную участь?» — промелькивает мысль, когда смотрю на потерянную, заходящуюся в сильном приступе кашля незнакомку с тёмно-каштановыми волосами, в меру пухлыми губами и какими-то невзрачными серо-синими глазами.

— Обычная, — зло усмехается Тринадцатый, выражая негодование за всех нас. — Почему она не заходит к нам? — рассекает воздух резким повелительным тоном, от которого безликие жрицы тут же приходят в движение: один из них просовывает руку сквозь пространство и одним сильным рывком затаскивает в наш мир избранную Тριάдой.

Портал схлопывается ослепительно вспышкой. Под ногами проходит мощная вибрация, обозначающая, что магический резерв мира практически опустел из-за призыва. И ему нужно время, чтобы восстановиться. В лучшем случае пятьдесят лет.

Воздух вмиг наполняется ненавязчивым ароматом полевых цветов после дождя. И я, не отдавая отчёта в своих действиях, жадно втягиваю его носом.

Призванная какое-то время лежит неподвижно, отчего возникает мысль, что она не пережила переход. Но стоит мне об этом подумать, как главную святыню богов тут же пронизывают истошные крики боли и плач, означающие, что девушку настигли последствия от перемещения.

Впервые за много лет моё сердце сжимается в остром болезненном спазме.

Какая-то неведомая сторона моей личности стремится укрыть собой избранную. Защитить от всех возможных опасностей. И унять её боль.

Свет внутри меня приходит в неистовство, недоумевая, почему я стою истуканом и не реализовываю так ярко представленное. Но здравый смысл пресекает этот почти неконтролируемый порыв подбежать к страдающей от мучительной агонии девушки. Он твердит, что у меня не может быть природной тяги к чужемирянке, потому что она обычная. А все метания, происходящие внутри меня, вызваны связующей нас меткой. Не более.

И я почти доверяю доводам своего рассудка. Но огненный, ледяной и космический, кажется, его игнорируют. Потому что приняли свой промежуточный облик, покрывшись чешуёй и выпустив длинные когти. А такое происходит только во время наземного боя или... брачного сезона, когда первозданная суть практически завладевает разумом, действуя на одних лишь инстинктах.

Мне стоит больших усилий взять над собой контроль и отнять взгляд от корчащейся в муках девушки.

— Нам всем нужно выйти, — призываю побратимов покинуть помещение и дать жрецам делать своё дело. Поначалу возникают опасения, что они сейчас устроят со мной и в том числе между собой драку за свою самку. Но благо этого не происходит. И мы в немом молчании покидаем святыню. Все, кроме водного дракона, обладающего магией регенерации, которой, к сожалению, не наделены другие виды.

[1] *Нита́мос* — Великий Отец Воздуха. Награду в честь него вручают воздушным драконам за отличную сдачу итогового экзамена в Академии, в который входит демонстрация безупречных боевых навыков и перечень заслуг перед народом. Например, участие в благотворительности.

[2] *Один поворот вокруг Солоно́са* — старомодное обозначение «один год». *Солонос* — Великий Отец Огня, в честь которого называют одно из небесных светил (местное солнце).

[3] *А́ккод* — глава истока (отдельно взятой территории).

БОНУС: НИКАСИС

Никасис Искромётный Луч из рода Золотого Света:

БОНУС: НИМЕЙЯ

Немейя Яркая Вспышка из рода Лучистых Искр. Бышая невеста Никасиса:

ГЛАВА 10: НИНА

— Я Тринадцатый Сын Космоса, — представляется Черномор, продолжая пожирать меня взглядом оголодавшей акулы, к которой я случайно заплыла в логово. Признаться, мне крайне неуютно пересекаться с его не моргающими светло-фиолетовыми глазами: я не понимаю, почему он такой... злой (не могу наверняка считать его эмоцией) и почему эта до конца неопределённая мной эмоция направлена именно на меня. Я что, успела ему как-то досадить? — Прошу прощения за столь, — он откашливается в кулак, на мгновение прикрывает веки, а когда вновь открывает их, его притягательные черты лица смягчаются, — явное выражение эмоций.

Кажется, до меня начинает доходить нечто важное. То, о чём постоянно твердил отец, когда я пыталась от него что-то скрыть.

«Да у тебя ж на лбу всё написано!» — эхом проносится его грубый каркающий голос.

Выходит, у меня действительно настолько выразительная мимика, что даже незнакомые мужчины, с которыми мы впервые встретились, с лёгкостью определяют, о чём я думаю.

— Не совсем так, — ошарашивает меня Черномор, отчего я прихожу в оцепенение.

Я, конечно, слышала мистические бредни о том, что у некоторых людей есть дар телепатии. Но я даже не представляла, что когда-нибудь мне доведётся повстречать их. Ладно, повстречать! Поверить в то, что они реально существуют! Для меня что экстрасенсы, что телепаты и те же провидцы относятся к категории «выдумки, чтобы развлекать народ». Впрочем, как и все остальные «одарённые». Потому что всем этим сверхъестественным проявлениям в человеке учёные уже давно дали определения. И на некоторых из них стоит жирный штамп «шарлатанство».

Сколько бы меня подруга ни страшила призраками, которых она видела в своём доме. А с одним из них даже проснулась посреди ночи в постели. Я только снисходительно улыбалась. Однако, когда она стала зазывать меня к тарологам, я окончательно прекратила с ней общение. Потому что не верю я во всю эту *чебухню*. Такого просто не может быть!

— Что ж, — Сын Космоса окидывает меня каким-то странным взглядом, как будто перед ним сижу не я, а несмышлёный ребёнок, рьяно защищающий свою позицию о том, что если залезть на высокую крышу, то можно коснуться неба. А затем обменивается взглядом а-ля «тяжёлый случай» с другими. — Начну по порядку. Твоё дело сперва выслушать, а потом уже задавать вопросы и... — он делает небрежный взмах рукой, — потом уже выбирать, во что верить, а во что нет.

— Держись крепче, дорогуша, — усмехается Дариос и, засунув руки в карманы, спиной наваливается на деревянную резную перегородку. Только слепая не отметит, насколько он сексуально выглядит в этой расслабленной хулиганской позе. А когда он растягивает губы в плутовской улыбке, у меня вовсе спирает дыхание. Правда, всего лишь на несколько секунд: Черномор выразительно прочищает горло, уничтожая все мои сердечки, вертящиеся вокруг головы, и возвращает моё внимание к себе.

— Каждые сто пятьдесят лет, — начинает свой сомнительный рассказ Тринадцатый (или это не имя, а число, которое обозначает, каким по счёту сыном он родился?), — наш мир по воле Великой Триады призывает самку из другого мира, дабы восстановить численное неравновесие. Так сложилось, что среди наших народов рождается всё меньше самок, а смертность среди них всё растёт, несмотря на то, что мы оберегаем их, как самый редчайший драконий цветок.

— Слушай, — перебиваю этого талантливового рассказчика, который затирает мне про мир, какую-то триаду и самок на серьёзных щах. Мало того, что он говорит это с невозмутимым выражением лица. Так и у других такое же выражение! Будто мы не меня разыгрываем, а

выступление на научную конференцию, где собираются обсудить глобальные проблемы человечества. Каковы актёры, а! — Ты там, случайно, попкорн с собой не захватил? А то пожевать бы чего. История-то вон какая занимательная.

— Прости? — оглядывает меня таким взглядом, как будто среди нас двоих это я несущу полнейший бред.

— Прощаю, — киваю и встаю, отчего все присутствующие делают синхронный шаг назад (я что, прокажённая какая-то?). Кроме «господина без вопросов и люблю тишину». Он, кажется, и вовсе дрыхнет. — Только, видишь ли, я с самого начала догадалась, что это отец решил разыграть меня и подговорил вас участвовать во всём этом спектакле. Кстати, где он? По-любому, где-то за углом снимает всё на телефон, чтобы потом донимать меня! Папа, выходи!

Я стремительно подрываюсь с лавки и направляюсь прямо к толпе мужчин, загородивших единственный проход. Но стоит мне сделать пару шагов, как я тут же припечатываюсь своим нежным многотрадальческим носом в невидимую преграду.

Искры из глаз.

Невольные слёзы.

Кровь из носа.

И холодные ладони Тумана на моих мокрых щеках.

Я чувствую, как под кожу забирается холодок и... отнимает мою боль.

Шок.

Ступор.

Звеняще напряжённое молчание.

— Теперь ты нам веришь? — почти ласково спрашивает Филактэй, заботливо вытирая кровь с моего лица своим вкусно пахнущим носовым платком.

Заторможенно качаю головой в отрицательном жесте. И с округлившимися глазами смотрю, как над его ладонью формируется водяной шар.

Спустя какое-то время, когда я отмираю, у меня начинается дикая истерика. Я плачу навзрыд: до головной боли, горящего лица и океана соплей. А потом смеюсь, как умалишённая. Хотя почему как? Я такой и стала! Говорила мне мама поменьше практиковать трудоголизм. Но нет же! Упахалась настолько, что крыша поехала.

— Ты не бредишь, — зачем-то поддерживает меня «господин без вопросов и люблю тишину». А как же его замечания, например, по поводу того, что в их обществе плакать публично не принято? — И пока ты не наделена защитными татуировками, твоё сознание, и в том числе мысли, открыты для нас.

Я едва успеваю осмыслить его последнюю фразу и тут же теряюсь в спасительном обмороке.

Кажется, шутка отца — это вовсе не шутка.

ГЛАВА 11: НИНА

Не знаю, сколько проходит времени. Потому что всё, что я делаю — это просыпаюсь. Ем совершенно незнакомую мне еду из каких-то непонятных и безвкусных ингредиентов. Внимательно и с замиранием сердца слушаю Тринадцатого, который как ведущий какого-то шоу с элементами бешеного артхауса рассказывает мне о том, что я призвана магическим миром Осён` (позже для удобства нареку его «Осень»). И тревожно сплю, просыпаясь от каждого шороха: всё из-за нервов, которые мне изрядно потрепали мужчины, демонстрируя свои... способности.

Но дело не только в их способностях, от которых у меня волосы шевелятся не только на голове. И сведений о том, что каждый из них — вовсе не человек, а разумный дракон. Вдобавок узнаю, что в мире, кроме разумных, водятся ещё примитивные и обычные: это те, кто потерял свою природную суть, или другие существа, по ошибке призванные миром. Прямо как я. Но ещё в том, что я, оказывается, призвана не просто для того, чтобы расширить свой кругозор и дать моим мозгам мысленно раскинуться по стене сзади. А для того, чтобы стать невестой... Внимание! Для семи опасных существ в обманчиво миролюбивых обликах.

Как я отнеслась к тому, что мои детские сказки и пару прочитанных книг о попаданках ожили? Ну-у-у... Признаться, я думала, что моя психика намного, намного крепче. Я бы никогда и не подумала, что отношусь к той категории хрупких и нежных дам, которые валятся в обморок от малейшего потрясения. Другими (более обтекаемыми) словами: мне понадобилось время, чтобы привыкнуть со всей этой ожившей... Фантазией? Иллюзией? Шизофреническим бредом? Что тут будет более уместным?

Я чувствую себя Алисой, которая по ошибке съела корзину галлюциногенных грибов и вместо кроличьей норы прыгнула в драконью. Потому что больше не знаю, как оправдать происходящее. Тут либо мне озлобленный бывший что-то подсыпал в чай: вот почему он не хотел отпускать меня, наверное, ждал, когда наркотик подействует. Либо я умерла от того внезапного удушающего приступа и, поскольку родители не успели мне помочь, попала в чистилище. Либо меня действительно перенесли в другой мир, кишачий драконами и различной поджидющей на каждом углу опасностью. Особенно для меня, потому что в этом мире я всё равно, что муравей в нашем. И пока на мне нет защитных татуировок — каждый чужой чих для меня может оказаться фатальным.

Вот почему мужчины отступили от меня: никто из них, кроме «господина внезапной обходительности» (Филактэя то бишь), не может касаться меня и находиться в радиусе двадцати шагов. Потому что, в отличие от, как оказалось, водного дракона, они не могут контролировать температуру своего тела. И магическое поле, которое постоянно подпитывается магическими выбросами их тел. Короче, если я подойду к Тринадцатому, то меня разнесёт в разные стороны, как фарш в микроволновке. А если к Дариосу, то меня постигнет участь тех смельчаков, кто однажды в древнегреческом мифе решил бросить вызов Медузе Горгоне. Ну, а если к Никасису, то моё тело превратится в прожжённую насквозь тушу.

Про остальных пока не знаю, потому что они не спешат со мной знакомиться. Да и Тринадцатый запретил, сказав, что мне нужно выдавать информацию порционно. Какой догадливый, а! А раньше так не мог? Впрочем, высказать свои претензии не осмеливаюсь, что странно для меня. Наверное, всё дело в его цепком, таящем в себе смертельную опасность, как когти чёрного льва, взгляде. Почему-то именно с этим животным я его ассоциирую. И плевать, что он как бы дракон. Скорее всего, это связано с тем, что он здесь заправляет всем: отдаёт приказы, выбирает, что мне следует рассказывать. И никто не смеет егослушаться. Даже я, что тоже странно. Потому что на Земле я постоянно бросала вызов своему строгому, суровому и крайне вспыльчивому отцу. А тут, тьфу, даже не плакаю.

— Прежде чем мы отправимся в путь, ты познакомишься с остальными. — Черномор разбивает все мои размышления свои бархатным, с приятными рокочущими нотками голосом, от которых у меня всё внутри сладко вибрирует. Да, я очень влюбчивая. Но со мной ещё не случилось такого, чтобы меня одновременно влекло сразу к трём, ладно, чего греха таить, четырём мужчинам. Я саму мысль об этом пресловутом многомужестве, о котором мне однажды витирал отец, нахожу ужасающей.

Ну вот как такое может быть? Как можно любить сразу семерых? А спать с ними как?

Последний вопрос крайне не вовремя подкидывает яркую фантазию о том, как меня на огромной кровати в разных позах берут будущие мужья.

Вспыхиваю как спичка оттого, что вспоминаю кое-что важное, связано с тем, что все мои мысли, а в том числе и образы, которые я представляю, то же самое, что и экран уличного кинотеатра. То есть содержимое моей головы постоянно находится на виду у всех.

Робко, прямо как давно вышедшая из моды девственница (то есть которой далеко за двадцать пять), смотрю на Сына Космоса. Внутри дребезжит чувство, словно мужчина, в которого я тайно влюблена, нечаянно прочитал мою порнозаметку, связанную с ним.

Мы пересекаемся взглядами, от молчаливого и крайне напряжённо диалога которых у меня спирает дыхание, а отзвуки сердца слышатся в голове. Тринадцатый уже предупреждал, что наш брак является фиктивным. Поскольку после того, как мы соблюдём все формальности брачного обряда, то сразу же разведёмся при свидетелях. Ведь наши виды несовместимы.

И как бы этот план ни резал тупым кухонным ножом по сердцу моей внутренней влюбчивой мечтательницы, которая уже отчего-то решила, что у неё собственный гарем из семи притягательных, соблазнительных и пленяющих здравый рассудок красавчиков. Я всё же согласна с ним, потому что хочу вернуться домой. И ни один мужчина в мире не стоит моих родителей. Которые, кстати говоря, совершенно забыли о моём существовании, что ранит меня намного сильнее.

Сын Космоса делает вид, будто о чём-то вспомнил. Видимо, о своих же словах: «Между нами не может быть никакой связи: она изначально обречена. Ты обычная, а это значит, что не сможешь принести нам потомство. Поэтому давай не будем всё усложнять».

Как же! Прямо так и рвалась всё усложнить, ага! Хотя, признаться, меня его слова почему-то задели. Как и то, что он стремительно покидает главную святыню богов, оставив меня в расцепленных чувствах.

«Ох уж эти «занимательные» названия!» — забиваю голову отвлекающими размышлениями.

Ну раз уж мой внутренний Шерлок больше не нашёл объяснений происходящему. Значит, я допускаю возможность о перемещении в другой мир. И, соответственно, постараюсь свыкнуться со здешними порядками. Хотя мне во всё вот в это тихо верится. По крайней мере, до истечения заключённого между нами соглашения, согласно которому я пройду с ними брачный обряд и дам своё согласие на развод. А взамен они отправят меня обратно домой. Где мне самое место.

ГЛАВА 12: НИНА

— Я Андос Пылающее Крыло из рода Красного Огня, — спустя какое-то время представляется высокий, широкоплечий мужчина с короткими красными, как жидкая лава, волосами.

Разумеется, все мои «обречённые» мужья, как было отмечено мной неоднократно, высокие и широкоплечие: природа явно постаралась, сотворяя их. Однако Андос, выставляющий мизинец вверх в знак приветствия и смотрящий на меня прямым взглядом тёмно-красных глаз с полудикими золотистыми всполохами, выглядит куда крупнее остальных. Прямо как откормленный леопард, но не лишённый крепких и развитых мышц, что так открыто подчёркивают его тёмно-бордовые одежды.

И нет, я не перестану сравнивать «моих» мужчин с хищниками, более понятными мне. Мозг отказывается принимать тот факт, что они — драконы. И не примет до тех пор, пока этого не увидит.

— Я решил первым преподнести для тебя дары в честь нашего союза, — заявляет лавовый дракон своим глубоким грудным голосом, от которого ощущаю внутреннюю умиротворённую невесомость.

Если бы он был актёром озвучки или диктором на каком-нибудь радио, я неотрывно слушала бы его голос вместо музыки или медитации перед сном.

Однако мне приходится вернуться с розовых и посыпанных золотистыми блёстками небес на землю, поскольку воздух в зале, ставший мне временным убежищем, становится невыносимо тяжёлым, отчего меня начинает придавливать к полу. К моему облегчению, эта незримая сила, которая тушей слона наваливается на меня, в мгновение рассеивается. И несмотря на секундное помутнение, успеваю отследить неоднозначную реакцию мужчин на слова своего побратима.

На манящих, чётко очерченных губах Тринадцатого расплзается кривая ухмылка, а в глазах штормом раскручивается и тут же развеивается пугающая злость.

Дариос озадаченно приподнимает тёмно-рыжие брови. Смотрит на зачинщика мрачных настроений таким взглядом, словно впервые его видит. И «на десерт» одаривает нас лукавой улыбкой.

Безучастное выражение лица Филактэя перекрывает тень раздражения, которую он тут же прогоняет.

Никасис, впрочем, как и суровый на вид мужчина с длинными белыми волосами, предпочитают не реагировать, состроив такую физиономию, будто им в тягость здесь находиться.

Что ж, на первый раз пропущу их реакцию мимо себя. К тому же не по моей воле меня занесло в этот мир, в существование которого я, как и в летающий аппарат под названием «дракон», слабо верю.

Ну а вдруг это моя воспалённая фантазия шалит, пока я нахожусь, например, в коме? Кто знает...

И только лишь один мужчина среди прочих спокойно отзывается на ситуацию, послав мне приветливую, располагающую к себе улыбку. Он выглядит таким добродушным и миролюбивым. И напоминает мне о доме. Всё потому, что он создаёт впечатление простого человека... то есть... дракона. Несмотря на то, что он высокий (ниже космического, огненного и каменного) и крупного телосложения, у него всё равно «понятная» внешность: каштановые волосы до плеч, гармонично сочетающиеся со смуглой кожей, густые тёмные брови вразлёт, глубоко посаженные миндалевидные глаза светло-зелёного цвета, в меру широкий нос с заострённым кончиком и полные губы.

Ловлю себя на том, что слишком открыто разглядываю Каштанчика. Но не одёргиваю себя. Потому что мне комфортно смотреть на него. Он не вызывает во мне настороженность, робость или смутение. Я отчего-то точно знаю, что он не заставляет себя здесь находиться.

Улыбаюсь Каштанчику своей самой лучезарной улыбкой. Но, видимо, Андосу не слишком приятно, что моё внимание отнял другой «муж», поскольку слышу характерное покашливание.

— Внесите! — отдаёт приказ огненный дракон, точно опытный командир.

Если меня кто-нибудь однажды спросит, как, по моему мнению, выглядит бог войны Арес, я, не раздумывая, укажу на Андоса Пылающее Крыло из рода Красного Огня.

В зал тут же входят слуги-мужчины в серых одеждах и ставят два тяжёлых сундука передо мной.

Смотря на их босые ноги, делаю вывод, что они из низшего класса: Филактэй как-то обмолвился, что чем выше положение разумного, тем у него дороже и качественнее обувь. То же самое и с одеждой.

Меня ожидала бы похожая доля, как у этих четырёх невзрачных обычных, если бы мои «мужья» относились не к высшему классу, а, например, к среднему. И всё же мне положена только определённая обувь из простых материалов. Как объяснил Тринадцатый: «Потому что ты обычная». Он даже вручил то, что мне подходит по статусу временной приживалки: «Сандалии для открытой местности и городов, а сапоги — для труднопроходимой и непогоды».

Какой же этот высокомерный владыка всяя земли заботливый, а! Так и хочется в благодарность расцеловать его... Фиолетовой лопатой прямо по надменной и (не могу не признать) красивой морде!

— Откроешь? — нетерпеливо спрашивает Андос, сверля меня огненным взглядом.

Без особого интереса отщёлкиваю замок у первого сундука, изготовленного из красного дерева. Открываю и... замираю от восторга, пнув под зад собственное раздражение.

Сундук до верху набит тканью, исключительно красных оттенков. Это ещё одна причуда здешних жителей: у каждого вида имеется свой цвет. Все фиолетовые оттенки принадлежат космическим драконам, синие — водным, голубые — ледяным, зелёные — земным, жёлтые — воздушным, оранжевые — каменным, ну и красные, соответственно, огненным.

Но восхищение у меня вызывают вовсе не тряпки, а кольчуга, скованная из тончайших колец. И кинжал с изогнутым лезвием, у рукояти которого красуется дракон, извергающий пламя. А сама рукоять представляет сложенные крылья этого дракона, на кончиках которого красуются небольшие лезвия.

Я упоминала, что тащусь по разного рода оружию? Нет? Так вот, упоминаю!

— Ты чем думал, когда решил подарить призванной оружие? — недовольно спрашивает Черномор.

— Нечего на него наезжать! — упираю руки в бока, отрываясь от подаренного мне произведения искусства местных мастеров, на двести процентов из ста знающих толк в своём деле.

Андос смиряет меня жёстким взглядом, от которого у меня кишки сворачивает от испуга, и твёрдо проговаривает:

— Нина, я в состоянии постоять за себя. Впредь не вмешивайся в наши дела.

Что ж... Мне во второй раз за сутки указали на моё место. Всё потому, что я женщина. И до кучи — обычная. Несмотря на то, что здешние представительницы «слабого» пола занимают далеко не последнюю роль. Решающее слово всегда остаётся за мужчиной. Потому что именно они оберегают этот мир. Не только от внешней угрозы, насылаемой космосом в форме радиационных излучений или метеоритного дождя, который, по словам Филактэя, может не прекращаться месяц. Но и внутренней, связанной по большей части с постепенным вырождением.

Хоть я и понимаю это, слова огненного всё равно неприятно царапают по самолюбию. Поэтому обратно кладу в сундук понравившиеся мне подарки и отхожу к лавке.

Мужчины не замечают перемены в моём настроении, поскольку их всецело поглощает выяснение отношений. Ну а мне остаётся лишь пугливым зверьком наблюдать за их диалогом.

— Я сам решу какие подарки дарить избранной Тριάдой, — категорическим тоном заявляет Андос, от голоса которого у меня под кожей копошатся тревожные мурашки. — Ты не в праве мне указывать.

— Не забывайся, — угрожающе произносит Тринадцатый, — по статусу я нахожусь выше тебя.

— Когда Звезда Лилии отметила нас, мы стали равными, — парирует огненный.

Они схлёстываются убийственными взглядами в немом сражении.

Температура в помещении стремительно летит вверх, отчего у меня потеют не только ладони, но и более деликатное место.

— Господа, я вас прошу, — встречается в перепалку Дариос, — вы пугаете нашу невесту.

Космический и лавовый, как по команде, синхронно поворачивают головы в мою сторону. Сканируют непонятым взглядом. И, видимо, что-то мысленно решив для себя, стремительно покидают зал, оставляя за собой шлейф неловкости и напряжения.

ГЛАВА 13: АНДОС

— Ты в своём уме дарить призванной такие подарки? — накидывается на меня Сын Космоса, вызывая недоумение на лицах наших попутчиков и будущих свидетелей.

— Моё право дарить своей жене то, что захочу, — понижаю голос. Не желаю вовлекать в наши разбирательства посторонних.

— Жене? — захлёбывается яростным возмущением космический. — Мы же договаривались, что не станем к ней привязываться. Сделаем дело и отправим её домой.

— А ты сказал, какую цену ей придётся заплатить за возвращение? — зорко отслеживаю его эмоции и нахожу именно ту, в которой читается явное «не сказал».

Тринадцатый кривит губы, смиряя меня уничижительным взглядом. Поворачивает голову вбок, тоже отмечая, что у нашей словесной схватки появляются зрители. И понижает голос:

— Мы договорились, что не будем морочить призванной самке голову, — стискивает челюсть от злости. А я-то думал, что это я самый вспыльчивый и импульсивный из всех. Надо же! Меня хотят переиграть там, в чём я гораздо талантливее. — Условились, что не будем давать ей поводов передумать насчёт развода. А ты только всё портишь своим упрямством! Решил показать себя с лучшей стороны? Ну как, понравилось, тшары[1] тебя раздери?

— Я сделал это только потому, что призванная достойна к себе лучшего отношения, а не как... — поджимаю губы, ища более подходящее слово, — к средству достижения цели.

— Да ну? — насмешливо выплёвывает Сын Космоса. — Она же, тшары подери, обычная! — последнее слово он выкрикивает так, что внимание к нам прибавляется ещё больше.

— Это ты себя пытаешься доказать или что? — только сейчас нахожу причину его острой реакции. — Тебя же всего выворачивает от ревности, — беззлобно усмехаюсь.

— Следи за языком! — смотрит на меня убийственным взглядом исподлобья.

— Только в отличие от тебя, — продолжаю гнуть свою линию, — и вообще, — делаю небрежный взмах рукой, — в отличие от вас всех, я признаю, что мне не безразлична призванная.

Тринадцатый не сдерживается и хватает меня за грудки, отчего замечаю смазанной движение слева, означающее, что нас уже приготовились разнимать.

— Ты ставишь под удар всех нас! — пытается подавить своей тяжёлой аурой. Но я не намерен сходить со своей позиции. Кроме того, связь побратимов не позволит в полной мере использовать свои силы. — Из-за тебя мы можем потерять земли, статус и будущее! Хуже того — свою высшую форму.

— Что, — криво усмехаюсь, — поджилки трясутся оттого, что утратишь возможность занять нагретое место Первого? Так рвёшься к власти... Крылья-то не надломишь?

— Дело не только во власти, — обретает привычное высокомерное выражение и пытается оттолкнуть меня от себя, но у него не выходит: я твёрдо стою на месте, даже не шелохнувшись. — Тебе прекрасно известно, что призванная — наш якорь, который в любой момент утащит нас на дно, откуда более не выберемся.

— Я готов рискнуть, — говорю совершенно уверенно, сам удивляясь тому, что внутри ничего не дрогнуло.

— Ты готов пожертвовать всем ради... ради неё? — смотрит на меня ошеломлённо и кривит лицо в презрительной гримасе. Но я-то знаю, что это всего лишь защитная реакция. Способ насрать на свой разум дурман самообмана.

— Мой дракон признал Нину, — ставлю в известность, прекрасно зная, как остальные виды относятся к тому, что огненные разделяют разумную и высшую ипостась не только из-за способности менять одну форму на другую, но и того, что мы верим в двойственность разума.

То есть, одна его часть принадлежит разумному (нам), а вторая — звериной сущности, спящей в нас.

Другие же драконы называют это откровенной ересью и сумасшествием, предпочитая думать, что тело и разум принадлежат только им, а не ещё кому-то. Нас поддерживают только драконы пустоты. Возможно, поэтому их практически истребили, поскольку они имели больше представлений о нас, чем остальные.

Вот и космический, хоть и стоит на второй ступени после драконов пустоты, реагирует на мои слова уже знакомой реакцией: смесью из неприятия и отторжения.

— Ты, видимо, повредился рассудком, — отступает на шаг. — Одумайся! Здесь речь идёт даже не о тебе, а о других. Ты готов остальных побратимов поставить под удар? Готов лишить их будущего? Готов жить с ненавистью не только их, но и тех, с кем они до Собрания Равновесия заключили союзы на брак? А их последователи? Родные? Ты подумал о последствиях, которые обрушатся на всех нас и не только на тебя?

Я поджимаю губы оттого, насколько весомыми являются аргументы Тринадцатого. Они, точно смертоносные стрелы, насквозь прошибают тело, не оставляя на мне живого места. Я ведь действительно могу всё испортить своей минутной слабостью. Да и внутренняя сущность признала Нину как потенциальную партнёршу, а не как истинную.

— А о призванной подумал? — в заключительном выстреле натягивает тетиву. — Она мечтает вернуться домой. Сам же слышал её мысли... — делает контрольный выстрел прямо в лоб.

Сын Космоса прав. Я поступаю эгоистично по отношению ко всем. Но всё же... После того как услышал о её интересе ко мне, не могу просто взять и отступить. Не могу отказаться от неё, той, кто во мне разбудил что-то доселе неведомое: страсть, влечение, желание обладать и сделать своей. И только своей. Пусть и не навечно, а только на год.

— Думаю, с ней можно договориться, — выношу свой вердикт, на что Сын Космоса неодобрительно щёлкает языком и сжимает кулаки в подкатывающей ярости.

— Ты не ведаешь, что творишь... — рычит.

С одной стороны, я понимаю, что он справедливо печётся о себе и благе остальных. Но с другой, я воспринимаю его несдержанность как знак того, что он не может признать самому себе свою симпатию к призванной. И плевать, если буду последним мудаком, но меня его реакция подстёгивает только сильнее вцепится в Нину и сделать её своей.

Я её не отдам. Ни. Ко. Му! Даже если моя привязанность к ней заведомо обречена.

— Хорошо, — отступается космический, но, чую, ненадолго. — Но после не рассчитывай на нашу поддержку, — бросает двусмысленную фразу.

— Угрожаешь? — щурю глаза, осознавая, что вступаю в схватку с опасным противником, который может одним росчерком пера перечеркнуть мою военную карьеру.

— Ты меня услышал, — делает кивок и заходит в главную святыню богов.

Что ж, я готов рискнуть. Тем более, у меня, в отличие от других, свет клином не сошёлся только на одной деятельности. Я спокойно могу быть и фермером, и землепашцем. Поскольку во мне течёт кровь тех, кто не чурался работать руками и пачкать их в чужом дерьме.

[1] Тиары — мерзкие ядовитые существа с одним глазом, похожие на слизней. Живут в недрах земли.

БОНУС: АНДОС

Андос Пылающее Крыло из рода Красного Огня:

БОНУС: АРИДА

Арида Сияющий Локон из рода Жёлтого Огня. Бывшая невеста Андоса:

ГЛАВА 14: НИНА

Наше дальнейшее знакомство прошло в максимально накалившейся обстановке, где я чувствовала себя креветкой, которую заживо жарят на сковороде, даже не пытаюсь облегчить мою участь. Но, а если отойти от всех аллегорий, я ощущала себя крайне неудобно.

Наверное, точно так же как Пандора, которой подсунули тот злосчастный ящик, а она, не справившись со своим любопытством, не раздумывая, открыла его. И теперь, идя к высоким дверям главной святыни, я мысленно провожу параллель между нашими историями. С одной стороны, меня привлекает перспектива познать этот мир. Открыть его для себя во всех красках, пусть в некоторых случаях и неприятных глазу. Но с другой — я попала в такую ситуацию, в которой за меня приняли решение, конкретно так подставив: меня «похитили» из моего мира и перенесли в тот, где такие, как я, всё равно, что паутина в мрачном углу комнаты. На неё не обращают внимания, но при случае легко сотрут веником. И вдобавок связали мою жизнь и дальнейшую судьбу с теми, кто мне не подходит не только по статусу, но и по виду.

И вроде я прекрасно понимаю, что в этой ситуации я птица подневольная. Но то, как мужчины смотрят на меня с неприятием, то, как они каждый раз напоминают мне о моём месте, заставляет почувствовать себя преступницей. То есть... они пытаются сделать меня виноватой в том, что я прошла какой-то неведомый божественный отбор и стала их женой. По велению... Вселенной, их богов или... кого-то там ещё. Не по моему личному! А они строят такие гримасы, словно это я, такая коварная дьяволица, жизни им, видите ли, поломала.

Не знаю, что хуже: сорваться с каната и полететь прямиком в пасть бегемота или оказаться среди тех, кто повесил на меня груз ответственности за чужое решение.

И я... честно... пыталась смягчить обстановку. Старалась быть с «мужьями» более деликатной, послушной и приветливой. Но когда услышала от того самого беловолосого красавчика: «Я Пиларгус Снежное Копьё из рода Пустынного Льда. Надеюсь, мы будем взаимодействовать только в самых необходимых случаях. Поскольку меня тяготит ваше общество». С меня не то что розовые очки слетели, а сварочная каска, которую я надевала каждый раз, строя воздушные замки про нашу «семью».

Теперь я понимаю, почему мужчины так отреагировали на подарок Андоса: им стало неприятно от *показушичества* и лицемерия огненного. Наверняка, он просто хотел этим подарком сказать, что я не такая уж и злыдня, лишившая их привычного уклада. А другие, получается, не согласились. Значит, в их глазах я вообще законченная душегубка.

И это только потому, что я обычная?

Только потому, что не могу подарить им детей?

Ладно. Пусть так. Но я же дала своё согласие на развод. Разве это не повлияло на их отношение ко мне? Или они ведут себя совершенно обыденно, поскольку привыкли перевозносить себя над такими, как я. А я просто этого не понимаю и поэтому не могу смириться с подобным обращением, которое унижает моё достоинство?

— Ааа! — издаю полурык-полукрик прямо в спину мужчин и останавливаюсь, тяжело дыша.

На мой возглас, наполненный злостью и отчаянием, поворачиваются все: мужья, жрецы, тени по углам. И на мгновение даже кажется, что статуи трёх богинь тоже приподняли свои головы, украшенные диадемами, чтобы выяснить причину моего несанкционированного бунта.

Ко мне стремительным шагом направляется Тринадцатый, на лице которого замечаю упрёк.

— Я понимаю, ты здесь недавно, и многое тебе ещё незнакомо и непонятно, — с силой тянет меня за локоть, отчего врезаюсь в его твёрдую грудь.

Теперь, когда жрицы изрисовали моё тело татуировками, я могу находиться рядом с мужьями. Но от силы минут пять. Для большего мне нужна личная татуировка от каждого, поскольку лишь носители стихий могут адаптировать моё тело к ним. Тем не менее, я уже могу похвастаться полезными татуировками, которые адаптируют мой разум и тело к здешним условиям. И ещё помогают понимать местную речь, которая, кстати, похожа на смесь египетского и турецкого. А их письмена, которые заметила на глиняных табличках и некоторых колоннах, похожи на аккадский.

Так, благодаря стараниям жрецов, я говорю на общепринятом языке драконов. И могу не бояться, что меня расплющит атмосферой, зажарит палящими лучами Солоноса (местного солнца то бишь) и ещё двумя другими планетами, которые выбрасывают на земли Осени огромное количество радиации.

Ладно. Что-то я отвлеклась. Вернёмся, как говорил мой препод по политологии, к нашим баранам. Точнее, к крепкой хватке Тринадцатого на моём локте.

— Но проявляй уважение к нашим традициям, — он говорит это таким тоном, что у меня внутри всё сжимается от страха. В голове тут же проносится картина, как моя первая школьная любовь вмазала мне сырой половой тряпкой прямо по лицу за то, что я написала письмо с признанием.

Как тогда помню залиvistый смех гиен-одноклассников и слова, после которых я стала настороженно относиться к мужчинам: «Меня чумазы не интересуют. Иди умойся, помойная девка». И речь тогда шла не о том, что он ударил меня тряпкой, тем самым испачкав меня. А потому, что у меня тёмно-каштановые волосы и смуглая кожа, что, собственно, и выдаёт во мне горячую южную кровь.

С тех пор я старалась больше не загорать.

Не знаю, что Тринадцатый увидел в моих глазах, поскольку он округляет свои и резко отступает на шаг.

Опускает голову, пряча взгляд, и играет желваками. А затем твёрдо, вселяя в меня непоколебимую веру, произносит:

— Запомни, я никогда не причиню тебе умышленный вред. А те, кто посмеют это сделать — лишатся своих поганных конечностей.

Он стремительно разворачивается на пятках и уходит прочь, будто бы вспомнил, что его ждут неотложные дела. Прямо посреди разговора!

Что это, жест доброй воли?

В любом случае мне приятно знать, что у меня есть защитник. Пусть и до невозможного высокомерный и чересчур властный. Царская особа, блин!

— Нарушительница, — обращается ко мне Дариос, — нам нужно выехать до захода Солоноса. Поэтому, — он выставляет средний и указательный палец и начинает имитировать ими ходьбу, — поторопись и энергичнее переставляй своими прелестными ножками.

ГЛАВА 15: НИНА

Покидаю главную святыню и тут же замираю от того, насколько снаружи всё красное. Точнее, свет, который льётся со звёздного небосвода и окутывает собой всё пространство, рубиново-красный. А сам пейзаж, напоминающий декорации к психологическому триллеру с элементами фантастики, — безысходно-чёрно-белый. Смотря на него, складывается впечатление, что здесь недавно произошло извержение вулкана. Воздух горячий, тяжёлый и какой-то безжизненный, что дышать трудно. Землю густо засыпало вулканическим пеплом. А деревья превратило в обугленные коряги.

Голову пронзает острый вспышкой боли, от которой подкашиваются ноги и начинает вести в сторону. Перед глазами вспыхивает картина того, как какие-то дети со смазанными лицами и нечёткими силуэтами играют в догонялки на некогда зелёной траве. Как они задорно смеются, когда живые деревья создают для них качели из своих цветущих гибких веток.

— Ты в порядке? — придерживает меня за талию Бионей Шёпот Леса (это тот приветливый дракон, который напомнил мне о доме).

Я прикрываю веки, а когда открываю их, боль отступает, оставив после себя неприятных «ёжиков» под кожей головы. И... видение тоже: оно тает, сменяясь с картины райского сада на адское чистилище, где вместо красивых фонтанов из недр земли вырываются огненные гейзеры. А в густом воздухе, пропитанном безутешной скорбью, зависли частички пыли, пепла и чьих-то несбывшихся надежд.

Мне тяжело здесь находиться. Настолько, что сердце щемит от боли, а на глаза накатывают слёзы.

— Тише, светлая, — полушёпотом говорит Бионей, обхватив моё лицо своими большими и тёплыми ладонями. — Когда-то здесь произошла ужасная трагедия. Поэтому земли Солиры[1] требуют отпущения, — он заботливо вытирает невольные слёзы с моих щёк. — Всё, что ты сейчас чувствуешь — навязано здешней энергией. Тебе лишь нужно продержаться до портала. Сможешь?

Невероятно, но рядом с этим мужчиной, в руках которого чувствую себя хрупкой маленькой девочкой, мне становится спокойнее всего. Нечто внутри меня как будто знает, что Каштанчик ни за что в жизни не причинит мне вред, не сделает больно, не придаст и не уязвит в слабостях. И это так утешающе и одновременно... бредово. Ну откуда у меня возникла подобная уверенность? Я ведь знаю этого дракона с добрыми светло-зелёными глазами и улыбкой от силы несколько часов.

— Продержусь, — киваю и, поддавшись бессознательному импульсу, трусь своей щекой о его гладкую и сухую ладонь.

Резко поднимаю взгляд, осознав, что только что сделала. Но не нахожу на мужественном лице напротив ни намёка на отторжение. А только лишь участливость и понимание.

— Спасибо, — шепчу, наслаждаясь его великодушием.

— Пойдём? — спрашивает и предлагает локоть.

Не раздумывая, прижимаюсь к сильному тренированному телу Каштанчика, ловя на себе недовольные взгляды остальных мужчин.

Стоит нам только спуститься с лестницы, как до меня начинают долетать обрывки фраз девушек, стоящих полукругом возле существа, похожего на анкилозавра. Только в отличие от того динозавра, которого я с интересом разглядывала в энциклопедии, подаренной мне на пятилетие, у местного отсутствуют шипы на панцире. Вместо них — толстые кожаные пластины, свисающие с боков. Что не скажешь о девушках, слова которых буквально испещрены острыми и ядовитыми шипами.

— Она что, обычная? — кривит своё лицо в презрительной гримасе заносчивая особа номер один с красными волосами и широко посаженными глазами такого же цвета.

Если бы я не знала, что этот мир населяют одни драконы, непременно подумала бы, что они с Андосом — вампиры. Тем более в их взглядах мелькает нечто похожее на кровожадность и жестокость.

— Ох, Великая Триада! Как же не повезло нашим самцам! — с наигранным сочувствием вытирает несуществующую слезинку особа номер два с обманчиво невинным личиком, тёмно-русыми волосами и большими светло-зелёными глазами, как у куклы Братц.

По всей видимости, Каштанчик хорошо знаком с ней, поскольку мышцы на его руке напрягаются.

В чём дело? Неужели он поддерживает её слова? Или... не одобряет?

— Свалилось недоразумение на наши головы! — выплёвывает черноволосая особа номер три с синими глазами и когтищами, как Фредди Крюгера.

Ладно. Я преувеличиваю. Нормальные у неё ногти. Длинные такие.

— Ещё и выглядит, как замарашка! — надменно произносит смуглая особа номер четыре с чёрными волосами и тёмно-фиолетовыми глазами.

— Верно, замарашка она и есть, — поддакивает особа номер пять с золотистыми волосами и глазами цвета одуванчика. Она и сама выглядит как девочка-одуванчик. Правда, смертельно ядовитая.

— Надеюсь наши несостоявшиеся мужья побыстрее разделаются с... *этим*, — делает акцент на последнем слове рыжеволосая особа номер шесть с тёмно-оранжевыми глазами.

В смысле «наши»? В смысле «замарашка», «недоразумение» и «этим»? Они что, *вехотки*, берега попутали?! Не зная меня, видя в первый раз, уже делают какие-то выводы!

Н-да, а этот мир не во многом отличается от нашего. Особенно «интеллигентным» отношением друг к другу и новым лицам в их краях.

Следом толпа незнакомых мне мужчин, предположительно средних лет, подхватывает недовольство и возмущение этих особ: «Великая Триада, должно быть, смеётся!», «Вот-вот. Как она могла связать сильнейших драконов из выдающихся родов с ней. Она ведь птичка не их полёта», «А я о чём! Невзрачная, да ещё и худосочная! Тьфу! Кто на такую в здравом уме позарится?».

У меня от их реплик аж глаза на лоб лезут. Они что вообще себе позволяют, гады! Я ж сейчас как засучу рукава и переброшу всех *злоречивых* через плечо!

— Представляю вам нашу избранную Великой Тριάдой, — громогласно произносит Тринадцатый, от голоса которого все мои мстительные чертенята на время разбегаются. — Да, она обычная, как уже некоторые успели заметить. Я попрошу относиться к ней с должным уважением. И если хоть ещё раз услышу оскорбления в её адрес, — от того, с какой интонацией он это говорит, даже у меня пробегают испуганные мурашки, неся на носилках сердце в отсек запуска, — это будет означать, что вы оскорбили всех нас. И вы должны понимать, что подобная дерзость не останется безнаказанной.

Спиной ощущаю, как сзади меня становятся другие «мужья». И в этот момент я чувствую, что у меня далеко не один защитник. Пусть я и не нравлюсь им, но теперь точно знаю, что они не позволят обращаться со мной, как с пылью под ногами.

[1] *Солира* — остров, который находится в южной части *Осен'и*.

ГЛАВА 16: ПИЛАРГУС

— Всё готово, мой господин, — отчитывается один из моих помощников. — Только подайте знак... — намекает на незамедлительное выполнение моего приказа, который я отдал ещё до того, как мы отправились на осквернённый проклятием остров, чтобы призвать избранную Тριάдой.

Цепко оглядываю собравшуюся толпу. К слову, я слегка озадачен тем, что с нами потащилось столько народу. Как подсказывает опыт предыдущих «везунчиков», нам с лихвой хватило бы восьми беспристрастных свидетелей и пары слуг. Но отчего-то Тринниада посчитала, что восьми очевидцев невозможности нашего брака с обычной мало. Поэтому отправила с нами и наших несостоявшихся невест, и слуг, которых по одному приставили к каждому, и писаря для засвидетельствования всего, что будет происходить во время нашего похода.

Сдаётся мне, что все эти нетипичные решения обусловлены довольно веской причиной, которая вызывает во мне интригующее любопытство. И я намерен разузнать правду. Непросто же в узких кругах меня прозывают «Охотником». Я никогда не упускал возможности обладать полезными знаниями, особенно, когда из них можно извлечь выгоду. Поэтому у меня везде пропихнуты свои осведомители. А там, где их нет — есть те, кто мне прилично задолжал, те, на кого у меня собран компромат, те, кем легко манипулировать или те, кто ради аллиссов готов собственную мать продать.

Все думают, что миром заправляет Первый и Вторая со своей кучкой неудачников, которых они называют «Тринниада». На деле же перстень власти давно принадлежит Совету Льда[1]. Как-никак, вот уже на протяжении пяти столетий мы храним их самые грязные секреты. Раскрой мы их, и вся Пирамида Власти[2] посыплется, как иссохшая трава под сильным порывом ветра.

Но порой случаются... нюансы, которые верхушка Пирамиды пытается скрыть от нас. И так как мы сторонники весьма тонких техник, предпочитаем сперва раскрыть эти нюансы. А уже потом прижимать к когтю ими тех, кто вдруг возомнил себе, что они на самом деле что-то решают. Тем более, подобная стратегия крайне выгодна, ведь преимущество всегда остаётся за нами. А с ним появляются дополнительные рычаги давления на верхушку Пирамиды.

Кстати говоря, именно поэтому ледяные презирают огненных. Они не умеют действовать на опережение, различать подвох и выжидать подходящий момент для решающего удара. Вместо этого они предпочитают недалёковидные тактики, в которых действуют нахрапом. И совершенно не задумываются о последствиях, что, логично, приносит им огромные убытки.

К примеру, в прошлый день земли[3] *огненноголовые* устроили поимку одного преступника, который продавал студентам Академии особую смесь, способную увеличить их магический потенциал в два раза. Поскольку наши виды постепенно вырождаются, и магия вместе с ними, в последнее время подобные смеси стали обладать спросом. Но вместо того, чтобы отслеживать того, кто стоит во главе этого подпольного рынка, огненные сломя головы помчались за одним из пешек. Сожгли половину торгового квартала, уничтожили несколько культурных ценностей и жилых домов.

Думаю, что и одного примера хватит, чтобы обосновать позицию тех, кто предпочитает не иметь ничего общего с огненноголовыми.

Да и как выстраивать дела с теми, у кого работает лишь одна извилина? И то, она настроена в большей степени на чесание кулаков, а не на подумать и хорошенько всё взвесить.

Выхватываю в толпе стройный силуэт Эннеи. Или как она называет себя в мыслях — Нины. И, отсалютовав неизвестности, даю короткий и ясный ответ своему помощнику:

— В этом больше нет необходимости, — ставлю точку в вопросе о Девах Тени[4] и отключаю сферу связи.

Ещё некоторое время неподвижно стою в тени навеса. Наблюдаю за тем, как обычная осторожно поглаживает оргуса[5] по грубой шее, на которой растут мелкие отростки в виде шипов. И сжимаю ладонь, представляя, как раздавливаю ею ту, что порушила все мои планы, выдернула из привычной мне обстановки и сделала из меня Отмеченного[6].

Я бы мог без колебаний стереть призванную с ленты жизни. Уничтожить её и развеять ледяной пылью по ветру. Но вместо этого предпочёл сохранить ей жизнь. Не потому, что она вызывает во мне противоречивые чувства, которых не должно быть у разумного к обычной. И не потому, что знаю, что она не виновата в воле богов, связавших наши судьбы. А из-за того, что во время призыва заметил одну любопытную деталь, которая не даёт мне покоя вот уже несколько дней.

Всё дело в её глазах: во время ритуала призыва они несколько раз поменяли свой оттенок на ярко-синий, тёмно-фиолетовый и чёрный. А затем как ни в чём не бывало вернули свой исходный цвет. Поэтому мне стало интересно, это такой побочный эффект от переноса или за этим всё же кроется какая-то загадка.

— Так шумно, — скушаяще произносит Патанария, вырывая меня из напряжённых размышлений. — Мне сломать её? — вяло кивает в сторону обычной.

Слегка поворачиваю голову, смиряя мою бывшую невесту безразличным взглядом, и сухо произношу:

— Попробуй, — пожимаю плечами. — Только смотри, когти не обломай.

[1] Совет Льда — орган местного самоуправления, который состоит исключительно из ледяных драконов.

[2] Пирамида Власти — имеются в виду все ступени представительных органов власти.

[3] День земли — четверг.

[4] Девы Тени — орден наёмных убийц.

[5] Оргус — травоядный ящер с размером лошади, которого используют для перевозок. Похож на анкилозавра.

[6] Отмеченный — те, кого в качестве мужей для призванной отметила Звезда Лилии.

БОНУС: ПИЛАРГУС

Пиларгус Снежное Копьё из рода Пустынного Льда:

БОНУС: ПАТАНА́РИЯ

Патанария Снежная Вьюга из рода Снежных Ветров. Бывшая невеста Пиларгуа:

ГЛАВА 17: БИОНЕЙ

— Ступай лишь по дороге, — предупреждаю Эннею, как только наша процессия двинулась в сторону врат переноса, которые находятся в северной части проклятого острова.

— А что будет, если я сойду с дороги? — с интересом спрашивает призванная, продолжая держать меня под правый локоть. У неё бархатистая кожа тыльной стороны ладони, которую накрыл своей и, как мне кажется, незаметно поглаживаю её большим пальцем.

Мне приятно находиться рядом со своей избранной. Ощущать тепло её тела, не лишённого красивых изгибов и форм, что так будоражат моё воображение. Вдыхать её пьянящий запах, от которого во рту невольно скапливается слюна. Внутри всё трепещет от соблазна провести кончиком языка по изящной шее призванной. И определить для себя: она такая же кислосладкая на вкус, как и элла[1], растущая на полях Бебнии[2] и сбивающая своим хмельным ароматом путников.

— Бионей? — напоминает о своём вопросе Эннея, озадаченно рассматривая моё лицо, прямо как целительница, которая ищет причины недомогания больного.

Но мои причины лежат на поверхности. Потому что моё недомогание — это призванная, в одно мгновение опутавшая моё сердце древним заклятием, имя которому «любовь».

— Солира — проклятый остров, — отмираю от созерцания серо-синих глаз напротив, которые под светом Солоноса приобрели более глубокий оттенок. — По выжженной и опустошённой земле и не скажешь, но здесь обитают множество опасных существ. Например, вон те деревья, — киваю в сторону них, — это сáнкасы. Выражаясь простым языком — деревья-убийцы. Если подойти к ним на расстоянии двадцати шагов, то они вопьются в тело ветвями и высосут всю жизненную энергию.

— Ого! — вскрикивает Эннея и прижимается ко мне, причём так тесно, что начинаю ощущать мягкость её небольшой груди. Невольная улыбка трогает мои губы, выдавая внутреннее довольство. Так и тянет рассказать призванной ещё какую-нибудь страшилку, чтобы она продолжала лнуть ко мне и не отходила ни на шаг.

— Что случилось? — наше комфортное уединение в самом хвосте молчаливой процессии нарушает буйный вихрь под названием «Андос Пылающее Крыло». — Тебя напугал этот прилипала? — встревоженно оглядывает избранную, делая вид, что озабочен её состоянием.

На самом же деле он озабочен совершенно другим — разглядыванием её груди, округлых бёдер и стройных ног. Одна Триада видит, как мне хочется спрятать Эннею от похабных глаз огненного.

— Мне с ним разобраться? — продолжает, вперив в меня недовольный взгляд.

— Умерь свой пыл, — реагирую на его выходку с невозмутимым спокойствием. И уволю Эннею чуть в сторону, когда вижу, как он тянет к ней свои ручки.

Андос сжимает кулак и делает очередную попытку перехватить призванную. Но я не даю ему этого сделать: прижимаю невесту к груди, приподнимаю над землёй и резко разворачиваюсь.

— Она вообще-то не только твоя... — цедит каждое слово, точно ядовитый змей.

Я слышал, что огненные вспыльчивы. Но не думал, что настолько: я всего-то не позволил ему играть с Эннеей, будто она какая-то диковинная игрушка. А он уже готов вулканом извергнуться.

Или... призванная действительно приглянулась Андосу?

Учитывая то, как на неё реагируют другие, я подумал, что огненноголовый вольтётся в их стаю. Мне же ещё в детстве внушили, что огненные думают только кулаками. Поэтому я без раздумий внёс его в список тех, кто представляет угрозу для избранной. И, естественно, я возложил на себя полномочия защищать её. Эннея одна, а их, тех, кому собственные амбиции

затмили способность ясно мыслить, — шестеро. Я не позволю, чтобы они хоть как-то посмели навредить ей.

— Бионей, — сдавленно произносит призванная, — ты меня сейчас раздавишь!

[1] Элла — ягода, похожая на крупную землянику.

[2] Биония — континент, расположенный в центре Осен`и. Как правило, его населяют земные драконы. Но встречаются и другие виды.

БОНУС: БИОНЕЙ

Бионей Шёпот Леса из рода Славной Земли:

БОНУС: БИРМА

Бирма Молчаливая из рода Цветочных Лугов. Бывшая невеста Бионея:

ГЛАВА 18: НИНА

Я и представить не могла, что из-за меня между мужчинами разразится соперничество. Признаться, раньше с подобным не сталкивалась. Может быть, это, конечно, связано с тем, что до попадания в этот мир у меня не было одновременно столько «ухажёров». Но факт в том, что жизнь меня к этому не готовила. Я даже не понимаю, как реагировать на возникшую ситуацию.

Хотя одно я знаю наверняка — мне крайне неловко. Кроме того, не хочу привлекать внимание остальных... Не знаю. Внутри сидит иррациональный страх того, что выставлю себя в дурном свете: из-за меня же поругались, а это непременно внесёт разлад в нашу «сплочённую» компанию. Тем более, нам столько времени придётся вместе путешествовать. Не хочу, чтобы моё положение ещё сильнее усугубилось. К моему появлению и так относятся, как к концу света, который разрушил тихую и мирную жизнь каждого. Включая невест, которых здесь, как я нечаянно подслушала, не должно быть.

Ещё мне страшно оттого, что другие узнаю об интересе огненного и земного ко мне. Тринадцатый ясно дал понять, что между мной и «мужьями» сугубо деловые отношения и ничего более.

Бьюсь об заклад, что моему бывшему в данный момент ой как икается. Это ж надо было с дуру ляпнуть такое: «Желаю, чтобы ты страдала от невозможности быть с тем, кого искренне полюбишь!».

Вот же ж цыган хренов! Пусть ему там, в комфорте собственной квартирки с двуспальной кроватью, плитой, душем и унитазом спится и какается очень хреново. Так хреново, как мне сейчас невымытой, непричёсанной, в крайне невыгодном положении и эмоциональном раздразе.

— Давайте сбавим градус, — произношу неуверенно иставляю руки вперёд в примирительном жесте. Да и как тут вообще можно быть уверенной, когда мне на каждом слове затыкают рот и говорят: «Нина, я в состоянии постоять за себя. Впредь не вмешивайся в наши дела»?!

«Не вмешивайся», — мысленно передразниваю Андоса. И, забывшись, корчу ему ехидную гримасу.

— Ой! — прикрываю рот ладонью, осознав, что только что натворила.

Огненный округляет глаза на пару с Бионеем. А спустя мгновение, когда успеваю улететь на торпеде стыда в открытый космос, они оба заливаются смехом.

— А казалась благовоспитанной самкой, — проговаривает с теплотой в голосе Андос.

— Ох, — демонстративным жестом поправляю свою причёску, — вы ещё многого обо мне не знаете.

— Что ж, — в мгновение становится серьёзным огненный, — будет поводом проводить время вместе, — подмигивает, заставляя моё сердце пропустить удар.

Впрочем, я не успеваю прочувствовать магию момента и то, как в районе моей груди распускаются цветы. Поскольку меня сбивает чей-то женский вскрик.

Наше трио, застрявшее в конце «колонны», молча переглядывается и устремляется вперёд.

Сперва я не могу разобрать, что происходит. Но когда начинает дрожать земля, а присутствующие застывают, как будто кто-то поставил их на паузу. Я, наконец, могу разглядеть, как один из слуг, перепачканный пеплом, сидит чуть поодаль от дороги. И с ужасом наблюдает, как из-под земли проступают кроваво-красные нити, похожие на кровеносные сосуды, и змеями ползут к нему.

Больше всего в этой ситуации меня потрясает то, что остальные стоят и просто смотрят, как это мелкое и длинное нечто впивается в его тело. И под душераздирающие крики начинает пульсировать и разрастаться, словно они из этого бедного паренька выкачивают кровь.

— Вы что стоите истуканами! — кричу от возмущения и бегу, чтобы помочь обычному. — Помогите же ему! — призываю к рассудку, но встречаю лишь осуждение и непонимание на лицах.

— Остановись! — перехватывает меня за талию Никасис и прижимает к себе. Но я вырываюсь и всё равно бегу к тому, на чью жизнь всем совершенно до лампочки.

Как же так? Если со мной что-то подобное случится, они меня тоже бросят на произвол судьбы? Немыслимо! Как можно с таким безразличием относиться к чужой жизни, которую ты можешь спасти, стоит только протянуть руку помощи?!

А ведь этот парень ещё какое-то время назад услужливо натирал всем ботинки и сгружал хозяйские сундуки. И именно такой благодарности он заслужил? Чтобы его вот так бросили умирать?

Падаю на колени, помня, что нельзя сходить с дороги. Тянусь к нему, предлагая ухватиться за руку.

Мне больно видеть то, с каким страхом и непониманием он смотрит на меня, словно успел смириться со своей участью. Но всё же тянет ко мне руку, которая в считанные секунды становится мертвецки-бледной.

Когда понимаю, что остальные и не намериваются помогать нам, хватаюсь за колесо небольшой тележки, стоящей рядом. Напрягаюсь изо всех сил и начинаю тянуть слугу к себе.

Капилляры в его серых глазах лопаются, отчего белок заливают кровью, кожа сморщивается на глазах, превращая молодое тело в старческое, а русые волосы вмиг обретают седой цвет.

Хоть увиденное потрясает меня до глубины души, я всё равно продолжаю тянуть его на себя.

— Отпусти его! — кричит Тринадцатый и ровно в этот момент земля под слугой исчезает, и он срывается вниз, утягивая меня за собой.

Широко распахиваю глаза от поглощающего меня ужаса.

Там, внизу, нас встречает огромная пасть червеобразного чудовища со множеством рядов острых зубов, которые он демонстрирует нам, раскрывая свою смердящую глотку-пищевод всё шире и шире.

И что... именно вот так я умру? Именно так закончится моё «приключение» в Осень?

Мама, папа, простите, что я вас послушалась и попёрлась к себе домой, а не пошла к вам, как было велено.

Бывший... иди к чёрту и гори в аду!

ГЛАВА 19: НИНА

Закрываю глаза и ору что есть мочи. Такого животного ужаса, от которого мои волосы вмиг поседели, а душа вознеслась к праотцам, мне не доводилось испытывать. Хотя, чего это я? Я же никогда ещё не находилась на грани жизни и смерти. Если, конечно, не учитывать моё перемещение между мирами.

Кожу нещадно стягивает мощным потоком ветра, смешанным с трупным смрадом (однажды довелось его почувствовать, и теперь ни с чем его не перепутаю).

Дышать становится всё тяжелее. И в какой-то момент ощущаю, что организм решает вывернуться наизнанку. Из всех отверстий.

Ну что ж... Зато напоследок оставляю после себя «пикантное» послевкусие. Так сказать, хоть как-то поднас... отомщу подземному червю за то, что он меня сожрал в самом расцвете сил и красоты.

Да ещё тогда, когда судьба подарила мне долгожданный отпуск. За столько лет усердной работы! Практически без выходных!

Правда, в сомнительной компании. Но всё же: я на другой планете. И вообще... в другой галактике! Это ж сколько можно было встретить приключений, получить впечатлений, завести знакомств с интересными... существами и сделать открытий. Причём за чужой счёт.

Но нет... Судьба меня в очередной раз надула.

Такое впечатление, что в каких-то из прошлых жизней я изрядно наворотила дел. И теперь мне приходится отрабатывать за все косяки. Сверхурочно. В тройном поту лица.

Однако, когда понимаю, что неизбежное меня вот-вот настигнет — совершенно неожиданно исчезают все звуки. А с ними и хлёсткие удары ветра по моему бесчувственному телу, и отвратное зловоние.

В то же мгновение меня подхватывает что-то крупное. Оно клешнями сжимается вокруг моего туловища, причиняя боль. И стремительно уносит вверх.

Открываю один глаз, не веря в то, что сейчас происходит. А затем второй.

Холодная волна облегчения (это из-за того, что не стану сегодняшним ужином для инопланетного монстра) и страха (а это потому, что мне схватил какой-то другой монстр) прокачивается под кожей.

Всё, что могу разглядеть от моего «спасителя» — чёрные и острые когтища. На большее я неспособна, поскольку бурный поток ветра сильно давит на голову, отчего не могу ею даже пошевелить.

Да и не до разглядываний мне сейчас: червь из преисподней решил захлопнуть свою жуткую пасть!

Наверное, я бы переживала гораздо меньше, делай он это чуть медленнее. Но чёрта-с-два! Он смыкает свои жёлтые челюсти с такой бешеной скоростью, что я от испуга превращаюсь в дерево.

Три... Острые и вытянутые «шпы» этого подземного уroda смыкаются на слуге, делая из него решето.

Два... Я ловлю фантомный отголосок того, как моё тело пронзают эти смертоносные «иглы».

Один... Червь смыкает свою челюсть... Однако... На последней секунде нам удаётся выскользнуть.

Из пострадавших: моя психика. И башмаки, которые «слизнул» с меня подземный монстр, оставив на моих ступнях омерзительную липкую зелёную жижу.

Нервы окончательно сдают, дав сигнал желудку освободиться от завтрака.

Да простит меня вся наша «дружная» компания, потому что всё его содержимое летит на них!

Боги... Как же мне плохо: до смазанных водоворотов перед глазами и пронизывающей дрожи.

Мне мерзко, тошно, больно и... сыро: я так вспотела, что впору выжимать меня вместе с одеждой.

Монстр номер два бережно укладывает меня на пепельную землю, где я сворачиваюсь калачиком.

Утробно урчит, побуждая поднять глаза. И... Ну на хрен! Верните меня домой!

Хочу в свой мир, к своим родителям и Шашлыку (это так папа назвал моего кота).

А летающие чёрные ящеры с фиолетовыми глазами, пожалуй, пусть остаются здесь. Подальше от меня и моей искалеченной на всю оставшуюся жизнь психики. Если, конечно, сейчас её не перекусят. Потому что мне совершенно не понятно, что задумал этот жадно обнюхивающий меня дракон.

Сожрать? Или...

Он открывает свою здоровенную пасть со множеством удлинённых клыков и... проводит своим шершавым, заострённым на кончике языком по моей руке, обильно слюнявя её.

Отвратительно! Это что, прелюдия к ужину?

Похоже, этой крылатой махине с тонкой душевной организацией не по вкусу моя реакция: он издаёт недовольное фырчанье и встряхивает своей шипастой мордой. Прямо как собака, которая пытается избавиться от лишней влаги на своей шерсти. А затем его массивное тело окутывает фиолетовая дымка и... являет мне Тринадцатого во всей своей обнажённо красе.

Он размашистым шагом подходит ко мне, демонстрируя то, чего я явно не должна была увидеть. И, приложив свою горячую руку к моей холодной щеке, требовательно произносит:

— Усни.

И я засыпаю.

Дорогие читатели, я заменила арт Ариды, потому что изначально вставила вместо неё Дейту:)) И перетасила арты несостоявшихся жён к несостоявшимся мужьям.

ГЛАВА 20: ТРИНАДЦАТЫЙ

— Я вижу на твоём лице смятение, Лэсфис, — вклинивается в мои неутешительные мысли, пляшущие вокруг призванной, голос Шестнадцатой.

Вообще у космических не принято звать друг друга теми именами, которые присвоили нам жрецы в момент рождения. Для нас они несут сакральный смысл: каждое имя обладает своим значением и судьбой. Оно настолько уникально, что второго такого не сыскать даже на страницах истории. Некоторые считают, что если кто-то позвал кого-то по имени, значит, он имеет над ним власть. Поэтому в нашем обществе озвучивать настоящее имя разумного могут только его приближённые.

Так что мне очень интересно, с каких это пор несостоявшаяся невеста записала себя в мой ближний круг. Причём без моего ведома и одобрения. Между нами не то что доверительных отношений нет. У нас нормального общения ещё ни разу не состоялось. Каждый наш разговор сводится к ожесточённым спорам, после которых мы предпочитаем не общаться годами.

— Ты вдруг научилась читать мои эмоции? — окидываю беглым взглядом Шестнадцатую. А про себя добавляю: «Когда я сам их до конца не могу разобрать?». Особенно в те моменты, когда рядом со мной находится Эннея: стоит ей только пересечь моё магическое поле, и во мне тут же отключается здравомыслие. Нечто внутри просыпается и начинает всем своим существом стремиться к иномирянке. Оно жаждет похитить её, спрятать ото всех и сделать своей. А ещё любить... страстно, безостановочно, оставляя на её желанном теле свои персональные метки.

«Мне срочно нужно посоветоваться с Первым, — развеиваю свою разбушевавшуюся фантазию. — Наверняка всё дело в связи. Не иначе».

— Просто мы с тобой похожи, — отвечает Шестнадцатая.

— Неужели? — не сдерживаю усмешку. Подобных абсурдных слов мне ещё не доводилось слышать из её уст. Становится даже интересно, чем она подкрепит эту несуразную формулировку.

— Мы же одного вида, — приводит, как ей кажется, логический аргумент.

Не в моём характере принижать самок за то, что они воспринимают мир иначе, чем самцы. Но я перестал видеть в Шестнадцатой всякую женственность, когда она вдруг с чего-то решила, что я мальчик, которым можно управлять. С тех пор между нами ведётся открытое соперничество, в котором она с особым усердием старается надеть на меня седло, а я каждый раз уворачиваюсь.

— Мы с тобой непохожи, Шестнадцатая, — с нажимом произношу её имя, данное ей Первым. — Впредь соблюдай со мной деловой тон, — намекаю закипающей от раздражения драконнице на то, чтобы не смела со мной фамильярничать. Тем более, нас больше не связывает брачный союз.

Весьма утомительный, отмечу. Но он был нерушим до тех пор, пока Звезда Лилии не выбрала меня. Поскольку нас, космических, осталось катастрофичное количество: пятьдесят три, из которых молодняк составляет всего лишь двадцать восемь представителей.

— Она тронула твоё чёрное сердце, — едва сдерживая язвительность, выплёвывает Шестнадцатая.

Не успеваю ей ответить тем, что моё сердце — не её юрисдикция, поскольку сзади слышится вскрик.

— Он с-сам у-упал... — запинаясь, тараторит Нимейя Яркая Вспышка. Она испуганно смотрит на слугу, который, в свою очередь, вперил в неё недоумевающий взгляд, и прижимает свои дрожащие ладони к груди.

Внутреннее чутьё подсказывает, что обычный, даже если он споткнулся, не мог так далеко приземлиться от дороги. К тому же до меня как-то долетали весьма сомнительные слухи о том, что младшая госпожа из рода Лучистых Искр уж слишком не жалуется «серых». За один поворот вокруг Солоноса у неё сменилось слуг больше, чем тварей, которые населяют эту проклятую землю.

А дальше происходит что-то немыслимое. То, что приводит нас в глубочайшее замешательство: Эннея пытается спасти слугу, безрассудно рискуя своей жизнью ради жалкого обычного.

И когда он, несомненно, утягивает её за собой в пасть коллосса[1], нас с побратимами посещает крамольная мысль не вмешиваться в судьбу избранной Триады. Тем более, в нашем обществе порицается вмешательство в чью-то борьбу со смертью. Ведь она так же естественна, как сама жизнь.

Если призванной не станет, то всё вернётся на круги своя. Я продолжу свою деятельность в Совете. Возможно, даже рассмотрю повторное заключение брачного союза с Шестнадцатой. Буду проживать свои дни, не обременённые участием в них иномирянки. В моих владениях останется Хрустальный Хребет[2], фруктовые поля, фермы и обсерватории. А главным успокоением станет то, что больше не буду подвержен риску навсегда лишиться своей высшей формы.

Если призванная погибнет в пасти подземного червя, то я освобожусь от влечения к ней. Не будет больше тех чувств, которые, как выразилась Шестнадцатая, терзают моё чёрное сердце. Мои мысли тут же придут в порядок и перестанут превращаться в вязкую консистенцию, стекающую к паху. Другими словами, моё противоестественное желание к обычной умрёт вместе с ней.

Однако... Нечто внутри меня дёргается к пасти коллосса. Оно прорезает мою кожу изнутри, выпуская наружу обсидиановую чешую. Разгоняет чёрную кровь по моим венам. И в отчаянии дробит кости, заставляя принять полный оборот.

И вот, не помня себя, я зажимаю в своих смертоносных лапах хрупкое тело возлюбленной. Стараюсь как можно аккуратнее её держать, чтобы ненароком не причинит ей боль. А тем более поранить её нежную кожу, манящий запах которой доносится до меня даже сквозь порывы сильного ветра. Она пахнет чем-то диким, тем, во что хочется уткнуться своей морду. И тем, что вызывает во мне желание приручить её, сделать своей и только своей.

Мне стоит больших усилий подавить свой порыв сбежать ото всех вместе со своей парой. Поэтому, недовольно прорывав, укладываю её на пепельную землю.

Я сразу устремляюсь наладить с ней контакт. Мне отчего-то становится жизненно важным увидеть её восхищение мной. Услышать слова благодарности. Ведь я спас её. Но вместо этого... натываюсь на страх своей дарованной самими Великими Богами. Он липкий и отвратный. Вяжет на языке и отрезвляет меня, выталкивает из меня всю вспыхнувшую нежность и страсть к ней.

Нехотя оборачиваюсь и насылаю на Эннею кратковременное забвение. Удивительно, что после оборота магия прибавилась в моём теле. Ведь мир на призыв потратил невероятное количество сил, что практически осушило магическое ядро, за счёт которого и питается наша магия.

То есть после обращения в высшую форму я должен был сразу же свалиться в целебный сон. Но вместо этого ощущаю себя вполне бодро. И это очень странно.

Похоже, у меня нашлась ещё одна пища для размышлений.

— Филактэй, исцели повреждения призванной, — отдаю приказ водному, как только он и остальные побратимы нагоняют нас. Туман Океана выдаёт неоднозначную реакцию на мой непререкаемый тон: видно, что он не привык кому-то подчиняться. Что ж, это поправимо.

Разум всё-таки берёт верх над водным, и он безо всяких возражений принимается за дело.

Пожалуй, за трезвость ума и сдержанность я к нему расположен больше, чем к другим.

— Бионей, почисти её, — озвучиваю следующее распоряжение. — Никасис, — поворачиваюсь к другому побратиму, — подправь её состояние. А то такими темпами она может стать полоумной.

Хотя почему «может»? Она и так полоумная, раз подвергла себя, а заодно и меня, опасности ради какого-то слуги. Как проснётся, проведу с ней воспитательную беседу.

«Бестолковая!» — злюсь, натягивая на себя штаны.

«Дура!» — смотрю на призванную, на которой больше не осталось ни следа от её безрассудства.

Сам не понимаю, отчего бешусь: оттого, что спас её, перечеркнув своё будущее на ближайший год. И то, есть вероятность, что боги могут не дать согласие на наш развод. Того, что она чуть не погубила себя таким идиотским способом. Или того, какие мысли меня обуревали, когда пребывал в высшей форме. Они же немыслимы и крайне нелепы!

«Возлюбленная...», — что за вздор?!

— Понесём её по очереди, — озвучиваю побратимам своё решение. Все телеги забиты одеждой, едой и дарами, которые мы подготовили для Эннеи. Но так, кроме огненного, и не решились ей вручить. Всё потому, что пришли к обоюдному согласию не упрочнять с ней связь. А если положить её на спину оргуса, то она может без труда свалиться с неё. Так что этот вариант слишком небезопасен. Поэтому остаётся только одно.

Подхватываю призванную на руки и ощущаю в районе груди какой-то необъяснимый трепет, от которого аж забываю, как дышать.

Прижимаю её теснее к себе, в попытке разобрать, чем же от неё всё-таки пахнет. И тут же встряхиваю головой. Ну уж нет! С этим определённо нужно что-то делать! Не может быть обычная парой дракону! Космическому дракону, который занимает высшую ступень в видовой иерархии!

Мне стоит колоссальных усилий свернуть свои мысли от призванной к делам, которые мне предстоит решить. Нам остаётся преодолеть всего ничего до портала переноса на Аргёю[3], когда избранная просыпается на моих руках. Я почему-то так и не нашёл в себе решимость передать её другому побратиму. И к том же, мне как-то удаётся контролировать магические выбросы рядом с ней.

Эннея смотрит на меня захмелевшим взглядом и растягивает свои привлекательные пухлые губы в глупой улыбке: таков побочный эффект от магии светового.

— О! — икает, а затем обхватывает мои щёки своими тёплыми ладонями. — Злыдень Черномор! — она сводит тёмно-каштановые брови к переносице, смотрит на меня таким довольным взглядом, будто это я обозвал её неизвестным словом. — Почему ты такой, а?! Ты ведь мне даже понравился! — проговаривает с обиженным гонором и совершенно неожиданно кусает меня за подбородок.

Нечто внутри меня довольно урчит. Но я быстро прогоняю этот надуманный мираж, состоящий из приторно-сладких чувств.

— А сейчас что, разонравился? — зачем-то спрашиваю.

Призванная тяжело вздыхает. Поджимает свои манящие губы. А затем, будто что-то вспомнив, весело хихикает.

Я начинаю раздражаться: по какой-то неизвестной причине мне хочется услышать, что нравлюсь ей. Это что-то вроде гордыни, в которую меня часто «тыкали» родители.

— А я видела твоё хозяйство, — посмеивается и краснеет. — Оно тако-о-о-о-е, — разводит руками в стороны, явно преувеличивая. Но мне приятно... до того момента, пока она не произносит: — Маленькое!

— Маленькое? — встаю как вкопанный, наблюдая за тем, как она невинно хлопает ресницами. А следом с таким же безгрешным видом кивает, подтверждая, что я не ослышался.

Во мне поднимается такой неистовый бунт. Желание доказать этой строптивой самке, что она совершила непростительную ошибку, что готов переубедить её прямо здесь и сейчас. На пепельной земле. Желательно сзади.

Предварительно, конечно, поставив полог тишины и искажающую иллюзию.

Смотрю на неё с вызовом. Зло усмехаюсь и произношу:

— Дариос, теперь твоя очередь нести призванную.

Во имя Великой Пустоты!

Мне нужно как-то отделаться от этого наваждения! А заодно и от неправильных чувств к обычной.

Может быть, совет Первого мне как-то в этом поможет.

[1] Колло́сс — подземный червь.

[2] Хрустальный Хребет — горный хребет, расположенный на Ланаде, где добывают драгоценные камни.

[3] Аргея — материк, расположенный в самом сердце планеты (между Беонией и Дало́нией). В основном его населяют огненные драконы.

[4] Ланада — материк, расположенный в восточной части планеты. Преимущественно его населяют космические драконы.

[5] Дало́ния — материк, расположенный в юго-восточной части планеты. На нём живут исключительно каменные драконы.

БОНУС: ТРИНАДЦАТЫЙ

Космический дракон:

ГЛАВА 21: НИНА

Пришла в себя уже тогда, когда мы переместились на Аргею. Точнее, в исток[1] под названием Алура.

Слуги поставили для меня шатёр недалеко от кленовой рощи, в котором разместили топчан с жёстким матрацем, низкий столик, сундуки с дарами от огненного и кучу разноцветных ковров. Помимо того, они установили мозаичные светильники и закуток с отхожим ведром.

Обстановка довольно спартанская и оставляет желать лучшего. Но... что имею. Она всё равно не навсегда со мной, и я в любой момент могу переставить всё по своему вкусу. Хотя, думаю, это бессмысленно: как объяснил зануда Тринадцатый, мы не будем долго задерживаться на одном месте.

— Как... — в моё новое временное убежище внезапно входит Андос, испугав меня, отчего я вскрикиваю и подпрыгиваю на месте. — Обустроилась? — заканчивает уже с поутихшим энтузиазмом. — Я напугал тебя? — делает несколько шагов ко мне, но я его останавливаю жестом.

— Да! — прижимаю ладони к груди, словно это поможет унять бешено колотящееся сердце. Всё дело в моих изрядно потрёпанных нервах: если бы со мной накануне не приключилось «знакомство» с пастью гигантского подземного безобразия, я не реагировала бы так остро на тех, кто столь бесцеремонно нарушает моё тихое уединение. — Больше так не врывайся ко мне! — напускаю в голос металлической строгости. А чего, собственно, они ожидали от меня, когда сами же провели между нами черту? Уж точно не любезности. Не дождутся. Я не стану изображать из себя покорную кошечку, которая подчиняется их «настоятельным просьбам и рекомендациям».

Я не из тех, кто отмалчивается и стоит в стороне, смиренно отдав свою жизнь, голос и волю тем, кто не то, что нос от меня воротит, будто я прокажённая. А тем, кого попросту не знаю и, после всех их пренебрежительных взглядов, надменных хмыкав и затыканий, не доверяю.

— Я позвал тебя по имени, прежде чем войти... — предпринимает попытку оправдаться этот беспардонный огненный вихрь.

— И? — мой голос звучит требовательно и резко. У меня нет желания ни тушить разгорающийся пожар, ни сыпать ответными оправданиями, мол, ой, а я не слышала, как ты меня позвал.

Мне хочется поскандалить. Сорвать связки от крика, в котором вымещу всё накопившееся во мне: гнев, страх, потерянность, отвергнутость и отчаянность.

И нет в том моей вины, что Андос попался мне под горячую руку. Пусть в следующий раз хорошенько подумает, прежде чем врываться ко мне.

— Я разве тебе ответила, что можно войти? — меня всю рвёт от негодования и злости. — Вдруг я тут в неглиже расхаживаю, а ты... — осекаюсь, а вместе со мной и весь мой враждебный настрой: он тлеющим пеплом осыпается у моих ступней.

Огненный демонстрирует слишком открытую реакцию на мои последние слова: он медленно, словно смакуя каждый изгиб моего тела, проходится по мне обжигающе-жадным взглядом, отчего я действительно начинаю ощущать себя голой.

Голой и уязвимой. Прямо как разнеженный полевой цветок под палящими лучами солнца. И только знойному светилу решать дальнейшую судьбу хрупкого растения. Или же всё-таки цветку?

Это невыносимо. Чувствовать, что ко мне прикасается желанный мной мужчина, но при этом не ощущать этого в реальности.

Чёрт, я же вовсе не об этом хотела подумать... Такое впечатление, что мои мозги окончательно потекли в его присутствии. И, судя по всему, не только мозги.

В моём непреклонном и независимом характере всегда оставалось место для чуткой и романтической натуры. Такая уж я: взрывная, злопамятная, с титановым внутренним стержнем. По крайней мере, так я думала, пока не столкнулась с первой же опасностью в новом мире. А моментами — властная и душная. Или как частенько выражался мой отец: «Да с тобой же задохнуться можно, находясь в одном помещении! И в кого ты такая дотошная?!». Так спрашивал, будто сам не догадывался, что в него породой вышла. Наверное, поэтому и называл меня «Сестрой Грозы», а когда подросла — «Штормовой Грозой». Ведь всегда, когда собирается гроза — воздух становится спёртым.

Однако при всём при этом я в то же время ласковая, невероятно добрая и мечтательная. Причём до такой степени, что готова подбирать красивые эпитеты, метафоры, прозвища для всего, что вижу.

Я никогда не отвергала своих истинных чувств. Не подавляла желания. Не глушила собственную влюблённость и влечение. Я всегда брала то, что хотела. Начиная от жилья, образования, предметов роскоши, заканчивая отношениями и порой непродолжительными встречами. Но теперь, зная, что мне придётся вернуться домой, потому что не смогу оставить ни свою прежнюю жизнь, ни родителей. Зная, как Тринадцатый отреагирует на сближение с остальными. Зная, с какой неприязнью на меня реагируют другие. Мне впервые хочется задавить свою природу: с корнем вырвать всю симпатию, которая во мне образовалась к мужчинам, и не дать этим чувствам развиваться. Никогда.

Мне честно хочется попросить Андоса покинуть мой шатёр. Сказать ему, чтобы проваливался и больше не ошивался рядом, то и дело протягивая ко мне свои привлекательные конечности. Но не могу: язык прилип к нёбу, а в горле расстелилась пустыня. Если начну его прочищать — выдам своё волнение.

— Перестань так пялиться на меня, — всё же выдавливаю.

— Как? — огненный почти вплотную подходит ко мне. — М? — нависает надо мной с высоты своего немаленького роста. Сколько в нём? Явно не меньше двух метров...

Два метра чистой эротики. Эм... То есть... Боги... Как вспомнить о том, что я умею дышать?

Я отступаю на шаг, намереваясь разорвать столь близкий и выдворяющий из моей головы все здоровые мысли контакт. Но моя попытка проваливается с глухим треском длинного подола моей сорочки: я запинаюсь об ковёр, а мой огненный вихрь, решив проявить благородство и помочь даме в беде, одной рукой перехватывает меня за талию, а другой упирается в стоящие за моей спиной сундуки.

Мы так и остаёмся практически на весу.

Он слишком выразительно впивается в мои губы своими тёмно-красными глазами, в которых отражаются золотистые всполохи, полные страсти и вожделения.

Мы учащённо дышим, замерев в нескольких сантиметрах от лиц друг друга.

В этой недвусмысленной близости я с лёгкостью разглядываю все впадинки и шрамы на его чертовски притягательном лице. Они маленькие и блёклые, оттого почти и незаметные.

— О чём ты сейчас думаешь, красивая? — жаркое дыхание Андоса опалает мою кожу. Побуждает почувствовать незримый и выдуманный мной поцелуй на своих губах.

— Ты считаешь меня красивой? — такое впечатление, что меня только это и волнует: понравиться этому непредсказуемому и горячему огненному вихрю. Мой голос мелко дрожит, как и моё распалённое тело, выдавая всё моё волнение и одновременно с этим предвкушение.

Что будет дальше? Неужели я так просто сдамся?

— Да, — отвечает прямо, без увиливаний и уклончивых фраз. — Очень, — он плавно скользит своим потемневшим взглядом к моей тяжело вздымающейся груди, очертания кото-

рой проглядываются из-под глубокого выреза сорочки. «Оглаживает» её своими порочными глазами цвета вулканической лавы. А затем помогает мне выпрямиться и нехотя отступает, забрав с собой такое необходимое для меня тепло. — Прогуляемся?

[1] *Исток — отдельно взятая территория (регион).*

ГЛАВА 22: НИНА

Я торопливо натягиваю на себя верхнюю одежду, состоящую из тёплого жакета, блузки и штанов. Практически на ходу обуваю в сандалии, ведомая нервно бьющимся в горле желанием как можно скорее очутиться возле Андоса и вновь почувствовать жар его крепкого и хорошо сложенного тела.

Выхожу из шатра, окунаясь в отрезвляющую прохладу. Пытаюсь укорить себя за то, что изменяю своим решениям держаться подальше от мужчин. Но как только вижу мощный и в то же время гибкий силуэт огненного на фоне ночного неба, на котором так отчётливо виднеются звёзды, галактические спирали и планеты, отчего создаётся впечатление, словно мы парим в открытом космосе, мой разум тут же заволакивает одной лишь потребностью — чтобы Андос прикоснулся ко мне.

«Совсем свихнулась! — отчитываю саму себя. — Зачем же ты пытаешься всё усложнить?».

— Пойдём, — мой огненный вихрь с чарующей улыбкой подставляет мне свой локоть, в которой я едва не цепляюсь, как Голлум из «Властелина колец» в своё утерянное кольцо. Но вовремя себя одёргиваю: изображаю отстранённость и как бы нехотя принимаю его предложение.

— И куда ты меня поведёшь среди ночи? — задаю вполне логичный вопрос, втихую наслаждаясь, как моё тело наполняет желанное для меня тепло.

Я и не подозревала, что стану такой зависимой от прикосновений. Радует только одно — магия Никасиса временно закрыла мои мысли от других. Так что, теперь могу думать обо всём, о чём только захочу, как захочу и в каких позах. То есть... Опять меня не туда повело.

Близость Андоса определённо сумасшедшим образом влияет на моё неудовлетворённое либидо. Как бы мне выдержать его практически неконтролируемый натиск...

Я упоминала, что у меня были кратковременные встречи. Но это не означает, что я спала с незнакомцами. Мне требовалось пять, а иногда и все пятнадцать свиданий, чтобы продолжить более «тесное» знакомство. Хотя... Может, зря я так тянула с постелью, поскольку после неё практически со всеми ухажёрами и обрывала все связи: то размер не подходящий, то заиклены только на себе, то отбойный молоток мнили из себя, а бывший так вообще использовал неуместные словечки.

«Сучечка», «шлюшка». Фу! Аж до сих пор не по себе. Расстаться с ним было верным решением.

— Ты замёрзла, — огненный по-своему понимает моё передёргивание плечами и, не дождавшись от меня подтверждения, накидывает на мои плечи свой камзол.

А я помалкиваю, тайком расплываясь от удовлетворения и его персонального запаха: натуральная кожа, кедровое дерево и чёрный перец.

— Так куда мы? — напоминаю о своём вопросе, когда краем глаза замечаю любопытные взгляды на нас. И два из них не сулят нам ничего хорошего. Если Тринадцатый, стиснув челюсть, обещает в скором времени отчитать нас за беспечность. То кроваво-красный взор от, кажется, несостоявшейся невесты огненного, словно угрожает скорой расправой. Мне. Она с такой злобой и ревностью вгрызается в нас, что мне хочется поскорее уйти.

Впрочем, это мы и делаем: проходим мимо шатров, стоящих полукругом, и скрываемся за высокими раскидистыми деревьями, которые, кстати говоря, сперва ошибочно приняла за клён. В действительности же это какие-то гибриды из клёна и пихты. Я не сильна в дендрологии, поэтому форма их красно-коричневых листьев меня и сбила. Да и, откровенно говоря, мне нет никакого дела до выяснения: то ли это дерево или какое-то другое. Сейчас моё внимание направлено на нечто поважнее — на ржаво-красное озеро, которое поначалу кажется

мутным и отталкивающим. Но чем ближе мы подходим к нему, тем отчётливее виднеется то, что скрыла под собой водная гладь.

— Красиво, — проговариваю заворожённо, разглядывая золотисто-красных светлячков, переливающиеся под местным красно-чёрным светилом цветочные водоросли и рыб, плавники которых выглядят как полупрозрачные крылья самых красочных бабочек.

Вид здесь, конечно, не настолько невероятный, что может дух захватит от восхищения: в своей «прошлой» жизни я встречала места гораздо красивее и впечатляющее. Но обстановка всё равно располагающая. Такое впечатление, что здесь происходит некое таинство или подготовка к какому-то великому событию: и насекомые, и «подводные бабочки» заняты своим делом, понятным только им.

А ещё здесь, в объятиях леса и природных звуков, уютно. И, конечно, в первую очередь это связано с тем, что со мной правильный человек... То есть дракон. Никак не привыкну, что мы разных... видов.

— Не хотел портить сюрприз, — поясняет Андос своё молчание, садясь на тёмно-красную траву. — Иди ко мне, — протягивает руку в пригласительном жесте. А у меня сердце пропускает удар и в ушах шумит от того, насколько этот жест выглядит сексуальным.

Воображение тут же подбрасывает самые пикантные картинки того, чем именно мы займёмся на песчано-травянистом берегу этого озера.

Отгоняю от себя беспредельно пошлых чертенят, которые всю разошлись в моей голове, корча игриво-соблазнительные гримасы и показывая донельзя похабные жесты.

— Юношей я часто сбегал с тренировок, и единственным местом, где мог скрыться от наставников, это озеро Аффа, — приоткрывает завесу своей души, как только устраиваюсь у него под боком.

— Так не любил учиться? — мы плотно прижимаемся друг к другу предплечьями и бёдрами, отчего всё внутри искрит от волнения, и голос выдаётся хриплым, почти что обессиленным.

— Скорее, — печально ухмыляется, — не выносил наставников: отец очень многого требовал от них, а они, соответственно, от меня.

— Знакомо, — понимающе киваю, вспомнив своего отца: он вообще не выбирал выражения ни с нянями, ни с репетиторами, ни с моими тренерами. Если у меня что-то не получалось, он вздрычивал их так, что они потом на мне вымещали всю свою злость.

Но я не жаловалась на них: боялась, что мне достанется ещё больше. Или то, что папа будет недоволен мной. Ведь у него был прописан целый свод правил того, как мне подобало себя вести. И это распространялось не только на поведение, но и внешний вид и чувства, которые должна была испытывать.

Только к двадцати трём годам я научилась парировать его требования.

— Иногда дети — это детище, — подмечаю философски, — в которое взрослые вкладывают своё время и силы, чтобы слепить идеальную версию себя.

— Мне нравилось думать, что мой отец просто хотел сделать из меня сильного и умелого наследника, умная, — посмеивается Андос, в миг развеивая тоскливую атмосферу прошлого.

Смеюсь вместе с ним и, мысленно согласившись с его версией, укладываю голову ему на широкое плечо. А огненный, в свою очередь, приобнимет меня за талию.

Так и сидим: я опьянённая его близостью, старательно делая вид, что наблюдаю за ночной жизнью мелких жучков; а он — всем своим видом показывает невозмутимость.

Я что, его совсем не волную? Или он просто из тех, кто предпочитает скрываться свои чувства?

Совсем его не понимаю. То он отчитывает меня, то обхаживает. Чего он добивается?

— Если тебе что-то понадобится — дай знать, — проговаривает как бы между делом. А следом уже серьёзнее добавляет: — Достану для тебя всё, что только пожелаешь.

— Что, даже шоколад? — расплываюсь в мечтательной улыбке: после всей этой пресной и безвкусной еды, сладкое — то, что надо.

Андос смотрит на меня непонимающим взглядом, отчего тут же принимаюсь объяснять:

— Ну, это такая сладость, — жестом показываю плитку шоколада, практически сразу осознавая, что он ничего не даст огненному, кроме ещё большего недопонимания.

Но, к счастью, мой заботливый «жених» находится с ответом:

— Сладости? — вероятно, он понял это по-своему, но я не стану у него уточнять: посмотрю, что он приготовит для меня в следующий раз. — Будут тебе сладости.

Последняя его фраза жарким полушёпотом опаляет моё ухо, как бы намекая, о каких «сладостях» идёт речь. Но, к моему разочарованию, это не заходит дальше, чем мне на самом деле хочется: мы ещё некоторое время сидим на берегу, а после Андос провожает меня до шатра и оставляет в одиночестве.

В неудовлетворённом одиночестве. От которого я полночи не могу уснуть, а когда засыпаю, меня ожидает полный пизд... сюрприз.

ГЛАВА 23: АНДОС

— Подготовь корзину со сладостями, — отдаю приказ своему приближённому слуге.

По его невзрачному лицу пробегает тень замешательства. Но, как и подобает обычному, он не суёт свой крупный нос в дела, которые не следует.

Отчасти я понимаю, что именно вызвало у него такую реакцию. Не знаю, как там, в мире Эннеи, но в нашем — сласти, фрукты, овощи и специи стоят баснословных денег. И мало того, что эти редкие кушанья, как говорит моя матушка, доступны только высшему обществу. Так их ещё непросто достать, поскольку производятся в малом количестве.

— Попросить торговца поставить вас на очередь? — уточняет слуга, топчась на месте в нерешительности.

— Нет, — застёгиваю пуговицы на рукаве, предвкушая сегодняшнюю встречу с призванной. — Приплати за срочность, — отдаю распоряжение.

Не собираюсь ждать полгода, а может, год, когда до меня, наконец, доберётся очередь. Я сгораю от нетерпения порадовать Эннею прямо сейчас. Хочу увидеть её умопомрачительную улыбку и румянец на нежных щеках, от которых притупляется моё здравомыслие.

Мне совершенно неважно, сколько стоят те сладости, которые мне пошлёт торговец. Я потрачу на свою самку столько, сколько пожелаю. Потому что стремлюсь сделать её счастливой.

Пусть в нашем распоряжении всего лишь год вместе. Но я не желаю торопить события. Хочу показать своей избранной, что у меня серьёзные намерения. Что готов проводить с ней всё своё время, наслаждаясь её сладким запахом, переливчатым смехом и умными фразочками. Даже несмотря на то, что кривая моих мыслей перетекает не совсем к дружескому времяпровождению.

Я вижу, каким взглядом смотрит на меня призванная. Чувствую её прерывистое горячее дыхание. Слышу учащённое биение её неугомонного сердца. И ощущаю её плохо скрываемое желание, которое, смешиваясь с моим, превращает меня в дикую, необузданную стихию, состоящую из похоти.

Я хочу Эннею так сильно, что готов вулканом взорваться только от одного взгляда на неё. А ведь я уже давно научился совладать со своими инстинктами. К тому же у меня до призванной были и другие самки. Но волею судьбы ни одна из них не вызывала во мне такую концентрацию чувств, как Эннея. И я рад этому, тому, что мне вообще посчастливилось испытать нечто подобное.

Я испытываю к избранной не просто притяжение или влечение, а гораздо больше этого. То, что пока сам не до конца осознал. Но мне хочется защищать Эннею: укрыть её ото всех возможных опасностей и отгонять от неё тех, кто не желает ей блага.

Мне хочется быть опорой для призванной. Её поддержкой и тем, кто предоставит для неё все удобства, в которых она будет чувствовать себя комфортно. И, наконец, отгонит от себя отчаяние, страх, напряжение и обиды на нас.

Понимаю, побратимы встретили Эннею не самым лучшим образом. Но я никак уже не могу на это повлиять. Зато я могу сделать так, чтобы это неприятное впечатление осталось в прошлом, заменив его на более положительные.

И, кстати говоря, начало уже положено: я показал избранной то место, в которое раньше никого не водил, и раз за разом находил там успокоение.

В отличие от моей излишне доброй матери, мой отец обладает строгим, даже беспощадным нравом. Скорее всего, это связано с тем, что он пережил войну, засухи, голод и неудачные экспедиции по поиску более благоприятной среды обитания для нашего народа. Кроме того, он является старшим мужем в семье, на котором держится всё остальное: если он даст слабину, то на его земли, фермерские поля и школы сразу начнут претендовать другие побратимы. А

учитывая, что он добился всего сам, изнуряя себя до такой степени, что засыпал стоя, то он не позволит этому случиться. Каменной глыбой ляжет, но не даст остальным пяти мужьям моей матери и их отпрыскам заграбастать то, что принадлежит ему и мне по праву рождения.

Именно поэтому отец и воспитывал меня в строжайших условиях, в которых не было места всяким нелепым слабостям. Его совершенно не волновало, поел ли я, выспался или здоров. Ему нужен был результат. Причём непросто хороший или отличный, а блестящий. Такой, которым ботинки можно начищать, не притрагиваясь к ним.

И, само собой, время от времени я сбегал, не в силах терпеть его деспотию. Особенно в те моменты, когда начал общаться с братьями и сестрой, к которым относились намного лояльнее, чем ко мне.

Но теперь это всё в прошлом. Я вырос достойным самцом: окончил Академию с отличием, заимел свои земли и место в Межгалактической Экспедиции[1].

Я стал гордостью и преемником своего отца. И не собираюсь на этом останавливаться. В моих планах также стоит открыть школу боевых искусств. И если Апóлос, Великий Отец Огня, благословит меня, то я пройду Лабиринт Фанатиков. Это крайне опасное место, кишачье природными ловушками и монстрами. Из него не все смельчаки возвращаются живыми и в здравом уме. Но каждый уважающий себя самец, желающий славы и неоспоримого места в Совете, должен пройти эту гиблущую пещеру.

Однако меня волнует вовсе не признание или власть. Меня интересует абрòзия — лечебный фрукт, который растёт только в этом Лабиринте.

— Андос, — ко мне в шатёр влетает взвинченный Тринадцатый, — где обычная?

— В смысле? — смотрю на него непонимающим взглядом, пытаюсь сложить обрывки картины. — Она разве не у себя? — спрашиваю отстранённо, а у самого тревожные жуки копошатся под кожей.

Что-то мне совсем не нравится ни реакция Сына Космоса на мои слова, ни то, как в мою палатку врываются другие переполошённые побратимы.

— Если бы она была у себя, я бы пошёл к тебе?! — едва не переходит на крик. Он настолько раздражён и обеспокоен, выдавая свои чувства к Эннеи, что до меня не сразу доходит нечто важное. То, из-за чего я подрываюсь. Спешно натягиваю ботинки. И вылетаю к озеру в надежде найти призванную там.

Но, к нашему общему разочарованию и ещё большей взвинченности, мы не находим её у водоёма. Более того, мы убиваем на её поиски несколько часов, но так и не обнаруживаем её присутствие.

Дракон во мне приходит в ярость, жажда выжечь весь проклятый лес, который так тщательно укрыл от него избранную Тριάдой. И если к ночи её не найду, боюсь, не смогу удержать этот порыв.

[1] Межгалактическая Экспедиция — экспедиция по поиску наиболее благоприятного места для проживания драконов.

ГЛАВА 24: НИНА

Не припомню, чтобы я когда-то страдала лунатизмом. Но факт того, что просыпаюсь в лесу, в каком-то колючем кустарнике, от которого нещадно зудит покрасневшая и расцарапанная кожа, ставит под сомнение мою уверенность в своей адекватности.

Встаю, преодолевая головную боль от усталости и недосыпа, и оглядываюсь по сторонам.

Вокруг ни души. И местность мне совершенно незнакома.

— На помощь! — кричу что есть мочи. Но мой призыв гложет в пышных кронах деревьев, красно-бордовые листья которых шумно шелестят на прохладном ветру.

Сзади шеи чувствую какое-то копошение и застываю в обмершем ужасе.

Нечто кряхтящее, когтистое и беззубое больно впивается в мою кожу, отчего вся моя жизнь промелькивает перед глазами стаей перепуганных овец.

Я верещу от страха, пытаюсь сбросить с себя неизвестную тварь.

Буйное воображение подкидывает изображения того, как в меня вцепилась радиоактивная летучая мышь, поскольку чувствую нечто кожистое, шипастое и с небольшим пушком.

Извиваюсь от отвращения похлеще, чем змея в борьбе с медоедом.

В моих мрачных, окутанной паникой мыслях, я уже превратилась в уродливое зомби с гниющей плотью, у которого одно желание — сожрать чьи-нибудь мозги.

И я сожру. Обязательно. Своих названных мужей. С потрохами. За то, что призвали меня в этот мир, от которого у меня сотню раз поседели волосы. И не только на голове.

Наконец, я скидываю с себя цепкое существо. Отшвыриваю его в сторону, а сама, запнувшись о сухие обломанные ветки, плашмя падаю на пожухлые листья.

Мычу от боли, потому что сильно прикладываюсь подбородком о торчащий камень.

Искры летят из глаз вместе со слезами. На языке появляется металлический привкус крови. Но сейчас меня волнуют вовсе не телесные повреждения, а жуткая тварь с когтистыми конечностями.

Поспешно оборачиваюсь, морально не подготовившись к тому, что мне сейчас придётся увидеть какую-нибудь мерзкую зверюгу, которая явно не оставит меня в покое. Особенно если учитывать то, с какой неотступностью она в меня вцепилась. Прямо как клещ с размером енота.

Однако, когда я оборачиваюсь, лихорадочно ловя ртом живительный воздух, то моя истеричная паника вмиг сменяется растерянностью: недалеко от меня сидит маленький динозавр. То есть... красный дракончик с размером как раз таки того самого настырного енота.

Он смотрит на меня своими умными тёмно-красными глазами с вертикальным зрачком. Поворачивает набок свою чешуйчатую мордочку, на макушке которой торчат шипы, похожие на рубиновые кристаллы. И бросается в мою сторону, размахивая своими кожистыми крылышками.

Стремительно отползаю от него, накручивая себя мыслями, что он может отравить меня, выцарапать глаза своими когтищами, а-ля Росомаха отдыхает, или, хуже того, позвать свою гигантскую мамашу.

Вляпываюсь ладонью в какую-то липкую противную слизь. И, отвлѣкшись на то, чтобы отряхнуть руку и рассмотреть расколотое яйцо, похожее на огромный рубин, из которого как раз таки вытекает эта самая красно-коричневая слизь, я теряю бдительность.

Прыткий дракончик набрасывается на меня и... смыкает свою беззубую челюсть на моём пальце. Громко причмокивает, по всей видимости, ища материнское молоко. И прикрывает глаза от удовольствия, «массажиря» моё бедро, прямо как новорождённый котёнок.

Я притихаю, проникшись к малышу чувствами. Это незащитное, как оказалось на самом деле, существо напоминает мне моего кота, которого я когда-то нашла раненого и голодного на

улице. Он тоже с таким же жадным упоением присасывался к пипетке, из которой я его кормила. Первое время вообще не мог насытиться молоком: плакал и истошно мяукал. Видимо, боялся, что больше не покормлю. Или вообще выброшу в дождь на мусорку, как это сделали его бывшие «хозяева».

— Эй, малыш, — стряхиваю с его мордочки налипший пух и легонько провожу по рубиновым шипам, растущим вдоль позвоночника до самого кончика хвоста. — Мне, к сожалению, нечем тебя кормить, — пытаюсь объяснить этому оголодавшему «ребёнку». Но он не реагирует на мои слова, продолжая слюнявить мой палец. — Давай поищем твою маму, — последнее слово проговариваю с судорогой в горле, поскольку от перспективы встретиться с дикой драконницей меня бросает в холодный пот.

Никасис как-то просветил меня, что в мире, помимо разумных драконов, существуют ещё и дикие. Они крайне опасные, непредсказуемые, и встреча с ними может оказаться последним мгновением жизни.

Но я не могу так просто взять и бросить голодного малыша. Единственное, что мне остаётся — найти его родительницу, остаться (в идеале) незамеченной и как можно скорее скрыться.

Почему же я решила, что мамаша дракончика дикая? Всё потому, что разумные, как опять же объяснил мне световой, рожают детей в разумной форме: без шипастых наростов, хвоста и клыков. И трансформироваться они научатся в высшую (драконью) форму только к семидесяти годам.

Так что, спасение дикого новорождённого дракона может привести меня к неминуемой гибели. Но я была бы не я, если бы не попыталась рискнуть.

Встаю, аккуратно прижав к себе *поуркивающее* дитё. И слышу, как за моей спиной хрустит ветка.

Тугой ком встаёт поперёк горло, а спина покрывается холодным потом.

«Ну всё, — промелькивает мысль, — больше мне не придётся искать мамашу дракончика...».

Резко оборачиваюсь, собрав всю свою мужественность, на которую только способна, в кулак. Но вместо предполагаемой разъярённой драконницы, которая точно бы откусила мне голову за своего детёныша, взглядом натыкаюсь на высокую, преисполненную хищной гибкостью мужскую фигуру.

— Ты ещё кто? — с моих пересохших губ слетает хриплый вопрос.

Однако мужчина, смотрящий на меня из-под чёрного капюшона и натянутой по самые глаза кожаной маски, не отвечает. Он медленно, словно гипнотизируя, подходит ко мне. И когда он останавливается на расстоянии вытянутой руки, я, наконец, разглядываю его чёрные, как самая мрачная бездна, радужки. Они засасывают меня, лишают воли. Кажется, что даже сердцебиение останавливается вместе с притоком воздуха в мои горящие огнём лёгкие.

На какое-то мгновение я нахожу в этой внушающей опасность фигуре, облачённой в плотный кожаный костюм-броню, нечто притягательное и волнующее. Что-то внутри меня тянется к нему, желая очутиться как можно ближе. Я чувствую себя кроликом, загипнотизированным ядовитой коброй, который добровольно идёт к ней в раскрытую пасть. Но лишь, как мне кажется, на краткий миг. Потому что, когда краем глаза улавливаю блеск стали в руках таинственного незнакомца, я со всего маху ударяю ему кулаком прямо в нос.

Слышится противный хруст и едва слышный стон боли. Однако мне не до сожалений и обдумываний своего поступка. Мне очень дорога моя жизнь. И я не собираюсь просто так сдаваться.

Если этот мир, в который угодила, хочет проверить мою выдержку и храбрость, то я с готовностью приму вызов. Не позволю какому-то страху, панике и безысходности сломить мой

дух. Мой отец воспитывал меня сильной, той, что может дать отпор не только невзгодам, но и недоброжелателям.

Срываюсь с места и улепётываю, куда глаза глядят, пока этот несостоявшийся убийца не пришёл в себя. По пути проклинаю всех: и мужей, и «идеальных» для них жён, которые вполне могли утащить меня в лес, чтобы преподать урок за то, что прижималась к Андосу.

Я до сих пор помню тот злобный взгляд бывшей, а может и будущей невесты огненного вихря. Не удивлюсь, что это её рук дело. Потому что точно знаю, что я не отношусь к луна-тикам.

Совершенно неожиданно дракончик в моих руках превращается в... рубиновую жидкую субстанцию и огнём проникает под кожу.

Вскрикиваю от боли, запинаясь об свои же ноги и лечу вперёд, смирившись с тем, что от ссадин и ушибов мне сегодня точно не уйти. Но... фортуна оказывается на моей стороне: меня подхватывают чьи-то холодные руки, от которых меня сразу же бросает в мелкую дрожь.

Открываю веки, застывая под леденящим душу взором Пиларгуса.

Он недовольно хмурит свои брови, отчего каждая клеточка в моём теле покрывается инеем.

Ледяной дракон подтягивает меня к себе, отчего начинаю ощущать его тугие мышцы, ровное дыхание и стойкий морозный аромат с едва различимыми нотами горной лаванды.

— Нашлась, — констатирует равнодушно. А затем ощутимо отталкивает меня, выдавая всю свою неприязнь, и властно проговаривает: — Иди за мной.

Несмотря на то, что его реакция вызывает во мне упрямую злость, я подчиняюсь и следую за ним.

— Я встретила в лесу маленького дракончика, — предпринимаю попытку наладить с ним контакт, рассказав о приключившемся со мной. — Только он... превратился в жижу на моих руках.

Пиларгус резко останавливается, из-за чего чуть не врезаюсь в его широкую спину.

— Повтори, — у него такой суровый тон, что я аж вся поджимаюсь.

Пересказываю ему всё: от начала и до самого конца моего лесного злключения. Не забываю упомянуть и про фигуру в чёрных кожаных одеждах.

Пиларгус выслушивает мой сбивчивый рассказ с таким грозным выражением лица, что у меня возникает стойкое ощущение, будто я несу какую-то чушь, за которую непременно получу наказание.

Мой не слишком-то радушный ледяной «муж» рывком поднимает грязный рукав моей сорочки. И мы вместе с ним обнаруживаем на моём предплечье, у самого сгиба локтя, витиеватый красный узор, похожий на крылья того «растаявшего» дракончика.

Какое-то время Пиларгус сохраняет напряжённое молчание, а затем настоятельно про-износит:

— Не говори об этом пока никому. Для своего же блага.

— А что это?

— Потом, — отмахивается от моего вопроса и, как ни в чём не бывало, продолжает свой путь.

— Нормально! — недовольно восклицаю. — И что мне с этим прикажешь делать?!

Но ледяной булыжник не удостоивает меня ответом, стремительно отдаляясь от меня.

Вот же ж чурбан бесчувственный. Снежный йети с ледяным сердцем!

— Я слышу твои мысли, — бросает через плечо чересчур высокомерно, отчего я вски-паю, как чайник.

— Ну и пожалуйста! — выплёвываю злобно и нехотя иду за ним. Всё же на улице стре-мительно похолодало. А может, всё дело в этой бездушной ледяной глыбе, чьи белоснежные волосы заворачивающе отливают серебром под местным светилом.

— Я всё ещё тебя слышу, — выкрикивает таким тоном, словно я надоедливая и упрямая ослица, с которой ему осточертело возиться.

Если он думает, что этим заткнёт мой внутренний голос — *перетопчется*. Буду думать о том, о чём только захочу. И меня эти доморощенные телепаты не остановят.

БОНУС: РУБИНОВЫЙ ДРАКОНЧИК

ГЛАВА 25: ПИЛАРГУС

Призванная всё больше и больше вызывает у меня вопросов. Сначала её глаза, которые в момент призыва сменили оттенки. Затем дикий дракон, который славится своей гордостью, неприступностью и привередливостью, признал в ней хозяйку. И в ком? В обычной, в которой нет ни намёка на магию! А подобные существа питаются исключительно магией, поскольку сами рождены в ней.

Многие готовы убить за то, чтобы владеть искарлами — магическими помощниками, которые не только усиливают энергетический потенциал хозяина, но и являются надёжными защитниками.

Выследить искарлов довольно проблематично, а приручить и того хуже. За всю историю нашего мира тех, кто связал добровольные магические плетения с дикими драконами, можно по пальцам одной руки пересчитать. А вот тех, кто пытался сделать это насильно — и сотни рук не хватит. Всё дело в их специфической природе: они либо убивают своего хозяина в момент слияния, либо самоуничтожаются до самой привязки.

Но призванная... Меня разжигает озлобленность оттого, что она каким-то совершенно случайным образом нашла искарла и, сама того не зная, привязала его к себе.

Сжимаю челюсть, пытаюсь изо всех сил контролировать свой холод. Но получается плохо: трава подо мной покрывается льдом и снегом. Хорошо, что призванная настолько занята своими воинственными рассуждениями, что не замечает этого.

Мы выходим на поляну, на которую я призвал побратимов. И на ней оказываются все. Без исключения. Этот факт меня сильно раздражает. И дело не только в том, что они напоминают прирученных питомцев, которые трясутся над благополучием своей хозяйки. И не в том, что наш план по избавлению от призванной со скоростью кометы летит в чёрную дыру. А в том, что меня выводит из себя их участливость и обходительность с обычной. Хотя нет. После того как она связала себя магическим плетением с искарлом, призванная попросту не может быть обычной. И несмотря на то, что не чувствую в ней магию, я всё равно докопаюсь до правды. Если понадобится, переверну мир вверх дном, но узнаю, кого нам навязали Великие Боги.

Пока все выясняют, как призванная могла очутиться посреди леса, я прохожусь по ней смазанным взглядом, отгоняя навязчивое чувство тепла от столкновения с ней, и ухожу прочь. Туда, откуда предположительно прибежала призванная.

Спустя какое-то время поисков натыкаюсь на неприметный рубиновый осколок в кустах и красноватую слизь на шипастых ветках и примятой траве. Делаю предположение, что это часть от яйца рубинового дракона, который вылупился совсем недавно. И, похоже, он и стал искарлом призванной.

Что ж, ей выпала огромная честь стать хозяйкой дикого дракона, у которого в числе редчайших умений есть восстановление сил, управление кровяным давлением и маскировка.

Жадно втягиваю носом воздух, улавливая отголоски запаха призванной. Её смуглая и весьма приятная наощупь кожа пахнет миндалём и редкими сладостями, которые мне в детстве привозил дядя. Помню, как я берёг их, пытаюсь максимально отсрочить тот миг, когда раскатаю последнюю тягучую конфету на своём языке.

Мой разум охватывает помутнение, а из горла вырывается протяжный рык. Но я крайне упрям, поэтому ни за что не признаю, что эту неконтролируемую реакцию вызвала именно призванная. А не ещё один едва уловимый запах пепла и метеоритной пыли, который так притягателен драконам пустоты.

Бросаюсь по следу того, кто, по сути, должен сидеть, закованный в кандалы в Потерянных Пещерах на севере Панафи, а не разгуливать на свободе. Тем более неподалёку от того места, в котором на днях будет проходить брачный обряд между призванной и огненным.

Неужели кому-то из драконов пустоты удалось выбраться и теперь они что-то замышляют?

И насколько их замысел касается необычной обычной? Ведь именно ей «посчастливилось» столкнуться с одним из них. И не просто столкнуться, а уйти живой.

Подозреваю, что если им удалось сбежать из того гиблого места, они бы не стали оставлять после себя случайных свидетелей, дабы сохранить всё в секрете и как можно дольше оставаться в тени.

То, что драконы пустоты будут мстить остальным видам — я нисколько не сомневаюсь. Их народ практически истребили. Родные земли превратили в мёртвые, кишящие опасными тварями.

И за что? За то, что они стремились вывести новый вид, который бы остановил вырождение. И потребность делить одну самку несколькими самцам.

Но услышь мою попытку понять тех, кто ставил на своих детях чудовищные эксперименты, после которых сотни погибали в мучительной агонии, мой наставник тотчас заставил бы меня переписывать от руки все фолианты по истории. Во многих из которых я бы всё равно прочёл между строк, что космические попросту испугались перспективы появления новых, более сильных и совершенных драконов, чем они. И отчасти я понимаю их логику, потому что не было бы тогда тех, кто бы смог сдержать и обуздать великую силу новых или, как их называют хронисты, смещенных драконов.

Спустя несколько часов следования за одним из драконов пустоты, я, наконец, выхожу на берег Андонского пролива, где, собственно, его след и обрывается.

Что ж, остаётся только ждать, когда он проявится в следующий раз.

Если он оставил призванную в живых, значит, это не просто так. Внутреннее чутьё подсказывает, что он ещё придёт за ней. А оно, между прочим, ещё ни разу меня не подвело.

Быстро соединяюсь со слугой. И отдаю ему краткий приказ, чтобы он исследовал наш семейный тайный архив в поисках одного имени — Сестра Грозы. Думается мне, что эта обычная может быть как-то связана с драконами пустоты, либо со световыми. Но, а если нет, то мои навыки охотника впервые в жизни приведут меня к катастрофическому для моей гордости провалу.

Вскоре один из моих помощников выполняет поручение и уже через несколько часов выдаёт краткий и крайне досадный отчёт:

— С таким именем я нашёл только пожилую драконницу из рода Утреннего Света. Но она скончалась пятьдесят поворотов Солоноса тому назад. И новорождённую девочку из рода Искристых, которая скончалась вместе с матерью во время родов тринадцать поворотов Солоноса тому назад.

— Хаос! — не сдерживаю свою силу и даю ей окутать небольшой участок берега снегом и льдом.

Если Великие Боги надеются, что я оставлю свои попытки докопаться до правды, то они поставили не на того. Потому что я не намерен так просто сдаваться.

Одна неудача — это ещё не конец. И далеко не провал с моей стороны. Мне просто нужно найти зацепку, от которой буду отталкиваться в дальнейшем. А отыскать её проще всего у призванной.

Значит, мне придётся сблизиться с ней и завоевать её доверие. В принципе, это будет сделать довольно легко. Особенно учитывая то, что она сама тянется ко мне, пытаясь наладить связь.

— Жди моих дальнейших указаний, — киваю слуге и отключаю сферу связи. Что ж... игра началась.

ГЛАВА 26: НИНА

— Так лучше? — «господин внезапная обходительность» проводит над моим слегка опухшим лицом своей прохладной ладонью и временно забирает мой недуг.

— Да, — вяло улыбаюсь. — Благодарю.

После того как вернулась из леса, моё состояние внезапно ухудшилось: поднялась температура, запершило в горле и начало ломить в костях. В общем, налицо все признаки простуды. Не знаю, подхватила ли я её из-за того, что спала на сырой и холодной земле в одной сорочке. Или же причиной этому стал мелкий рубиновый пройдоха, который, усыпив мою бдительность, «впитался» в кожу.

Сомнительный он, конечно, гель для рук... Ещё и следы оставляет в виде непонятных загогулин. Но мне отчего-то кажется, что тело в большей степени реагирует на него. Потому что ощущаю в районе левого сгиба локтя раздражающее копошение, похожее на зуд. Причём мне хочется расцарапать своими отросшими и грязными ногтями не самую кожу, а кости, поскольку зуд исходит именно от них.

— Тебе следует помыться, — говорит Никасис и зажимает изящными пальцами нос с таким отвращением, словно я, как минимум, превращаюсь в «природное удобрение».

Раздражение дикой кошкой шипит во мне. Побуждает отреагировать колкостью на уничижительное поведение светового. Но я прикусываю, как однажды выразился один из моих бывших, свой сучий язык. Если мне дорога моя безопасность, а интуиция верно подсказывает, что в моём «перемещении» в лес замешены мои новые «подружки», то мне крайне необходимы союзники. Мало ли что они выкинуть в следующий раз. А так, если налажу взаимоотношения с мужьями, то обрету поддержку в их лице. И, возможно, хоть какое-то заступничество от коварства мстительных собственниц.

Я не сомневаюсь в себе и том, что могу дать отпор. Но этих писанных красавиц семь, а я одна. Как-никак, даже оголодавшая львица предпочитает не связываться со стаей шакалов в борьбе за добычу.

Однако сейчас меня больше всего волнует не мои распри с «подружками» или обретение союза с сильными мира сего. А то, почему Световой Лорд так вызывающе ведёт себя со мной.

Ещё на днях он увлечённо рассказывал мне о тонкостях мира. Охотно отвечал на мои вопросы. А сейчас, стоя передо мной, делает вид, что я ему отвратительна.

— Ты прав, — растягиваю кончики губ в подобии улыбки. На большее у меня попросту нет сил. — Не поможешь мне дойти до горячего источника?

Никасис на мгновение меняется в лице, показывая свою растерянность. Похоже, он ожидал от меня совсем другой реакции. А затем берёт себя в руки и отстранённо произносит:

— В другой раз, призванная. Сейчас меня ждут неотложные дела, — он деревянным солдатиком разворачивается к выходу, оставляя меня в смятении.

Я совсем не понимаю этих иномирных мужчин. Сперва они демонстрируют предвзятое отношение ко мне. Затем показывают откровенную заинтересованность (и в общении в том числе). А после отталкивают, даже не объяснившись.

Это что вообще за... выкрутасы такие?! Сегодня у них, значит, одно, а завтра — другое. Как мне их понимать? А главное — как смириться с их непостоянством? Потому что, видит бог, когда-нибудь я перестану строить из себя смиренную глупышку и направлю на них весь свой праведный гнев.

— Погоди, — в моё временное жильё входит Тринадцатый и преграждает собой Никасису путь. — У меня для вас объявление, — он проходит вперёд, позволяя и остальным мужчинам войти внутрь.

Облизываю пересохшие губы, испытывая необъяснимое волнение.

Повезло, что мужа не могут слышать мой несмолкаемый внутренний голос: Световой Лорд вновь использовал свою магию, чтобы притупить мою впечатлительность. Хотя в этот раз в его «помощи» не было необходимости, поскольку моё сознание стало постепенно принимать реалии этого мира. Так что на всё происходящее со мной я уже реагирую спокойнее, чем раньше. И волосы у меня уже не шевелятся во всех местах.

Однако... Тринадцатый источает такое невыносимое давление, что задевает не только меня, вызывая необъяснимую тревогу. Но и роскошные цветы, которые принёс мне Андос, чтобы я быстрее выздоровела. Пышные алые бутоны стремительно вянут и прахом осыпаются на низкий столик.

Мне становится так жаль потраченного времени Огненного Вихря (всё, теперь это прозвище официально принадлежит ему), что я глухо вскрикиваю от возмущения. Андос поведал мне, что эти цветы растут исключительно на острове Агос, практически у подножья бодрствующего вулкана. Они настолько живучи, что способны выдержать температуру раскалённой лавы.

«— Их называют Первой Любовью Великого Отца Огня и Матери Разрушения. Существует легенда, в которой говорится, что ни Отец, ни Мать никогда не знали чувств. Они жили в хаосе, уничтожая всё живое. Но однажды, когда двум другим богиням надоело наблюдать за извечными разрушениями, то они намеренно свели Отца и Мать на небольшом острове и накрыли его сдерживающим куполом.

Огненный Вихрь достал один цветок из вазы, задумчиво покрутил его между пальцев, словно ища в нежных лепестках подтверждение той легенде. А я, замороженная его мужественной красотой и захватывающим рассказом, молча ожидала продолжения.

— Богини планировали заточить на некоторое время Отца и Мать. Но они и не предполагали, что их пленники влюбятся друг в друга. Там, где они впервые встретились взглядом, — Андос одарил меня обворожительной улыбкой и присел ко мне на кровать, — расцвели эти цветы. А там, где они впервые познали друг друга, — почти невесомо провёл тяжёлым бутоном по моей раскрасневшейся от волнующей близости щеке, — образовался вулкан, из жидкого пламени которого и появились огненные драконы, — огладил бархатистыми лепестками контур моего подбородка.

Моё дыхание стало тяжёлым и прерывистым. В тех местах, где Огненный Вихрь касался меня цветком, кожа словно воспламенялась. А низ живота охватило сладкое томление.

— А как ты попал на остров? — хрипло спросила, безнадежно отгоняя от себя влечение к мужчине, который одним лишь взглядом тёмно-красных глаз способен вызвать во мне всепоглощающий пожар.

— Раз в триста лет, — огненный понизил свой глубокий голос до сексуального шёпота, от которого по моей шее, плечам и рукам пробежали горячие мурашки, — нам выдают четыре камня телепортации, способные переместить одну взрослую особь в любую точку мира.

— Т-то е-есть, — мой голос стал тихим и сбивчивым, — ты можешь четыре раза куда-нибудь переместиться?

— Нет, — эта его «н» прозвучала так тягуче, что я на секунду прикрыла веки от удовольствия. — Один камень способен открыть только один портал. И они используются... в крайних случаях.

— И ты, — шумно выдохнула, — потратил его на то, чтобы принести мне эти цветы?

— С большим удовольствием, — он медленно наклонился ко мне, не отводя свой охваченный страстью взгляд от моих глаз. — И, если ты попросишь, сделаю это ещё раз.

Горячее дыхание Андоса опалило кожу моего лица. Оставило на ней десятки невидимых прикосновений.

Я слотнула слюну, ощутив, как мои соски затвердели, а тело охватила дрожь предвкушения.

Мысленно взмолилась тому, чтобы огненный заметил, как реагирую на него. Потому что... сгорала от нетерпения увидеть то, как он потеряет самоконтроль.

Интересно, каким он будет в тот момент? Как будет действовать? Будет ли нежен со мной или же груб?

— А вдруг они понадобятся для более серьёзного дела, — я задыхалась от собственных слов, но продолжала выталкивать их из своего горла: — а ты их истратишь на мои прихоти?

— Для меня, — он упёрся своими руками в резные бортики топчана за моей спиной, почти заключив в горячие объятия, — не существует более серьёзного, чем ты.

Это его признание огненным шквалом обрушилось на меня. Сломало сдерживающие меня оковы. Заставило почувствовать то, как каждая частичка моего тела плавится и сгорает от желания. От нетерпения почувствовать его кожу своей.

Сама того не осознавая, я потянулась к Андосу. Осторожно прикоснулась к его мягким губам. Но когда почувствовала, что он не двигается, застыв с ошеломлённым выражением лица. И, быть может, вообще не хотел этого. Поспешно отстранилась.

Однако не успела я почувствовать разочарование, как Огненный Вихрь накинудся на меня жадным, прожигающим саму душу поцелуем.

Он прижимал меня к себе с такой силой, словно боялся, что сбегу. Но вопреки его опасениям, я этого не сделала. А наоборот, прижалась к нему ещё плотнее, обвивая его крепкую шею руками.

В тесноте наших тел я ощущала его тугие мышцы. То, как его кожа постепенно нагревалась, а в мой живот упирался его налитый желанием член.

Я потеряла голову от обилия чувств между нами, из которых отчётливее всего распознала страсть. Она, словно поглотившая нас вулканическая лава, перекрыла нам доступ к кислороду. Заставила сгорать в мучительно сладостной агонии, не помня и не контролируя себя.

Андос нетерпеливым рывком поднял подол моей новой сорочки. Смял внутреннюю сторону бедра и, отодвинув в сторону ткань моих трусиков, размазал влагу по моим разгорячённым и изнывающим от нестерпимого желания складочкам.

— Какая ты влажная, — шептал прямо в припухшие губы, не скрывая собственного удовлетворения. — И вся для меня... Страстная, — он надавливал на чувствительный клитор, вызывая во мне протяжные стоны удовольствия. — Отзывчивая... — вырисовывал на нём узоры. — Моя... — ускорял темп, доводя меня до иступления.

Я закатывала глаза от того, насколько мне было невыносимо хорошо.

Цеплялась дрожащими пальцами за мускулистые плечи Андоса, как за спасительный выступ, который не позволял мне сорваться вниз.

Подмахивала бёдрами в неистовом желании почувствовать долгожданную разрядку.

Застывала на месте, наслаждаясь каждым прикосновением, который доводил меня до умопомрачительного экстаза.

Терялась в пространстве, забывая как дышать.

Утопала в бездонных зрачках Андоса, которые чуть не проглотили его вспыхивающие огненными искрами радужки.

— Кончай, — приказал Огненный Вихрь, когда почувствовал, что мои мышцы натянулись от напряжения. — Кончай для меня. — И я подчинилась: моё тело сотрясло бурным оргазмом, от которого я едва не потеряла сознание».

Вынырнув из воспоминаний, от которых тут же покраснела от макушки до пят, до меня, наконец, дошла реакция Никасиса. Вдруг он почувствовал то, что произошло между мной и Андосом?

Если это так, то это не укроется и от Тринадцатого. И тогда нам точно несдобровать.

А если он уже почувствовал и поэтому такой злой?

Мамочка моя любимая!

БОНУС: ВИЗУАЛИЗАЦИЯ К ГЛАВЕ

ГЛАВА 27: НИНА

Нервно оглядываю собравшуюся вокруг меня толпу мужчин. И замираю, столкнувшись с пронизывающим взглядом тёмно-красных глаз, от которого у меня до сих пор внутри всё трепещет.

Наша прерванная с Андосом близость, на которой нас чуть не застучали Филактэй и Никасис, проносится передо мной стихийным порывом, отчего все мои внутренние приборы перегреваются, и я на мгновение теряюсь в лице.

Глаза застилает мутная пелена, из-за чего появляется ощущение, якобы мы с Андосом по-прежнему находимся наедине: я содрогающаяся и стонущая от запредельного удовольствия на его руках, а он прижимающий меня крепко к своему тренированному телу и внимательно взирающий на меня сверху вниз. Причём с таким удовлетворением на красивом мужественном лице, словно в этот момент не только я вознеслась на вершину блаженства.

Это чувство дорогого стоит. Когда мужчина, от которого по моим венам струится жидкий огонь, а под грудной клеткой взрывается сотня фейерверков, получает наслаждение вместе со мной. И при этом использует одни лишь пальцы. А после не произносит с такой гаденькой интонацией: «Ну, а теперь настала твоя очередь ублажать меня».

Ещё ни разу в жизни я не испытывала настолько мощный оргазм, от которого я чуть ли не потеряла сознание и не сорвала голос. Хорошо, что на каждой палатке стоит полог тишины. А то поймали бы нас с Огненным Вихрем прямо всем табором. И тогда нам точно не удалось бы отвертеться.

В мои лёгкие прекращает поступать воздух, когда Андос будто бы невзначай проводит «теми самыми» пальцами по своим полным губам.

Поспешно отворачиваю взгляд, чувствуя, как жар скапливается внизу живота, и натываюсь на хитрое выражение лица Дариоса. Он с лукавой ухмылкой, которая придаёт ему особый шарм, смотрит сначала на огненного, а затем на меня. В его плутоватых глазах отчётливо читается догадка.

Покрываюсь краской стыда ещё больше. И в надежде остудиться, перевожу взор на Тринадцатого.

Но... остудиться у меня не получается, поскольку «владыка космоса и нашей воли» окидывает меня озадачено-злым взглядом (поражаюсь, как он может сочетать на своём прекрасном лице столько эмоций). Медленно, словно не желая столкнуться с тем, что его опасения оправдаются, сначала переводит взор на каменного, затем на огненного, а следом и на меня.

Съёживаюсь и накрываюсь покрывалом по самую шею, когда вижу, как Черномор звереет. Он в мгновение оказывается за спиной Андоса, оставив после себя густую тёмно-пурпурную дымку. Тянет к нему руки, покрытые обсидиановой чешуёй, в намерении ни то вырубить, ни то придушить. Но огненный тоже оказывается не промах: резко оборачивается и бьёт космического с ноги в живот.

Я вскрикиваю от испуга, ошарашено наблюдая за тем, как Тринадцатый с бешеной скоростью отлетает вперёд и прихватывает с собой Андоса вместе с шатром.

Над местом, которое мне до этого служило убежищем, поднимается пыль. Она забивается мне в нос и горло, отчего захожусь в судорожном кашле. Пытаюсь отмахнуться от неё, чтобы разглядеть, куда подевались огненный и космический. Но острые частички настойчиво впиваются в глаза и перекрывают весь обзор.

Внезапно кто-то подхватывает меня на руки вместе с покрывалом.

Я ощущаю сильный толчок, а затем свистящий ветер на своей коже и растрёпанных волосах.

Мгновение — и всё затихает.

Удушливый запах пыли перебивает приятный аромат свежести и цитрусовых, которые служат для моих дыхательных путей островком спасения.

— Можешь уже открыть глаза, — слышу голос Никасиса.

Он ставит меня на траву. И с неудовольствием начинает стряхивать с себя пыль.

— Где Андос и Тринадцатый? — бегло оглядываю местность, в которую меня принёс световой.

Кругом одни деревья, шелестящие на прохладном ветру. И небольшой водопад, впадающий в озеро, над водной гладью которого расстилаются клубы пара.

— Не стоит тебе влезать в дела двух разъярённых драконов, — чересчур резко произносит Никасис, вызывая во мне оторопь, а затем и вовсе раздражение.

— Я должна их остановить, — практически шиплю, бросив покрывало на землю. — Тем более... — стискиваю зубы, не решаясь сказать следующее: «Они сцепились из-за нашей с огненным ошибки».

Но... ошибка ли это была?

Произошедшее между мной и Андосом — это что-то невероятное. Похожее на пожар, который налетел так стремительно, что у нас не осталось ничего другого, кроме как сгореть в его пламени.

Наша близость с Огненным Вихрем — не ошибка. Он мне действительно запал в самое сердце. Причём так быстро, что сама не успела опомниться. Это что-то вроде влюблённости с первого взгляда. Не самой любви. Ведь до неё мне ещё нужно узнать об огненном больше. Но всё же около того.

И было бы странно, позволь я Андосу зайти намного дальше обычного поцелуя, если бы он действительно не нравился мне.

У меня есть одно незыблемое правило, которое появилось после того, как меня в первом классе чуть не похитили какие-то дядьки на чёрном фургоне: я не позволяю к себе прикасаться незнакомым людям. В частности, это касается мужчин. Особенно тех, с кем не намерена заходить дальше общения.

А учитывая, что меня успели потрогать практически все... Вывод напрашивается сам собой.

— Усмири свою прыть, — с издёвкой произносит Никасис, схватив меня за запястье, когда собираюсь пойти и отыскать наш лагерь. — Ты и так уже всё сделала... — говорит чуть ли не открытым текстом, что и от него не укрылось то, чем мы занимались с Андосом до его прихода.

А я-то наивно полагала, что максимум, кто об этом узнает — Тринадцатый. Но выходит... что о нашей близости уже все в курсе? Одна я хотела до последнего разыгрывать дурочку?

М-да... Шалость определённо удалась. Притом такая, что теперь — совсем капелюшечку — стыдно смотреть в глаза других «мужей».

Ну а что? Сами виноваты в том, что так хороши собой. Вот я и потеряла голову, поддавшись соблазну.

Медленно опускаю взгляд на своё левое запястье, на котором сомкнулись поистине аристократичные пальцы светового, и ощущаю, как в этом месте щекоткой пробегают мелкие разряды тока.

Приятно.

— Что, если они поубивают друг друга? — озвучиваю своё самое страшное опасение.

— Раньше надо было думать. — Никасис сильно раздражён. Но не так, если бы он действительно был недоволен тем, что мы с Андосом нарушили запрет. А так, словно... словно он ревнует.

— Не чем было, — иронизирую, — мозги на полочку откладывала. — И, — дёргаю рукой, желая высвободиться из цепкой хватки, — отпусти уже!

Световой Лорд мгновенно устремляет свой взор на моё покрасневшее запястье. И делает такое удивлённое лицо, как будто сам не ожидал от себя подобного поведения.

— В любом случае, — неловко откашливается он и отступает на несколько шагов, — впредь соблюдай границы. Мне не ведомо, в полной мере ли Тринадцатый объяснил положение наших дел, но... если мы признаем в тебе пару, то рискуем навсегда потерять свою высшую форму. А когда ты вернёшься в свой мир, — его взгляд становится каким-то тоскливым, отчего у меня болезненно сжимается сердце, — ты нас сразу же забудешь, а вот мы тебя — нет.

Я с минуту стою в ступоре, переваривая слова Никасиса.

То есть... как это потеряют и забудут? Почему Тринадцатый ничего мне об этом не сказал? Это же... несправедливо и бесчестно по отношению ко мне.

Он же... Он же сказал только о том, что мы по виду друг другу не подходим.

И зачем же он утаил столь кошмарную причину невозможности наших отношений?

Внутри расползается всеобъемлющая пустота, из-за которой я перестаю что-либо чувствовать, слышать и видеть. Она выкачивает из меня остатки сил, превращая в бездушного робота.

— Я не знала... — только и выдаю севшим голосом.

Но какой в этом смысл? Оправдаться? Как же это бессмысленно и лицемерно с моей стороны! Я ведь практически с самого начала решила, что вернусь домой, а своё «приключение» с возможными элементами романтики и эротики оставлю здесь, вместе с «мужьями».

Теперь же... Хочу ли я, чтобы Андос лишился своей драконьей сущности? Или помнил обо мне в то время, когда я забуду о нём?

Нет, такого я точно не хочу для Огненного Вихря. Это сродни тому, если бы я попросила любимого отрезать кусок печени, руку и ногу ради того, чтобы он на краткий миг побыл рядом со мной. А огненный заслуживает нормальных отношений с перспективой на будущее.

Мне очень мучительно это признавать, но... будет лучше, если я отпущу их и вернусь к изначальному плану нашей миссии. Как бы моё сердце не трепетало и не выло от боли, но я должна это сделать. Не только ради себя, но и мужчин, чьё недружелюбное отношение ко мне, наконец, обрело свой смысл.

— Приведи себя в порядок, — где-то вдалеке, над толщей моих гнетущих мыслей раздаётся голос Никасиса. Теперь в нём нет недовольства. Он глух точно так же, как и мои эмоции. — Как закончишь — позови. Тебе достаточно произнести лишь моё имя, и я сразу же приду.

Я заторможенно киваю и, не чувствуя веса собственного тела, иду к озеру.

Я вообще, откровенно говоря, не осознаю себя сейчас. Такое ощущение, что тело здесь, а разум где-то далеко-далеко. Там, где я поворачиваю время вспять, не позволяя себе пересечь черту.

Стеклянным взглядом смотрю на то, как пар причудливо завивается в маленькие водовороты, практически перекрывая собой всю водную гладь. Но стоит мне сделать ещё один шаг к горячему источнику, как кто-то со всей дури толкает меня прямо в красноватую воду.

ГЛАВА 28: НИНА

Я вскрикиваю и мгновенно прихожу в себя. Размахиваю руками в надежде за что-то зацепиться. Но тщетно: я со всего маху падаю в воду, которая тут же оглушает меня и попадает прямо в нос.

В панике выныриваю, не чувствуя под ногами дна, и судорожно ловлю ртом воздух.

Не хватало мне ещё новой фобией обзавестись. Я и так не переношу пауков и вида пчелиных сот. А тут ещё гидрофобия вырисовывается. Не надо мне такого, «чудный» новый мир!

Сколько себя помню, вода всегда была моей стихией: мне нравится плавать, будь то простая речка, море или океан. Время от времени заниматься дайвингом, сёрфингом и водной гимнастикой. И мне бы хотелось, чтобы эти увлечения, пусть и не на профессиональном уровне, остались со мной.

Хватаюсь руками за каменный выступ и оглядываю берег. Поначалу вообще никого не наблюдаю из-за густого пара. Но проходит секунда-другая, и сквозь белёсую пелену проступает знакомый силуэт.

— И зачем ты меня толкнула? — спрашиваю скорее для отвлечения внимания, чтобы успеть вылезти из тёплого источника. Хотя мне и неизвестно, на какие поступки готова пойти бывшая Андоса, чтобы проучить меня за то, что влезла на «её территорию». Инстинкт самосохранения подсказывает, что на любые: даже на то, чтобы утопить меня, а после сжечь, не оставив ни одной улики.

— Ты ещё спрашиваешь, грязное ничтожество?! — её голос настолько высокий и злощип, что аж в ушах звенит.

Морщусь, пытаюсь подняться с земли, но эта огненная бестия не даёт мне этого сделать: наступает своим пыльным ботинком прямо мне на кисть.

Я многое готова вытерпеть: то, что от меня скрывают важную информацию, то, что за моей спиной плетут интриги, и даже то, что меня считают «миссис Несчастье, из-за которой у нас порушилась привычная жизнь». Но чего я никогда и ни при каких обстоятельствах не спущу с рук другим — это попытка унизить моё достоинство. А уж тем более — покуситься на мою жизнь.

Поэтому, когда я со всей дури бью этой суке прямо под колено, это действие совершенно оправдано: меня некому защитить, а поэтому я должна сделать это сама. Иначе каждый возомнит себе, что со мной можно не считаться, а при случае — даже напасть.

Пока «невестушка» огненного теряется от шока и боли, я резко выдёргиваю ладонь из-под её подошвы, хватаю двумя руками за ногу и толкаю в воду.

Она (не знаю её имени и знать не хочу) взвизгивает, пытается вцепиться своими пальцами прямо мне в волосы, но, потерпев фиаско, поскольку у меня отменная реакция (не зря папуля самообороне учил) с громким плеском падает в источник.

Я подскакиваю на ноги. Отряхиваю ладони от пыли и песка. И с чувством полного самодовольствия наблюдаю за тем, как вымокшая бестия с растерянностью на лице и в пространстве отплёвывается от воды и своих же волос. Впрочем, это продолжается недолго, поскольку, когда она подплывает к берегу, её обманчиво-красивое личико перекашивает от бешенства.

Я ещё ни разу не сталкивалась с теми, кто бы демонстрировал в мою сторону такую лютую ненависть. Да и как меня можно ненавидеть, когда я такая славная *пусечка*? И всё же реакция «огненной невестушки» (буду теперь их только так называть) меня крайне настораживает.

— Ничтожное существо, — бестия ладонями опирается на каменный выступ и выпрыгивает из воды, — как ты посмела коснуться меня?!

Если меня когда-нибудь спросит, как кричит детёныш Годзиллы, то я в красках опишу бывшую Андоса.

— Руками, — откровенно потешаюсь над ней. Хотя здравый ум предлагает улепётывать отсюда, потому что объективно она сильнее меня как физически, так и магически.

— Я тебя размажу, — она подсакивает ко мне, намереваясь вцепиться в волосы, но я отбиваю её руки.

— Слушай, если у тебя течка, то иди почеси зубы и кулаки о дерево или камень. А меня оставь в покое. — Во мне сейчас превалирует слабоумие и отвага. Ну а что мне ещё остаётся делать? Пусть эта бешеная сука в десятки раз меня и сильнее, но я не дам себя в обиду. До последнего вздоха буду биться за себя. Так что, это именно она не на ту напала.

— Выбирай выражения, грязная иномирянка, — утробно рычит, отчего мне немножко становится *ссыкотно*. — Ты должна получить по заслугам за то, что возомнила себе, будто ты равная нам, — она стремительно взмахивает рукой и оставляет на моей щеке обжигающую пощёчину.

Удар у неё... богатырский, несмотря на всю её видимую женственность и хрупкость. Причём такой, что разбивает мне губу и щёку изнутри.

На языке появляется металлический привкус, дающий мне право действовать в полную силу. Отец всегда говорил, что бить по лицу — это последнее, к чему нужно прибегать в бою. Ну, раз «огненная невестушка» первая начала, показав своё неуважение ко мне, то это полностью развязывает мне руки.

— Ты ничтожество, — продолжает изрыгать гнев, — скользкий червяк под ногами. Ты не то что не имеешь права стоять рядом с нами, высшими разумными, но и дышать одним воздухом. Ты — ошибка природы, от которой нужно немедленно избавиться.

От последних слов этой бешеной суки меня пробирает на злость. Неужели она настолько отчаянная, что из-за ревности и чувства собственного превосходства зайдёт настолько далеко?

— Всё сказала? — выгибаю бровь, а в следующее мгновение мой кулак отпечатывается у неё в районе солнечного сплетения.

Меня не задевают её слова, поскольку они не имеют никакого отношения ко мне: это только её личная неприязнь к таким, как я. Но я всё равно не позволю так разговаривать с собой.

И пока она с совершенно глупым выражением пытается вобрать в себя воздух, я возвращаю ей пощёчину, а затем снова толкаю в воду.

Мсть действительно сладка, кто бы что там ни говорил.

Терпеливо жду, когда она, наконец, выплывет к берегу. И когда это происходит, я включаю всё своё красноречие на максимум:

— Послушай, красавица, — пытаюсь сесть на корточки, но мокрая сорочка прилипает к заднице и ногам, стесняя мои движения. Поэтому приходится остаться на полусогнутых. Зато возвышаясь над бешеной сукой. — Это ты выбирай выражения. Меня призвали в этот мир сами боги. Как думаешь, оставили бы они призванную без какой-либо поддержки? — сперва я подумываю блефовать, но потом вспоминаю о дракончике. — Если ты хоть как-то навредишь мне, — напускаю в голос угрозы, — я проклянусь и тебя, и весь твой род. Да так, что на тебе он и прервется.

Сперва эта «высшая разумная» с испугом уставляется на меня, отчего я преждевременно чувствую вкус победы. Однако это выражение быстро сменяется неверием, а затем и вовсе весельем.

Неужто я где-то ошиблась?

Бывшая Андоса заливается хохотом, заставив меня усомниться в своих словах. Смотрит на меня с таким снисхождением, будто я душевнобольная, которая скоро помрёт в собственных иллюзиях и экскрементах. А после выпрыгивает из воды. Причём с такой лёгкостью, словно мои удары — это всего лишь укусы комара. Хотя я действительно была в полную силу. Но она даже не морщится. Только улыбается и хищной поступью надвигается на меня.

— Сперва я думала преподать тебе урок, — она кровожадно улыбается, а в её руке образуется огненный шар, похожий на жидкую лаву. — А теперь поняла, что такая мёрзота, как ты, не заслуживает подобного снисхождения. Она заслуживает лишь одного — смерти.

— Если ты сделаешь что-то со мной, то это отразится и на остальных, — вспоминаю о нашей с «мужьями» божественной связи.

— Мёрзота так хочет жить, что пытается прикрыться не её самцами? — насмехается надо мной. — Но не переживай, — делает наиграно-грустное выражение лица, — когда ты беззащитно посапывала, я нанесла на твоё бренное тельце ещё одну татуировку. Благодаря ей высшие разумные понесут лишь незначительные убытки: на годик-другой лишатся магии и всего-то. Но это оправданная мера, потому что она раз и навсегда вычеркнет тебя из наших судеб.

Больная на голову сука, которая только что подтвердила свою причастность к моему «перемещению» в лес, бросает в меня огненный шар. А я не успеваю толком отреагировать и вернуться, как он уже врежется мне прямо в грудь.

Страх за собственную жизнь заставляет меня закричать: отчаянно и зло. Но вместо предполагаемой боли я ощущаю терпимое жжение. А затем и вовсе происходит нечто необъяснимое: сгусток лавы, точно как дракончик, впитывается в меня (или это я его впитываю?).

Ступор, неверие и слабые подозрения о том, почему я, обычная(!), имею такие таланты в чужом мире, захватывают мой разум настолько, что я сперва не вижу, как «огненная невестушка» с перекошенным от злобы лицом запускает в меня новую серию лавовых сгустков. Некоторые из них пролетают мимо меня и врезаются в деревья, моментально сжигая их и превращая в горстку золы. А те, что попали в меня — вновь «забирает» моё тело.

Постепенно я начинаю ощущать прилив сил. Пока непонятный мне, но дарующий уверенность.

— Что ты такое? — горе-инквизиторша смотрит на меня с широко распахнутыми глазами и ртом.

Я и сама не прочь узнать, кто я такая на самом деле.

Может, это боги как-то помогают мне? Или во мне что-то изменилось с перемещением в этот мир?

— Ты лгунья! — пытается в чём-то обвинить меня своим рёвом. — Ты никакая не обычная, да? — её глаза лихорадочно поблёскивают, а на губах растягивается шальная улыбка. — Ты решила, что сможешь нас, высших разумных, обвести вокруг пальца? А может, ты ещё и призыв подстроила?

Не понимаю, что она пытается этим сказать. Но её слова определённо заставляют задуматься. И я обязательно поразмыслю над ними. Выясню, в чём же причина моих неожиданно открывшихся возможностей. Но после того, как мы с «огненной невестушкой» закончим начатое.

Я подхожу к ней практически вплотную. Хватаю её за миловидное личико и сильно сдавливаю щёки. Судя по тому, как она морщится и пытается высвободиться, ей больно.

Краем глаза замечаю, как мою кожу охватывает пламя, а вены загораются огнём. Со стороны, наверное, выглядит эпично. Прямо как кадр из культового фильма, где Эннея *Огненно-рождённая* заставляет своих врагов склониться перед ней.

Я ощущаю немыслимый жар каждой частичкой своего тела. Но он не приносит мне дискомфорт, а наоборот, он дарует мне пьянящее чувство власти и превосходства.

— Если ты ещё раз полезешь ко мне — пеняй на себя, — отталкиваю голову огненной назад с такой силой, что она чуть снова не падает в воду. — И не вздумай болтать о том, что здесь произошло. Иначе я всё расскажу мужьям. И поверь, они даже слушать тебя не станут и сразу вышвырнут из лагеря.

Я не просто уверена в своих словах, а убеждена в том, что если мужчины узнают о нападении огненной на меня, то тут же отошлют её в родные края. Кем бы до этого им ни приходились эти ревнивые драконницы, я всё равно приоритетнее.

Да и, по правде говоря, я не хочу рассказывать мужчинам о приобретённых мной способностях. Они просто не заслуживают знать об этом. Особенно после того, как неуважительно поступили со мной.

«Огненная невестушка» отходит от меня. Смотрит с вызовом, демонстрируя, что конфликт не исчерпан. Гордо вскидывает подбородок и швыряет себе под ноги какой-то камень. Судя по тому, как её стройное тело окутывает огненный вихрь, камень телепортический.

Я облегчённо выдыхаю, когда она исчезает, и, почувствовав на себе чей-то взгляд, задираю голову к вершине водопада. Там, на самой верхушке, откуда падает вода, стоит знакомая фигура, облачённая в чёрные одежды. Первая мысль, которая меня посещает при виде него: «И он пришёл мстить за сломанный нос». Но всё оказывается совсем не так, как я себе придумала: незнакомец плавно опускается на одно колено и склоняет передо мной голову.

Я аж дар речи теряю от подобного выпада.

И что это должно означать?

Но ответ находится сам собой:

— С пробуждением, госпожа, — несмотря на то, что он находится достаточно далеко от меня, и шум водопада перебивает практически все сторонние звуки, его шёпот всё равно достигает моих ушей. А после он уходит, оставив меня в беспомощной растерянности.

Что это, чёрт возьми, должно значить?!

ГЛАВА 29: НИНА

Я минут пять трачу на то, чтобы прийти в себя. Десять — чтобы перебрать всевозможные варианты, связанные с тем, по какой такой причине мне, иномирянке, свалился столь «королевский» дар с небес. Пятнадцать — чтобы опробовать несколько пассов руками, попрыгать и покричать заклинания в духе «призываю пламя», «огонь, вспыхни» и «огненный щит, появись». И, в конце концов, прийти к неутешительному выводу, что, похоже, кроме способности вбирать в себя чужую магию и загораться как чучело Марены на Масленицу, я больше ничего не имею.

Если это и вправду местные боги решили вмешаться в мою незавидную судьбу, то у них поразительно скупое великодушие. Хотя сама мысль о создателях мира сего вызывает во мне сомнения. Во-первых, потому, что я в них слабо верю, как и в магию, которой обладаю. Мне вообще время от времени кажется, что я до сих пор сплю: столько событий происходит вокруг, что мне порой сложно их принять.

Во-вторых, мне не даёт покоя то, почему эти «божественные творцы» выделили именно меня. Ведь за столько веков призыва, не зафиксировано ни одного случая, чтобы «не местный» вдруг начал обладать магией. По крайней мере, так мне сказал Тринадцатый.

Могу ли я теперь, после того как он скрыл от меня важную информацию, доверять ему?

С одной стороны, у меня нет другого выбора: я совершенно одинока и уязвима. К тому же не понимаю, как обращаться с неожиданно обретенной магией. И посему мне необходим учитель. Но с другой, мне хочется пойти на поводу у своей гордости и бросить все попытки наладить контакт с «мужьями».

Руки так и чешутся придушить свою наивную доверчивость. Решительно провести между мной и мужчинами черту, за которую им запрещено заступать. И мне в том числе. Помимо того, мне не терпится научиться всему самой. А после публично продемонстрировать свои навыки тем, кто считал меня всего лишь «обычной». Чертенята во мне так и потирают копытца от нетерпения, представляя, как вытянутся морды этих «разумных» с невероятно раздутым самомнением.

— Как всё так сложно... — я медленно погружаюсь в воду, неотрывно смотря на серебристо-лазурное светило в окружении проступающих звёзд. — И чем я так провинилась?

С головой погружаюсь в тёплую воду и сосредотачиваюсь на собственном сердцебиении. Раньше мне это помогало отвлечься от несмолкающего внутреннего голоса. Но теперь его сменяют навязчивые образы того, как мы с Тринадцатым обмениваемся «ничего не значащими» взглядами. С Пиларгусом — «случайно» касаемся друг друга. А с Филактэем упорно делаем вид, что наши соприкосновения — не более чем вынужденная мера. Ведь он мой «доктор».

Следом мысли разбавляют сцены того, как мы с Никасисом катаемся на эмоциональных качелях: то беседы ведём, как старые добрые знакомые, то цепляемся друг к другу с язвительными замечаниями.

Выныриваю, жадно ловя ртом воздух, и остервенело начинаю чесать грязную голову: как выяснилось, обо мне не только забыли, бросив здесь, в незнакомой местности. Но и не озаботились тем, чтобы оставить мне хотя бы мыло.

Вот так, вся перепачканная и дурно пахнущая, я сижу на мелководье и думаю о том, что только с Бионеем и Андосом мы не притворяемся, что нас тянет друг к другу. С огненным так вообще... произошло неодолимое притяжение, отчего моё сердце до сих пор заходится в лихорадочном ритме.

— Так, всё! — останавливаю саму себя (и накатывающее возбуждение в том числе) и переключаю всё внимание на Дариоса.

Он, пожалуй, единственный, кто не испытывает ко мне столь открытого недружелюбия. Наоборот, каменный демонстрирует вежливость по отношению ко мне. Но подозреваю, что он просто хорошо воспитан. А моё «залипание» на нём — это всего лишь односторонняя заинтересованность.

Похоже, изобилие красавчиков на один квадратный метр так вскружило мне голову, что я начала теряться в своих чувствах. Всё-таки не может же быть такого, что одна женщина испытывает влечение сразу к семерым? У меня, конечно, давненько не было секса. Но не настолько же, чтобы во мне вдруг откуда ни возьмись появилась внутренняя нимфоманка.

Хотя... Пора, наверное, уже признать, что хотеть близости с несколькими — это нормально. А вот что касается «настоящих» чувств — это уже совершенно иное. И к своему счастью, я не испытываю ни к одному из мужчин ни любви, ни преданности, ни желания построить совместное будущее.

Да, есть симпатия, страсть и похоть. Но... только и всего.

Поэтому именно сейчас, когда не успела окончательно запутаться в своих чувствах и поверить в то, что между мной и «мужьями» может быть нечто большее, я, пожалуй, отступлю.

Как там сказал Тринадцатый? Вроде: «У нас общая цель». Так вот, отныне мы партнёры, которые преследуют единую цель — доказать богам, что мы несовместимы.

— Хозяйка заблуждается, — вдруг откуда-то сзади доносится голос маленького мальчика.

Я вздрагиваю от неожиданности и резко оборачиваюсь, но никого там не нахожу. Позади меня лишь несколько камней и кустарник с красными колючками.

В голове тут же вспыхивают обрывки из фильмов ужасов, где одержимые демоном дети и куклы охотятся на взрослых и лишают их рассудка.

Несмотря на то, что нахожусь в тёплом источнике, тело вмиг покрывается холодным потом. А возбуждённые нейронные связи изо всех сил стараются вспомнить «Отче наш».

— Кто здесь? — верчу головой в разные стороны, как испуганная сова. И краем глаза улавливаю вспышку спереди меня.

— Я, хозяйка, — передо мной предстаёт рубиново-красная проекция знакомого дракончика.

— Напугал, — выдыхаю с облегчением и ладонью поглаживаю себя чуть выше груди в попытке успокоить колотящееся сердце.

— Простите, хозяйка, — несмотря на то, что он полупрозрачный и похож на летающее желе, я всё равно разглядываю его жалобную мордочку, которая не оставляет мне и шанса.

— Ладно, — отмахиваюсь, делая вид, что этот поступок так просто не сойдёт ему с... лап, — я не сержусь. Но в следующий раз так не делай. И почему ты меня называешь хозяйкой?

— Потому что вы моя хозяйка, — подлетает ко мне чуть ближе.

У него такие маленькие и непропорциональные телу крылышки, что становится удивительным, как он вообще может летать с помощью них. Хотя, наверное, это нормально: он же всего лишь проекция.

— Значит, — складываю пазл в своей голове, — ты выбрал меня в качестве своей хозяйки. И поэтому... вселился в моё тело? — звучит, конечно, как-то... по-сатанински. Но ничего другого не приходит на ум.

— Всё верно, — произносит с такой гордостью, словно главный приз в драконьем состязании выиграл. — И теперь вы моя драгоценная хозяйка, которую я буду оберегать ценой своего существования.

— Очень самоотверженно, — комментирую его пламенную речь и сникаю, вопреки тому, что под грудной клеткой растекается удовольствие и благодарность к этому маленькому защитнику. Приятно знать, что хоть кто-то на моей стороне. — Но почему именно я?

— Потому что у хозяйки чёрная кровь, — довольно улыбается во все свои тридцать два клыка.

— Чёрная кровь? — округляю губы в непонимании. — Что это значит?

— У хозяйки вкусная магия, — говорит о чём-то своём, как будто не слышит мои вопросы.

— Магия? Какая ещё магия? — запутываюсь ещё больше. — Я же иномирянка, и до твоего появления во мне не было никаких признаков магии.

— Потому что Великие Боги даровали хозяйке ещё один шанс... — голос дракончика, как и он сам, начинает потихоньку затухать, словно призрачный мираж в знойной пустыне.

— Стой! — пытаюсь ухватиться за него, но рука проходит сквозь чешуйчатое тельце. — Почему ты сказал, что я заблуждаюсь?

— Хозяйка, наконец, на своём месте... — на этих словах он окончательно исчезает, оставляя меня с кучей вопросов и пульсирующей головной болью.

Почему все пытаются от меня что-то утаить? Зачем вгоняют в неизвестность и оставляют между нами недосказанность с размером альпийских гор? Они что, пытаются сделать из меня обделённую умом курицу, которой вместо ответов подадут какую-то хре... шелуху?

Так дело не пойдёт.

Уповаю на других, я урезаю себе возможности. Так что придётся разобраться со всем самой.

ГЛАВА 30: НИНА

Погрузившись по подбородок в воду, я уже несколько минут гоняю в голове одни и те же мысли. Не то, чтобы я нарочно это делаю. Просто они назойливыми мухами липнут ко мне, вгоняя в тревожность и раздражение.

Признаться, иногда я мечтаю о том, чтобы выключить мозг. Окунуться в умиротворяющую тишину собственных мыслей. И забыться в этой молчаливой прострации на пару-тройку дней.

Но... для умных девочек вроде меня, той, кто боится потерять контроль и отпустить ситуацию, это непозволительная роскошь. Так что приходится нон-стопом кофейной ложкой поедать свой же мозг.

Как говорил мой папа, по которому я ужасно соскучилась: «Когда ты так усердно думаешь — где-то случается землетрясение». Знал бы он, что это землетрясение происходит прямо во мне.

Просто... я не знаю, в какой момент нужно остановиться. Отвлечься и перестать заикливаться на одном и том же. Как, например, сейчас, когда я в сотый раз прокручиваю слова моего чешуйчатого «сожителя».

Он сказал, что я заблуждаюсь ровно в тот момент, когда я думала о мужчинах. Это всего лишь совпадение или открытый намёк на то, что обманываюсь на их счёт? А может, он имел в виду, что у нас разные цели? Или... что мы подходим друг другу?

Ну нет! Это же полная чушь. И как такое только могло прийти мне в голову? Понятно же, что мы разных видов, и у нас нет никакого будущего. За исключением того, где мы разводимся.

Но что если... вмешательство богов всё изменило? Дракончик же что-то сказал про шанс от создателей мира сего. И то, что я нахожусь на своём месте. Хотя последнее прозвучало как откровенный бред.

На каком это на «своём месте»? И что он под этим подразумевал?

— Агрх! — гневно рычу и остервенело тру лицо ладонями, как будто это поможет заткнуть голоса в моей голове. Нет, я не сумасшедшая. Просто не успеваю как следует обдумать одно, как в голову уже лезет другое. — Точно! — подпрыгиваю на месте, зацепившись за одну любопытную деталь из жизни своих родителей: я никогда не видела ни своих дедушек, ни бабушек, ни тётъ и ни дядь. Более того, я не видела ни фотографии их семей, ни информации про них в документах.

Я вообще ничего не знаю о прошлом своего отца и матери. Такое впечатление, что они взяли и... возникли. Прямо как пришельцы. Понимаю, звучит дико. К тому же родители говорили, что они оба сироты. Но... тогда откуда отец взял, что наш род ведётся аж от ацтеков? И ещё: почему папа дал мне прозвища, созвучные со вторыми именами здешних разумных?

Что-то... что-то мне нехорошо. В историях родителей явно что-то не сходится. Что если... что если...

Я начинаю ощущать, как паника приливает ко мне: сердце заходится ходуном, ладони потеют, а на глаза помимо воли наворачиваются слёзы.

Что со мной? Это же просто догадка. Почему моё тело так странно реагирует на неё?

Видимо, я сильно устала. Накрутила себя всякими устрашающими домыслами, вот психика и не выдержала. Нужно просто отдохнуть и вернуться к поиску ответов позже.

— Эннея, — зовёт меня Никасис, — ты закончила? А то долго не звала, вот я и решил сам прийти.

Точно! Он же говорил, что я могу произнести его имя, и он придёт. Вот ведь! Совсем забыла об этом.

— Нет, я не закончила! — выкрикиваю с раздражением и слышу, как световой чертыхается где-то сбоку от меня. — Вы мне даже мыла не оставили!

Меня внезапно обдаёт прохладным порывом ветра. А через несколько минут перед моим лицом появляется плетёная корзинка с какими-то тёмно-жёлтыми баночками, куском мыла и тряпичной мочалкой.

— Спасибо! — расплываюсь в широкой улыбке, испытывая к Никасису безмерную благодарность. — Но... — в мою голову прокрадывается шальная мысль. Она крутит меня, как чертёнок-искуситель. Побуждает поддаться ей и произнести: — Я устала, поэтому помой меня сам.

Я тут же прикусываю язык, коря себя за опрометчивость и импульсивность. Однако... это последний разочек, когда я так поступаю. В следующий раз я обязательно прислушаюсь к доводам своего разума: возведу между мной и «мужьями» железобетонную стену. А сейчас мне просто хочется побыть беспечной. И не думать о том, что мне придётся провести целых двенадцать месяцев в гордом одиночестве: без поддержки, любви и секса.

А ещё я не представляю, чем мне себя занять на это время. Массажем? И кому его делать? Слугам? Свидетелям? Несостоявшимся невестами? Не-е-е. Ни за что. А вот если бы мужьям... Это уже намного интереснее. В момент процесса можно даже расширить диапазон своих услуг.

«Так, Нина, остановись!» — торможу саму себя и те картинки, что сгенерировал мой мозг: вот я разминаю плечи Никасиса... Вот я уже оголяю свою грудь и прижимаюсь к его обнажённой спине.

Шумно сглатываю, продолжая пялиться в одну точку.

Щёки и шею жжёт огнём от мысли, что блокирующий эффект от магии светового уже развеялся и он, возможно, видит всё, что творится в моей голове.

Пикантность к этой ситуации добавляет ещё то, что Световой Лорд стоит за моей спиной, и я не могу «полюбоваться» его реакцией.

— Хорошо, — отправляет меня в моральный нокаут. Честно говоря, я не ожидала, что он так легко согласится. Думала просто подразнить его. И, если получится, смутить. А вышло... что вышло.

Сердце гулко стучит от волнения, грозясь вырваться из грудной клетки. Тело вмиг становится сверхчувствительным, отчего начинаю ощущать плотность воды, как она покачивается вокруг меня и нежно ласкает кожу.

Никасис действует молча: убирает корзину от моего лица, постукивает баночками, видимо, ища что-то нужное, а после льёт мне на макушку нечто прохладное и густое.

Приятный запах цитруса заполняет мои лёгкие. Дурманит сознание вместе с массирующими прикосновениями светового к моим волосам.

Колкие мурашки волной скользят по моему податливому телу. Создают копошение в затылке. Касаются плеч и налитой желанием груди с торчащими из-под тонкой сорочки сосками. Пронесаются по выпирающим косточкам малого таза, пояснице. И, наконец, концентрируются между ног, там, где мучительно сводит мышцы от неудовлетворённого желания.

И я вдруг запоздало понимаю, что мне не стоило поддаваться внутреннему порыву. Ой, как не стоило...

ГЛАВА 31: НИКАСИС

Я впервые теряюсь перед самкой и не знаю, что сказать, когда вижу поникшее лицо призванной. Внутри вспыхивает непонятное желание прижать её к себе и утешить. Ведь она действительно не знала, что может обречь нас с побратимами на жалкое существование. А я... сорвался на ней. Поддался глупому раздражению и чуть не наговорил лишнего.

Просто... когда я зашёл в шатёр к призванной и учуял на ней запах огненного, во мне словно что-то пробудилось: нечто яростное и жестокое. То, что хотело в ту же минуту вырвать кадык Андосу, а потом... заклеить свою самку укусами и семенем. Но я сдержался. Несмотря на то, что это потребовало от меня колоссального количества усилий.

А вот Тринадцатый не смог: ревность и соперничество взяли своё.

Поэтому сейчас, вместо того чтобы успокоиться и найти подбадривающие слова для призванной, я оставляю её в гнетущем одиночестве. Мне нужно помочь разнять двух сцепившихся драконов до того, пока они в своём неистовстве не уничтожили лес, а заодно и местных жителей.

Хотя, признаться, это далеко не главная причина, почему я решил оставить Эннею одну. Всё дело в том, что в её присутствии моё здравомыслие куда-то улетучивается. Мои цели и амбиции меркнут рядом с ней. Они становятся неважными, второстепенными, как и дело всей моей жизни. А это фатально не то, что для моего будущего, но и лично для меня. Ведь всю жизнь я только и делал, что стремился занять одну из важных ролей в Совете Единства. А потом ночами не спал, составляя законопроект, согласно которому мой народ обретёт независимость и отдельное право голоса.

Но вот явилась избранная, и над моими планами нависла угроза.

Я слишком многое отдал и слишком многих заверил, что мои идеи воплотятся в жизнь. И я не могу так просто взять и сдать себя на милость инстинкту. У меня просто нет на это права: я не могу предать свои ценности и подвести световых. Променять свою свободу на зыбкую надежду, что не лишусь своей высшей формы, а призванная обязательно почтит меня своим вниманием не только во время брачного ритуала. Но и... когда-нибудь... лет так через десять, если в первую брачную ночь нам не удастся зачать потомство.

Ну а если удастся (сам не знаю как, похоже перегрелся под лучами Солоноса) — мне больше никогда не «посчастливится» её увидеть. И тогда мне придётся в одиночку воспитывать нашего отпрыска, время от времени срывая на нём свой гнев и раздражение.

По крайней мере, так делал мой отец: он называл меня своим самым большим несчастьем, ведь моё рождение отняло у него возможность ещё раз встретиться с любовью всей его жизни.

Он жил жалкую жизнь: душевные терзания настолько поглотили его, что отец начал беспробудно пьянствовать. А затем и вовсе подсел на дурманящие разум фрукты: из-за них он распродал практически всё наше имущество и погрузил нас в нищету.

Умер отец так же жалко, как и жил: с металлической тростью в руках, которой периодически отыгрывался на мне, и спущенными штанами у дерева, которое под воздействием наркотиков ошибочно принял за мою мать.

Я не хочу себе такой же участи. Не желаю познавать «прелести» любви и существовать в страданиях с мыслью, что моя жена предпочитает кого-то другого, кроме меня. Вдали от меня.

Именно поэтому я выбираю заключать союзы, где страдает мой кошелек, но не моё сердце. Так проще и... безопаснее, что ли. По крайней мере, до встречи с Эннеей, этот метод помогал мне избегать лишних... сложностей во взаимоотношениях с самками. Теперь же придётся найти что-то гораздо эффективнее. То, что напрочь отобьёт все мои навязчивые мысли об

избранной Тριάдой. А главное — сидеть возле неё и оберегать, как самое величайшее сокровище.

— Ты берёшь на себя огненного, — даю короткое распоряжение Дариосу после того, как возвращаюсь с горячего источника. — А ты, — указываю на Бионея, — космического. — Ты, — смотрю на Пиларгуса, — на подхвате. Ну а ты, — поворачиваюсь к Филактэю, — и сам знаешь, что тебе делать. А я, — хрущу костяшками пальцев и разминаю шею, — постараюсь вырубить их.

Мы выдвигаемся на поле боя. По-другому тут и не скажешь: внушительный участок леса превратился в дымящееся пепелище, десятки деревьев выдраны с корнем, а поляна, на которой мы изначально поставили шатры, стала пылающим кратером.

Мне совершенно непонятно, как Андос и Тринадцатый продолжают держаться, ведь они не оставили друг на друге ни одного живого места: оба в крови, синяках, с открытыми переломами на руках и ногах, а на лице так вообще — мясная лавка.

Нам приходится потратить немало времени, чтобы догнать их. Ещё дополнительную кучу — чтобы опутать каменной и земляной магией и, наконец, отправить этих беспощадных зверюг в сон.

Помимо того, что огненный и космический до костей стёрли кулаки друг об друга, так они ещё в самый разгар ожесточённой схватки переключились на нас: сломали Дариосу нос, Пиларгусу отбили почки и селезёнку, Бионея случайно ударили по голове, да так, что тот до конца боя провалился в отключке. Но, а мне благо достались всего лишь пара ушибов. Ну и разорванные вещи.

— Н-да... — с укоризненной протягивает Филактэй, когда мы вносим два окровавленных тела в отдельно поставленный шатёр.

— Зато как весело! — с притворной бодростью проговаривает Дариос. — Я думал, от скуки помру, пока мы закончим брачный ритуал, ан нет... какая занятная ситуация развернулась, — он широко улыбается, придерживая окровавленными пальцами нос, и первым садится к водному на исцеление.

— Они ведь чуть не поубивали друг друга... — с поникшим выражением лица комментирует Бионей. — И что они не поделили? — задаёт совершенно наивный вопрос.

Мы многозначительно переглядываемся с каменным, водным и ледяным. Но так и не решаемся озвучить очевидное. Выходит, только земной не понял, что именно не поделили огненный и космический. А точнее, кого.

— Брось, — отмахивается Дариос. — Вся прелесть связи побратимов заключается в том, что как бы не старались, мы не можем убить друг друга.

— Но всё же... — продолжает нагнетать обстановку Бионей.

— Кстати, — перебивает его каменный, — а это правда, что у земных обоняние хуже, чем у других разумных? — этот провокационный вопрос буквально заставляет нас нервничать. Такое впечатление, что Дариос специально его задал, чтобы земной, наконец, догадался в чём кроется суть.

Однако... Бионей искренне не понимает столь открытого намёка и простодушно отвечает:

— Не совсем, — присаживается на табурет. — В детстве я часто страдал от насморка, и это сказалось на моём обонянии.

— Понятно, — с хитрецей в глазах протягивает каменный. — Но ты же, как я слышал, повар. И у тебя, кажется, даже есть своя таверна. Как же ты тогда готовишь свои знаменитые блюда?

— Этот... — земной запинается, подбирая более подходящее слово, — недостаток совершенно не мешает мне в работе.

— О как! — одобрительно кивает Дариос, поражая присутствующих своей ловкой игрой в отвлечение внимания. Я слышал, что Каменный Пик не обделён умом. Но не думал, что это правда: он казался мне недалёким и одержимым торговцем, который, наслушавшись сказочных бредней про Слёзы Даяды[1], начал скупать пустые шахты по всей Далбонии[2]. Теперь же я переосмыслию о нём своё мнение.

— Что ж, — ударяю ладонью об ладонь, — раз всё неплохо закончилось, вернёмся к своим делам.

Я намереваюсь покинуть шатёр и переодеться, но голос Дариоса останавливает меня:

— Насчёт призванной, — мы вновь напрягаемся, но больше не оттого, что Бионей узнает причину схватки Тринадцатого и Андоса, а потому что... сами не хотим признавать её: мы же разумные, куда нам состязаться за внимание какой-то обычной. — Предлагаю быть к ней более лояльнее. Она совершенно уязвима перед нами и нашим миром. А мы, вместо того чтобы оберегать, нападаем на неё с претензиями. Всё-таки это прихоть богов — связать нас брачными клятвами, а не её.

Я ожидал от кого угодно услышать столь рассудительные слова, но никак не от каменного. Да, я признаю его тонкий ум. Но почему-то мне казалось, что он будет использовать его во благо себе, а не других. Тем более ради избранной, той, с кем тесная связь может стать фатальной для нас.

— Поддерживаю, — с лёгкостью соглашается Бионей. Ещё бы: одного взгляда достаточно, чтобы определить, что он по уши влюблён в призванную. И когда земной только успел? Разве можно так быстро в кого-то влюбиться, даже толком его не узнав?

— Ты прав, — неожиданно для себя поддерживаю предложение Дариоса. — Во всяком случае, если мы должным образом позаботимся о ней, то предотвратим ненужные сложности, — тут же нахожу причину, почему мы должны проявить снисходительность к Эннее. Ведь существует множество поучительных примеров, где самцы не уделяли должное внимание своим самкам, и те угасали. А в некоторых случаях — собственными руками прерывали свою жизнь. Конечно, призванная не создаёт впечатление столь отчаянной обычной, но подстраховаться всё же стоит.

— Теперь осталось убедить в этом Тринадцатого, — без задней мысли произносит Бионей, вызывая у нас весёлые смешки. — Чего? — хмурит брови, совершенно не понимая нашей реакции.

— Думаю, — каменный хлопает бесхитростного побратима по плечу, освобождая ледяному месту у водного, — он и так согласится.

— Верно, — земной утвердительно кивает, поняв фразу по-своему. — Ему это в первую очередь выгодно, чтобы не ударить в грязь лицом перед Тринниадой.

— Ага, — едва сдерживаясь от смеха, протягивает Дариос и вместе со мной покидает шатёр.

Я наспех переодеваюсь в простые штаны и рубашку. Мокрой тряпкой смываю с себя кровь и грязь. И, отметив про себя, что призванная слишком долго не зовёт меня, сам прихожу к ней.

Если бы я тогда знал, чем это обернётся для меня — тут же бы покинул её, как только принёс средства для гигиены.

[1] Слёзы Даяды — редчайшие дракоценные камни, похожие на алмазы. Их настолько трудно разыскать и добыть, что со временем они превратились в миф. Даяда — одна из первых каменных драконов, любимая дочь Диклона (Великого Отца Камня) и Лилии (Великой Матери Созидания).

[2] Дало́ния — континент, расположенный в центральной части планеты. На нём преимущественно обитают каменные драконы.

ГЛАВА 32: НИКАСИС

— Я устала, поэтому помой меня сам, — ошарашивает меня своей прихотью обычная, да так, что я на некоторое время застываю в полусогнутой позе.

Поначалу кажется, что я ослышался. Но когда до меня долетает учащённое сердцебиение призванной и её откровенные фантазии с моим участием, до меня сразу же доходит, что это всерьёз.

— Хорошо, — шумно сглатываю и трясущимися руками тянусь к средству для волос. В штанах мгновенно становится тесно, но я благополучно игнорирую этот факт.

Если меня ещё раз хоть кто-нибудь назовёт благоразумным, то я не без тоски опровергну эти слова.

Это же надо было так легко согласиться на столь опасную авантюру! Похоже, по голове досталось не только земному, но и мне. Иначе почему мой язык опережает доводы рассудка?

До крови прикусываю указательный палец, ограждая свой разум от избранной: в её изобретательной головушке разворачиваются такие нескромные сюжеты, что всерьёз опасаясь за свою выдержку. В конце концов, я не просто политик, но и самец с весьма естественными потребностями.

Лью на макушку призванной густое мыло и осторожно растираю его. На кончиках пальцев тут же начинают метаться искры от соприкосновения кожи к коже. У избранной такие мягкие волосы, что в какой-то момент забываюсь и с неведомым мне ранее удовольствием начинаю перебирать их.

— Приятно, — шумно выдыхает Эннея и откидывает голову на каменный выступ. Я тоже решаю изменить своё неудобное положение: снимаю ботинки, подворачиваю штаны и сажусь на берег.

Широко расставляю ноги, чтобы создать себе удобство в мытье одной бесстыжей фантазерки. Но, как оказывается впоследствии, делаю это зря. Во-первых, потому, что шов на штанах больно врежется в член, поэтому приходится незаметно его поправить. А во-вторых, потому, что мне открывается «шикарный» обзор на торчащие соски призванной из-под полупрозрачной грязно-серой сорочки.

«Великий Отец Воздуха, — прикрываю веки в мольбе, — дай мне сил не совершить глупость».

Одно дело внушать себе важность великого плана по «спасению» себя и световых вдали от той, кто с пол-оборота будоражит мои нервы. Другое — находиться рядом с ней. Здесь не работает попытка представить ни своё мрачное будущее, ни лица тех, кто надеется на меня. Меня просто сносит потоком чужого возбуждения, вышибая все здравые мысли.

Веду носом, как дикий зверь и протяжно вдыхаю сладкий аромат полевых цветов.

Даже моё средство, напичканное цитрусовыми, не способно перебить манящий запах избранной.

— Можешь, — хриплю и тут же прочищаю горло. Не хватало ещё попасться на таком простом. Всё же я не животное, которое живёт одними инстинктами. У меня и мозг имеется. Хотя, когда я вновь касаюсь Эннеи, меня начинают одолевать сомнения по этому поводу. — Можешь уже смыть средство.

Мои напряжённые донельзя мышцы слегка расслабляются, когда Эннея с головой уходит под воду.

Пока у меня есть время, я быстрорываю ткань полотенца и повязываю её на глаза: не хочу смущать призванную своим жутко откровенным взглядом.

Хотя кого я пытаюсь обмануть? Я делаю это с отчаянным намерением оградить себя от опрометчивого поступка. Вопрос только в том, поможет ли мне эта хлипкая повязка.

Слышу, как Эннея выныривает. Тяжело дышит, смахивая капли воды с лица, и поворачивается ко мне.

— Зачем это? — спрашивает с недоумением.

— Разденься, — мой голос гаснет на последнем слоге, выдавая меня с потрохами. Но я всё равно предпринимаю попытку реабилитироваться: — Не хочу поставить тебя в неловкое положение, когда буду омывать твоё, — я неосознанно прикусываю губу, на секунду представив обнажённую призванную: её упругую, налитую желанием грудь, гладкий живот, округлые бёдра и... — твоё тело.

Я спешно нащупываю мочалку. Практически полностью заливаю её гелем для тела из-за непривычно повышенной нервозности. И покорно жду, когда избранная даст мне своё согласие.

Конечно, в глубине я надеюсь, что сейчас она отступится и закончит водные процедуры сама. Я даже в какой-то мере, особенно когда Эннея затихает, рассчитываю на эту идею. Но моему малодушию не суждено сбыться: призванная продолжает измываться над моей выдержкой.

— Хорошо, — она практически вплотную подходит ко мне, стянув себя мокрую сорочку, которая с громким шлепком падает на камень. Заполняет мои лёгкие крышесносным запахом своего возбуждения. И заставляет нечто внутри меня встрепенуться.

— Направляй меня, — поднимаю руку с мочалкой, позволяя это сучке и дальше издеваться надо мной.

Я ведь не железный, и у меня(!) в какой-то момент могут сдать нервы.

— Хорошо, — такое впечатление, что она растеряла все слова, говоря одно и то же.

Радует, что не я один внутренне подыхаю от нетерпения. Не у меня одного дрожит тело, как при лихорадке, когда призванная смыкает свои пальцы вокруг моего запястья и подносит руку к своей шее.

Я осторожно надавливаю на её кожу, растирая душистый гель, который, вечность проглоти, никак не может перебить её одуряющий запах похоти.

Провожу мыльную дорожку к ключицам, ловя пересохшими губами учащённое дыхание избранной.

Чувствую, как она невесомым движением проводит линию от моего лба к носу. А затем, немного подумав, доводит её до губ.

Перехватываю её запястье и, вопреки требовательному голосу разума, который просит оттолкнуть призванную от себя, я подношу её ладонь к своему лицу и... оставляю на ней нежный поцелуй.

Кровь шумит в голове. Перед глазами расплываются золотисто-красные круги. И я понимаю, что ещё чуть-чуть, и я окончательно тронусь умом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.